

Mal. g. 372^X (2)

10

ЗАПИСКИ МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ КАМПАНИИ НА СРЕДИЗЕМНОМЪ
МОРЬ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ Вице - Адмирала
Дмитрія Николаевича Сенявина

ошъ 1805 по 1810 годъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

2.

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1836.

Bronevskij, Vladimir Bogdanovič

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ 21 Января 1836 года

2.

Ценсоръ А. Крыловъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fg/80/98285

Изъ книжки Александра Нибарова
1806 годъ
№ 119.

СОДЕРЖАЩІЙ КАМПАНИЮ ПРОТИВУ ФРАНЦУЗОВЪ НА
АДРІАТИЧЕСКОМЪ МОРѢ.

ПОСЫЛКА БРИГА ЛЕТУНА ВЪ ПРЕВЕЗУ.

По извѣщенію Министра при Ионической республикѣ Графа Моцениго, Вице - Адмиралъ Сенявинъ далъ повелѣніе командиру брига Лешуна взять Французской корсеръ, захватившій Россійское судно въ Превезѣ. Начальникъ брига, Лейтенантъ Ив. Будаковъ, 8 Февраля, прибывъ къ устью Превезкаго залива, потребовалъ, что бы Россійское судно было возвращено. Корсеръ по настоянію Правительсва оставя Россійское судно, отошелъ въ прошивулежащую бухту, и на другой день напалъ на брига; сраженіе продолжалось полшора часа и ядрами Корсера городъ не мало поврежденъ былъ. Хотя Французская шебека была сильнѣе нашего брига, однакожь пользуясь тишиною принуждена была опойши на веслахъ во внутренность губы, гдѣ выгрузивъ съ одного борта пушки, и поставивъ оныя на двѣ башарей, спала на мѣлководіи между оными. По возвращеніи брига Лешуна съ Россійскимъ судномъ въ Корфу, командиръ брига Феникса Капитанъ - Лейтенантъ Сулменевъ, вмѣстѣ съ Будаковымъ, получилъ повелѣніе испребишь Французской корсеръ. Оба брига 13 Февраля пустились въ губу; при входѣ

ихъ вышелъ имъ на встрѣчу Турецкой брига о 14 пушкахъ и слѣдовалъ за ними; непріятельскій корсеръ споялъ при мѣстечкѣ *Салагоръ*, въ устьѣ рѣки *Луру* и, какъ выше сказано, защищался двумя бапареями. Бриги по мѣлководію не могли подойти на рѣшишельную дистанцію, ядра ихъ едва доставали; почему и оставили нападеніе, а корсеръ вошелъ далѣе въ рѣку. Во время сраженія Турецкой брига былъ спокойнымъ зрителемъ. Вице-Адмиралъ представилъ Турецкому начальству, что если позволютъ непріятельскому корсеру строить бапарей на ихъ берегѣ, допускаютъ задерживать суда, нагруженные разною провизіею для Россійской эскадры, и впредь не примутъ надлежащихъ мѣръ, для удержанія своевольства непріятельскихъ судовъ; но принужденъ будетъ взять спрогія мѣры, коими можешъ прекратишь подобныя злоупотребленія власши Начальниковъ союзной съ Россіею Державы. Въ семъ произшествіи видны происки непріятели, но Али Паша, знакомый съ Вице-Адмираломъ, по первому сему опыту узнавъ, что невыгодно ему будетъ дѣлать подобныя непріятности, воспользовался первымъ случаемъ увѣритъ Сенявина въ своей дружбѣ и расположеніи. Паша по Турецкому обычаю прислалъ Адмиралу нѣкоторыя подарки, за которые должно полагать получилъ гораздо значительнѣйшіе; ибо не взирая на умыслы непріятели, искавшаго, лишеніемъ подвоза съѣстныхъ припасовъ, вредитъ намъ въ Корфѣ, Али Паша

во все время былъ добрымъ сосѣдомъ и хорошимъ пріятелемъ Вице-Адмиралу.

ДѢЙСТВІЯ ЭСКАДРЫ КАПИТАНА ІРАНГА БЕЛЛИ.

Вице-Адмиралъ прибылъ 15 Марша въ Катаро и лично удосповѣрился въ преданности къ Государю Императору Бокезцовъ, объявившихъ чрезъ депушаповъ готовность свою жертвовашъ не только собственностію своею, но и жизнью. Уважая такую искреннюю приверженность народа, въ коей не было ни какого сомнѣнія, положилъ защищать и помогать имъ сколько возможно. Учредивъ полицію и конвой до Тріеста и Конспанпинполя, выславъ 30 судовъ, вооруженныхъ отъ 8 до 20 пушекъ, для блокады портовъ непріятельскихъ въ Адриатическомъ морѣ, предписалъ Капитану Белли съ кораблями Азіею, Еленою, Ярославомъ; фрегатами Венусомъ, Михаиломъ; бригомъ Лепуномъ, шебекою Газардъ и шхуною Экспедиціонъ, стараться овладѣть островами, лежащими противъ Далмаціи.

ВЗЯТІЕ КРѢПОСТИ КУРЦАЛО.

Въ слѣдствіе сего повелѣнія Капитанъ Белли съ кораблемъ Азіею, Ярославомъ, Еленою и 9 купеческими судами, 29 Марша вышелъ изъ Катарскаго залива. Въ каналъ Ка-

ламота присоединилъ къ себѣ шхуну Экспедиціонъ и шебеку Газардъ, а 30 Марша въ полдень Ярославъ, Экспедиціонъ, Лешунъ и Газардъ, положивъ якорь на нисполетномъ выспрѣлѣ опъ крѣпости, открыли по оной сильной огонь. Менѣе нежели въ полчаса пушки на спѣнахъ были сбиты, и непріятель защищался только ружейною стрѣльбою. Когда корабль Азія становился на якорь, а десантъ, состоявшій изъ 2 ротъ морскаго полка и нѣсколькихъ мапировъ, на гребныхъ судахъ повезли прямо къ крѣпости; но непріятельскій Комендантъ, видя себя атакованнаго съ моря и сухаго пуши, и полагая, что корабль Елена съ 9 купеческими судами, приближавшимися къ крѣпости, имѣющъ другія высадныя войска, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не было (*), спустилъ на крѣпости флагъ, вышелъ изъ оной съ гарнизономъ, положилъ ружье, и сдался безъ условій на власнѣ. Въ плѣнъ взято Подполковникъ 1, Капитановъ 2, Офицеровъ 5, Унтеръ-офицеровъ 20, барабанщиковъ 5, рядовыхъ 227, убитыхъ было 85. Въ крѣпости досталось пушекъ мѣдныхъ разнаго калибра 12, въ магазейнахъ же достаточное количество аммуниціи и запасовъ. Въ призъ взято 9 судовъ.

По взятіи острова Курцало, Капитанъ

(*) Суда сіи должныствовали идти въ Триестъ и находились при эскадрѣ единственно для того, что бы тѣмъ обмануть непріятеля.

Белли, узнавъ, что на острове Лиссе находилось несколько Французскихъ солдатъ, послалъ туда немедленно Экспедиціонъ и Газардъ, что бы взять ихъ. Командиръ шхунары, бывъ прошивъ порта *Луке* и увидѣвъ 3-хъ мачтовое судно подъ парусами, догналъ и взялъ на ономъ 39 Французскихъ солдатъ съ Офицеромъ и нѣкоторыми военными припасами. Лейтенантъ Сышинъ, командиръ шебеки, взялъ еще въ крѣпости Лиссо, несколько человекъ и 7 мѣдныхъ пушекъ, а 5 Апрѣля изъ крѣпости *Камиссо*, что въ портъ *С-тѣ Жоржѣ* на томъ же ос. Лиссо, взято мѣдныхъ пушекъ 12 фун. калибра двѣ и одну 8 фун. Послѣ сего крейсера наши, продолжая поиски надъ непріятелемъ, перехватили еще несколько солдатъ, взяли значительное количество аммуниціи и провіанта, и шѣмъ принудили оставить во власть нашу всѣ острова, которые довольно были удалены отъ материка берега Далмаціи. Мѣлыми судами эскадры Белли, только по 9 Апрѣля, взято 14 судовъ.

17 Апрѣля Капитанъ Белли прибылъ къ крѣпости Лезина; 19 числа, пользуясь темною ночью, послалъ поспроить башарею, на небольшомъ островку, лежащемъ прошиву устья гавани. Какъ скоро примѣтилъ непріятель, что занятъ островокъ, открылъ сильной огонь изъ ружей; но вооруженная пребака подъ командою Мичмана Харламова, шебека Газардъ, Бокезскій корсеръ Лазаря Жуановича, барказъ съ 24 фун. каронадомъ, и два капера

съ фалконетами, картечными выстрѣлами скоро ихъ прогнали. Не смотря на перестрѣлку, продолжавшуюся всю ночь, 20 Апрѣля къ 5 часамъ ухра мапозы подъ командою Мичмана Милона и Арпиллеріи Унперъ-Лейпенапта Палеологи, устроивъ батарею изъ двухъ 12 фун. и одной 6 фун. пушекъ открыли пальбу. Непріятель отпаливаясь нѣсколько, вскорѣ замолчалъ. Въ половинѣ 7 часа повезли съ острова десантъ на берегъ, состоявшій подъ начальствомъ Штабсъ-Капитана Скоробогатова изъ 100 солдатъ и 42 мапозовъ подъ командою Мичмана Башуцкаго. Оный десантъ подъ прикрытіемъ нашихъ судовъ вышелъ на берегъ, ударилъ въ штыки, и скоро занялъ ограду Каполицкаго монастыря; но Францускій гарнизонъ, вышедъ изъ крѣпости въ превосходныхъ силахъ, по долгомъ сопротивленіи, вытѣснилъ нашихъ изъ ограды и принудилъ отступить на суда. Уронъ нашъ состоялъ: убитыхъ 11, раненыхъ 33, въ плѣнъ попавшихся: Штабсъ-Капитанъ Скоробогатовъ, Гардемаринъ 1 и 32 нижнихъ чиновъ, кои, защищая репирату, не могли на каперъ, спавшемъ на мѣль, опвалить отъ берега. Непріятель долженъ имѣть значительнѣйшую потерю, ибо пока не смѣшались Францускія войска съ нашими, тогда дѣйствовали по нимъ, въ продолженіи двухъ часовъ, со всѣхъ судовъ не токмо ядрами, но и картечью. 25 Апрѣля, Капитанъ Белли замѣтилъ, что непріятель очень усилился людьми,

и поставивъ большія пушки на выгодныхъ мѣстахъ, началъ вредить корабли наши, потому и рѣшился онъ оставить предпріятія свои на крѣпость Лезино, а продолжать поиски въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, по неимѣнію большаго числа высадныхъ войскъ, можно ожидать успѣха.

Главнокомандующій, сдѣлавъ нужныя въ Корфѣ распоряженія для защиты республики противу непріятеля предпріимчиваго, и утвердивъ Али Пашу въ тѣхъ мысляхъ, что ему выгоднѣе остаться съ нами въ добромъ согласіи, нежели помогать видамъ Наполеона, съ большею частію флота прибылъ въ Катаро 19 Апрѣля, и получивъ рапортъ о успѣшныхъ дѣйствіяхъ эскадры Белли, отправился къ острову Курцало съ кораблями Селафаиломъ, Пепромъ, и фрегатомъ Авпроилемъ. 27 Апрѣля Адмиралъ, подходя съ эскадрою къ крѣпости, удивился не видя на оной никакого флага. Вскорѣ по томъ показались нѣсколько Французскихъ часовыхъ, почему сигналомъ приказалъ онъ кораблямъ лечь на якорь. Весьма свѣжій вѣтръ препяпспвовалъ въ тоже время сдѣлать десантъ. Къ вечеру Адмиралъ узналъ, что въ ночи на 26 число прибыли изъ *Макарска* на 7 судахъ около 350 человекъ Французовъ, напали не значай на оставленный Капитаномъ Белли при Подпоручикѣ Воейковѣ малый отрядъ солдатъ, полонили ихъ и заняли крѣпость. Изъ семи тѣхъ судовъ, два еще до прибытія эскадры ушли

обратно, а прочія пять взяты фрегатомъ Авпроилемъ, одно изъ нихъ имѣло двѣ 18 фунт. пушки. Къ вечеру вѣтръ утихъ, гребныя суда посланы были въ разъѣздъ около крѣпости, а предъ свѣтомъ сдѣланъ былъ десантъ; но Французы также предъ свѣтомъ оставили крѣпость, и бѣжали съ разныхъ мѣстъ острова на обывательскихъ лодкахъ на супрошивной Рагузской берегъ, откуда неупрательными владѣніями республики безъ сопровожденія возвратились въ Далмацію. Гребныя суда успѣли перехватить одну только лодку съ 16 Французскими солдатами. Сверхъ крѣпостныхъ пушекъ найдено еще семь и достаточное число провизіи и военной аммуниціи. Солдаты наши, бывшіе въ плѣну, кромѣ Подпоручика, возвращены.

29 Апрѣля оставивъ у острова Курцало фрегатъ Авпроиль, Адмиралъ отправился къ острову Лезино. Около полудня, бывъ между островами Лезино и Лиссою, корабль Азія соединился съ эскадрою. Адмиралъ, получивъ рапортъ отъ Капитана Белли о положеніи непріятеля въ крѣпости Лезино, усмотрѣлъ, что съ малою силою, по настоящимъ обстоятельствамъ, трудно удерживать островъ за собою; ибо Французы изъ Италіи въ Далмацію переходятъ чрезъ владѣнія Австрійскія безпрепятственно и каждой почти день умножая свою силу; слѣдовательно завладѣвъ онымъ, должно будетъ оберегать большимъ числомъ военныхъ судовъ и гарнизона, а не-

пріятель, по близости острова къ Спалапро, всегда можетъ напасть на крѣпость съ превосходною силою. По сей причинѣ Адмиралъ возвратился съ эскадрою къ ос. Курцало, гдѣ оставивъ для охраненія корабль Азію, шебеку Газардъ, и три канонерскія лодки, обращенныя изъ призовыхъ судовъ, отплылъ въ Рагузу. По желанію жителей Курцало, утвердивъ Графа Гризогона Гражданскимъ Начальникомъ острова, который и при Австрійскомъ правленіи управлялъ сею частію, Адмиралъ не только не потребовалъ отъ жителей никакой подати; но всѣ доходы предоставилъ въ ихъ же пользу.

ГЕНЕРАЛЪ ЛОРИСТОНЪ ЗАНИМАЕТЪ РАГУЗУ,
И УНИЧТОЖАЕТЪ РЕСПУБЛИКУ.

Рагузскій Сенапъ, узнавъ о прибытіи Главнокомандующаго въ Кашаро, отправилъ сочлена своего Сенапора Владислава Сорго изъяснивъ ему свое почтеніе и просивъ о благодушномъ покровительствѣ республики. Адмиралъ на возвратномъ пути изъ Курцало въ Каспель-Ново 6-го Маія принялъ былъ въ Рагузѣ съ великими почестями и торжествомъ. Онъ желая отерати отъ Республики непріятности, коимъ она ежедневно подвергалась по злымъ распоряженіямъ непріятеля, всегда ищущаго случая прибрать къ независимыя области, которыя

по слабости своей, не могутъ дѣлать имъ ни какаго сопротивленія, не только предалъ забвенію нарушеніе неупралишена свободнымъ пропускомъ чрезъ свои владѣнія бѣжавшаго изъ Курцолы Францускаго гарнизона; но приказалъ Консулу Фоншону опуститься опъ требованія приза, взяшаго Францускимъ корсеромъ въ Рагузскомъ портѣ, и сверхъ того снисходя на прозьбу Сенаша, позволилъ ю Республиканскимъ судамъ ити въ блокированные порты Пуліи, для покупки шамъ пшеницы и деревяннаго масла. Таковой знакъ великодушія и снисхожденія, Сенашъ принялъ съ признавательностію, но вслѣдъ за симъ, въ портѣ *Зуліани* непріятельскій корсеръ взялъ Бокезскую пребаку, и какъ по прошенію Ректора Француской Генераль съ нарочно посланнымъ даже не отвѣчалъ на письмо его, то и должно было думать, что непріятель не намѣренъ щадить Республику, состоящую подъ покровительствомъ Опоманской Порты, столь же имъ какъ и намъ дружественную. По чему Главнокомандующій принужденъ былъ, дать приказаніе, равномерно брать Францускія суда, не только близъ береговъ; но и въ самыхъ портахъ Рагузы. Сею мѣрою всѣ непріятельскіе корсеры были взяты или испреблены, и Рагузцы оспались спокойными. Во время пребыванія въ Рагузѣ, Адмиралъ сдѣлалъ съ Сенашомъ слѣдующее условіе: при первомъ полученіи извѣстія о вступленіи Францускихъ войскъ въ Республи-

Майя
ра
6
Ъ
М. Майя
И
8 3 3 2
Старъ Ратuzzi
6
Портъ С-Ратuzzi
2 3 8
24
26
Планъ
и Залива
ГЕНУЭЗСКОГО.
объ въ миляхъ Ита.

канскія земли, главный городъ и крѣпость новая Рагуза приметъ Россійскій гарнизонъ, и правительство вооружитъ тогда гражданъ, дабы дѣйствовать соединенно съ нашими войсками. Съ симъ намѣреніемъ фрегатъ Михаилъ посланъ былъ въ каналъ Калампо. Послѣ такового соглашенія можно было ожидать, что Ректоръ и Сенаторы, видя различность поступковъ Россійскихъ и Французскихъ Генераловъ, и не имѣя возможности сохранить неупралишенъ, должны были рѣшиться принять еще скорѣе сторону Россіи; ибо, принявъ сторону Франціи, не имѣющей морской силы, они лишились бы торговли, безъ которой существовать не могутъ. Припомъ зная, съ какою милостію поступлено съ Бокезцами, и даже съ покоренными силою оружія жителями Курцало, и противнаго сему ожидая отъ владычества Наполеона, должны бы не нарушать своего условія, но два или три Сенатора, соблазняясь обѣщаніями Французскихъ Агентовъ, и полагая, что Франція имѣетъ болѣе способовъ защищать ихъ отъ непріятелей, нежели Россійскій флотъ и войска, въ Средиземномъ морѣ находившіяся, не смотря на возраженія, предала Республику во власть Французовъ. Полишика, съ покорностію принимая повелѣнія сильнаго, которая до сего времени сохраняла существованіе Рагузы, на сей разъ не удалась и Республика погибла. 14-го Маія, въ то самое время, какъ Адмиралъ на канунѣ отправился въ Тріестъ

Генераль Лористонъ съ 3.000 корпусомъ перешедъ чрезъ Турецкую границу, прибылъ въ Слано, а 15-го числа занялъ Новую Рагузу. 16-го Маія Францускій Генераль именемъ Бонапарта объявилъ, что не прежде независимость и неупралишенъ Рагузской Республики будетъ признанъ, пока Россійскія войска не оставятъ Катаро, Корфу (?) и другіе прежде бывшіе Венеціанскіе острова! и пока Россійская эскадра не удалится отъ береговъ Далмаціи! А какъ Россійской Адмиралъ не намѣренъ былъ исполнять желаній непріятеля, то Республика присоединена къ Франціи. Такимъ образомъ, хотя Сенапоры скоро увидѣли ошибку свою; но народъ дишился уже своей вольности, торговли и благосостоянія.

ВЗЯТІЕ СТАРОЙ РАГУЗЫ,—СРАЖЕНІЯ ВЪ ГОРАХЪ,—
РАЗБИТІЕ ГЕНЕРАЛА ЛОРИСТОНА,—
И ОСАДА НОВОЙ РАГУЗЫ.

Узнавъ, о занятіи Рагузы Францускими войсками, Мишрополишъ Пепръ Пепровичъ съ Черногорскими и приморскими своими войсками, съ двумя ротами Вишебскаго и одною 13-го егерскаго полковъ, подъ командою Маіора Звягина, пошелъ на встрѣчу непріятелю. 21-го Маія Французы совокупно съ Рагузскими жителями, встрѣшились съ войсками нашими въ пяти верстахъ отъ Старой Рагузы, и началось сраженіе. Передовые посты потчасъ были сняты, непріятель устроив-

шись въ линію баталіи не могъ выдержати
 быстрой атаки нерегулярныхъ войскъ, были
 разстроены и прогнаны въ Спарую Рагузу. При
 семъ случаѣ съ нашей стороны убитъ егеръ 1,
 раненыхъ 5, Черногорцовъ и приморцовъ 9,
 раненыхъ 7; а Французовъ и Рагузинцевъ по-
 бито до 250 человекъ. Одинъ Француской
 Офицеръ бросился въ море и утонулъ. 22-го
 Маія Маіоръ Забелинъ съ 4-ю ротами Вишеб-
 катъ и 4-ю егерей соединился съ Митрополи-
 томъ, а Французы ночью оставили Спарую
 Рагузу съ 4-ю заклепанными пушками. Наши
 войска пошчасъ заняли ихъ мѣсто!.. 23, 24,
 и 25 чиселъ Черногорцы и приморцы съ под-
 крѣпленіемъ нашихъ войскъ, имѣли непре-
 сшанныя спычки съ непріятелемъ, всегда
 прогоняли его назадъ, и заняли все простран-
 ство, находящееся между Спарою и Новою
 Рагузою. Какъ сраженія сіи происходили у
 морскаго берега, то корабль Уріиль, Бокезкій
 корсеръ, канонерскія лодки и вооруженныя
 гребныя суда, поставленные пушъ конпръ-
 Адмираломъ Сорокинымъ, помогали Черного-
 цамъ карпечными выспрѣлами. Въ сраженія
 сіи убито и ранено: Черногорцевъ 13 человекъ,
 а непріятеля побито: Офицеровъ 8, солдатъ
 до 300 человекъ. 25 Маія Черногорцы взяли
 знамя, барабанъ и 150 ружей. Послѣ сего
 Францускіе Генералы, устрашенные храброю
 вспрѣчею войскъ нашихъ, особенно дерзо-
 стію Черногорцевъ, копорыхъ мужество воз-
 расло опъ удачи, и копорые не давали пощады

и не брали въ плѣнъ, сдѣлали предъ Новою Рагузою на горѣ Баргаршъ, въ разныхъ почти неприступныхъ мѣстахъ укрѣпленія, и не выходили далѣе оныхъ. Передовые посты ихъ, несмотря на храбрость Францускихъ Волпижеровъ, всегда были побиваемы Черногорцами.

Главнокомандующій, узнавъ въ Тріеспѣ о занятіи Французами Рагузы, прибылъ 27 Маія въ Капаро, а 28 въ Старую Рагузу, и получивъ полное свѣденіе отъ Мипрополиша, принялъ намѣреніе простирашъ пораженіе далѣе. 31 Маія, сдѣлавъ въ Капаро нужныя распоряженія, 1 Іюня со всѣмъ флотомъ и Бокезскими вооруженными судами возвратился къ Рагузѣ. 2 Іюня Адмиралъ обще съ Мипрополишомъ, положилъ опнышъ у непріятеля два пункта гору Баргардъ и островъ Санъ - Марко, и если откроется возможность и силы наши будутъ соопвѣпшвовашъ силамъ и положенію непріятеля, то взяшъ крѣпость Новую-Рагузу. Въ слѣдствіе сего 3-го числа Мипрополишъ, предводительствуя Черногорскими и приморскими войсками съ опрядомъ Маіора Забелина, двинуся къ Новой-Рагузѣ. Дойдя къ передовымъ постамъ сбилъ Французовъ съ мѣста, убилъ 80 человекъ, принудилъ бѣжашъ въ укрѣпленіе, и въ близкомъ отъ нихъ разстояніи расположилъ свои и наши регулярныя войска. Къ 4 числу, Генералъ Маіоръ Князь Вяземскій, Шефъ 13 егерскаго полку, съ баталіономъ своего имени, прибылъ

изъ Корфы, и вмѣстѣ съ пришедшими съ нимъ изъ Кашаро нерегулярными войсками, перевезенъ на гребныхъ судахъ изъ Старой Рагузы въ лагерь передъ Новую, гдѣ принялъ регулярная войска въ свою команду. 4-го Іюня Главнокомандующій, Мисирополишъ и Князь Вяземскій, осматривали положеніе непріятеля, съ моря и сухаго пути.

5-го Іюня, весь день погода была ясная и весьма тихая. Въ 4-ре часа утра по сигналу спали верповаться (*) къ Новой Рагузѣ корабли: Селафайль, Параскевія, Св. Пётръ, Елена и фрегатъ Венусъ; а шебека Азардъ и пять канонерскихъ лодокъ шли на веслахъ. Чтобы узнать, гдѣ и какія на островѣ Санто Марко и въ крѣпости находящіяся сильныя и слабыя стороны, Кондръ-Адмиралъ Сорокинъ съ отрядомъ, на сей случай ему порученнымъ, открылъ пушечную переспѣлку, и спалъ на якорь противу высопъ, гдѣ стояли войска наши. Тогоже числа произошло въ виду флота весьма важное и славное для храбрыхъ войскъ нашихъ сраженіе. Не взирая на палящіе лучи солнца, не смотря на неравенство силъ и неприспущное положеніе, избранное непріателемъ, бывша сія справедливо уподобилъ можешь переходу чрезъ Сенъ - Гошардъ, ибо и здѣсь должно было сражаться съ самою природою и надлежало взбираться на крутые, голые утесы, защищаемые пушками.

(*) Тянуться завозами.

Непріятель расположился на неприступныхъ каменистыхъ висошахъ Рагузскихъ, устроилъ тамъ батареи на выгоднѣйшихъ мѣстахъ и готовъ былъ къ принятію атаки. Онъ занималъ линію отъ моря до Турецкой границы, не весьма пространную, и пѣмъ она была крѣпче. Природа и искусство обезпечивали его совершенно. Правое крыло его прикрыто было моремъ и крупнымъ берегомъ; лѣвое Турецкою границею, гдѣ не надлежало быть сраженію. Предъ фронтомъ его отвѣсныя высокія скалы; занимаемые имъ чепыре важнѣйшіе пункты, были одинъ за другимъ сомкнуты и соединены такъ, что каждый изъ нихъ могъ защищать одинъ другаго. Число непріятели простиралось до 3,000 регулярныхъ и до 4,000 Рагузцовъ, исправныхъ и хорошо вооруженныхъ стрѣлковъ. Нашихъ регулярныхъ войскъ было 1,200 человекъ, да Черногорцевъ и Приморцевъ до 3,500. Съ такимъ числомъ весьма трудно было атаковать непріятельскій фронтъ; ибо извѣстно, какъ Французы умѣютъ укрѣплять мѣста, и какъ искусно выбираютъ выгодное положеніе для батарей: не смотря на всѣ сіи съ нашей стороны невыгоды, Главномандующій положилъ сдѣлать нападеніе, и рано, по утру 5-го Іюня Митрополишъ отправилъ на перестрѣлку часть Черногорцевъ, дабы захватили передовые Французскіе посты. Черногорцы бросились храбро, и предъ самымъ важнымъ пунктомъ, на самокрутѣйшей горѣ, тотчасъ взяли одинъ передовой постъ и, обо-

дьясь сею удачею, напали на другой съ заанальчивостію. Князь Вяземскій замѣшивъ, что непріятель предпринимае заманивъ Черногорцевъ, опрядилъ для подкрѣпленія ихъ при рошы егерей подъ командою Капитана Бабичева, который съ чрезвычайною поспѣшностію возшелъ на гору, сколь ни препятствовала ему крутизна ея. Непріятель усилился прогнать было Черногорцевъ, но прибытіе Бабичева удержало его стремленіе. Черногорцы, соединясь съ егерями, вступили храбро въ бой. Положеніе сихъ трехъ рошъ и опряда Черногорцевъ было опасно, они стояли на краю пропасти.

Въ сіе время Князь Вяземскій, имѣя въ виду повелѣніе Главнокомандующаго, непременно овладѣть высотами, обще съ Митрополиномъ приступилъ къ исполненію онаго. И тѣмъ болѣе поспѣшилъ начать атаку, что въ ту мину Туецкій Паша увѣдомилъ, что непріятельское подкрѣпленіе приближается. Митрополисъ съ нерегулярными войсками тотчасъ возшелъ на занятую высоту. Изумленный непріятель, не ожидая атаки съ сей стороны и щипая сіе невозможностію, весьма опчаянно защищалъ сію позицію, и усилившись успремился на опрядъ Капитана Бабичева; но при его рошы и Черногорцы, ободренные личнымъ присутствіемъ Митрополиша, не уступили ни шагу опчаянному непріятелю. Между тѣмъ какъ Митрополисъ сражался на краю пропасти прошиву прево-

сходныхъ силъ, на него успремленныхъ, Князь Вяземскій, раздѣливъ малый опрядъ свой на двѣ колонны, и выславъ предъ оными охотниковъ, подъ командою храбрыхъ офицеровъ Красовскаго, Клички, Рененкампа и Мишо, пошелъ на неприсступную высоту, укрѣпленную бапареями, съ рѣшительностію, свойственною герою и возможною только для Рускаго воина. Лористонъ, замѣшивъ общее движеніе, всею силою пѣснилъ охотниковъ нашихъ и ударилъ на Мипрополипа, котораго особа была въ крайней опасности; колонны восходили на крутизну и были уже близъ вершины. Въ семъ положеніи опспупленіе было уже не возможно; шагъ назадъ и все пошеряно. Мы смотря съ кораблей, съ которыхъ мѣсто сраженія было видно, не смѣли спуспипть глазъ, и въ мучительномъ безпокойствѣ ожидали, чѣмъ кончипся. Наконецъ на вершинѣ горы показались наши знамена, эхо повпорило громкое ура! и войско наше, подвинувшись впередъ, скрылось въ ущеліяхъ.

Непріятель, будучи выпѣсненъ изъ за каменьевъ, оспановился между своихъ бапарей. Обѣ наши колонны, соединившись съ Мипрополипскими войсками, послѣ малой переспрѣлки, пошли на шпыки; Французы защищались упорно, но принуждены были опспупипть. Мипрополипъ и Князь Вяземскій, не давая опомнипться непріятелю, пѣснили его безпреспанными нападеніями. Офицеры наши, будучи всегда впереди, оказали себя достойными

сподвижниками Суворова (*). Черногорцы соревновались нашим солдатам и с таким жаром бросились штурмовать первое укрепление, что редушь с 10 пушками была немедленно взята открытою силою. Таким образом преоборая укрепления, природою устроенныя и не смотря на карпечи, коими искусственно хотѣли опразить хитрые храбрыхъ, Французы уступали одну за другою при свои линіи и башарей, оныя защищавшія; шунъ Генералы ихъ старались показать свое искусство, обходили наши фланги; но ни что имъ не помогало, они вездѣ были предупреждены, Руской шпикъ и дерзость Черногорцевъ повсюду поржесествовали. Будучи преслѣдуемъ по пятамъ, непріятель успѣлъ однакожь остановиться сзади четвертой своей позиціи на самомъ хребтѣ горы надъ Рагузою; но и шунъ не могъ удержаться ни десяти минутъ, совершенно разбитый и разсвоенный обратился въ бѣгство; Черногорцы, Приморцы и всѣ охотники спѣшили опрѣзать его отъ города; страхъ родилъ въ немъ беспорядочное его отступление. Въ сіе время прибывшій непріятельской сикурсъ хотѣлъ остановить побѣдителей, но при первомъ на-

(*) 15 дивизія, находившаяся въ Средиземномъ морѣ, служила подъ предводительствомъ Суворова въ Турціи, Польшѣ и Италіи.

пискѣ обращенъ былъ въ бѣгство. Проворные Черногорцы, забѣжавъ впередъ и залегши по обѣ стороны дороги, поражали непріятельской аріергардъ даже на самомъ мосту подъ картечными выстрѣлами крѣпости. Кромѣ перестрѣлки нерегулярныхъ войскъ, начавшейся съ утра, сраженіе при палящемъ зноѣ продолжалось опѣ 2 часовъ по полудни до семи, послѣдніе выстрѣлы умолкли въ 8 часовъ вечера. И такъ помощію Всевышняго, горстію людей одержана доспославная побѣда, надъ непріятелемъ превосходнымъ, предводимымъ искуснымъ Генераломъ Лорисмономъ, и укрѣпленная неприступная гора Баргашъ надъ Рагузою занята.

Въ семъ сраженіи взято пушекъ разнаго калибра 19; убито: Генераль Дельгогъ (Delgogue), Штабъ и оберъ Офицеровъ 18, въ томъ числѣ Полковникъ Адьюшаншъ Лорисмона, рядовыхъ до 400, плѣнныхъ взято 23, да на другой день скрывшихся въ пещерахъ и ущельяхъ горы 68 - человекъ. Рагузцы потеряли убитыми и ранеными до 400 человекъ. Съ нашей стороны уронъ состоишъ въ убитыхъ: Поршупей-Прапорщикъ 1, рядовыхъ 16, раненыхъ: Офицеровъ 3, солдатъ 30, безъ вѣсти пропавшій 1; Черногорцевъ и Бокезцевъ убитыхъ и раненыхъ около 100 человекъ.

Плѣнные сохранены нашими войсками. Черногорцы, не взирая, что Адмираль обѣщаль имъ за каждаго плѣннаго по червонцу, сшоль озлоблены были, что не давали Французамъ

пощады, и пошчасъ рѣзали имъ головы, въ помъ числѣ не пощадили и Генерала Дельгога. Впрочемъ должно опдашь имъ справедливоспъ за рѣдкую неуспрашимоспъ и должно упомянушь объ опличившихся, копорыхъ рекомендовалъ Мипрополипъ. Брапъ Мипрополипа *Савва Петровицъ*, Секретаръ его *Владевигъ*, Губернапоръ Черногорскій *Вуколай Радонигъ*, Пропоіерей *Іоаниъ Пророковигъ*, Священникъ *Лазаревигъ*, Черногорцы *Вуко-Юра* и *Мило*.

6-го Числа предъ свѣшомъ, высаженъ былъ на оспровъ *Санто Марко* десанпъ до 600 морскихъ солдапъ съ маппрозами и роша егерей, подъ командою 2-го Морскаго полку Полковника Буаселя. Корабли Параскевія, Петръ, фрегашъ Венусъ, шебека Азардъ и 5 канонерскихъ лодокъ, приближившись къ оспрову на приспойное распояніе, дѣйсшвовали по укрѣпленію изъ пушекъ. Десанпъ во всемъ порядкѣ раздѣлясь на три колонны скорымъ шагомъ подошелъ къ подошвѣ весьма камениспаго, зароспшаго колючимъ кустарникомъ высокаго кургана, на вершинѣ котораго спояло укрѣпленіе, обнесенное довольно высокими каменными спѣнами и защищаемое 5-ю большими пушками. Непріятель началъ спрѣляпъ по колоннамъ изъ 3 пушекъ, сперва ядрами, пошомъ каршечами; а наконецъ, когда наши разсыпались и окружили укрѣпленіе, опкрылъ сильный ружейной огонь. Егери и маппрозы, подбѣжавъ подъ самыя спѣны и скрывъ себя за каменьями

и кустами наносили немалый вредъ непріятелю. Наши наступили было съ чрезвычайною храбростію штурмовать укрѣпленіе; но положеніе мѣста, весьма выгодное для непріятеля и возвышенный брустверъ, окопанный рвомъ, остановили ихъ. Адмиралъ, имѣя въ предметѣ сдѣлать только рекогносировку и увидя невозможность безъ чувствительной потери овладѣть симъ редутомъ (ибо островъ не представлялъ удобнаго мѣста для построенія батарей противу города, откуда ядра падали навѣсными выстрѣлами, а Французы изъ города свободно могли получить помощь), поспѣшилъ самъ на островъ, и приказалъ отступить; войска во всемъ порядкѣ, не будучи преслѣдуемы непріятелемъ, сѣли на гребныя суда и возвратились на корабли. Дабы болѣе приискать городъ съ занятой уже позиціи, 4 роты морскихъ солдатъ подкрѣпили отрядъ Князя Вяземскаго. Во время приступа было убитыхъ у насъ 15, да раненыхъ 57 чел.

Князь Вяземскій въ тотъ же день отпрѣзалъ воду у города, въ которомъ, кромѣ чистернъ, оной не было. Дабы обезпечить правый флангъ нашъ отъ нечаянныхъ нападений и открыть сообщеніе съ морскимъ отрядомъ, находящимся въ портѣ Санто Кроче, нужно было отнять у непріятеля одну высоту. Для сего погоже 6-го Іюня въ полдень отпраздненъ былъ Маіоръ Забѣлинъ съ двумя ротами и частію Черногорцевъ. Наши подошедъ къ высотѣ ударили на непріятеля въ штыки, при-

нудили опспунишь и гнали до самыхъ воровъ крѣпости, убивъ до 80 человекъ. Въ тоже время Капитанъ 2 ранга Михайла Быченскій, немедленно удалилъ отъ берега всѣ суда, споявшія въ портъ, и таковою поспѣшностію предупредилъ намѣреніе непріятеля сжечь оныя. Кромѣ 69 пушекъ, взято 20 большихъ купеческихъ судовъ совсѣмъ вооруженныхъ, верфь и морской арсеналь съ значнымъ количествомъ всякаго рода запасовъ. Сверхъ сего немалое число шребаковъ и малыхъ грузовыхъ лодокъ.

Такимъ образомъ заключивъ непріятеля, въ одной Рагузѣ, обложивъ городъ съ моря кораблями, а съ берегу войсками, лишивъ его воды и подвозу съѣстныхъ припасовъ, Адмиралъ, осмошрѣвъ 7 числа положеніе вокругъ крѣпости, приказалъ устроитъ двѣ башарей на срединѣ высоты, занимаемой нашими войсками. Два каршаула и двѣ 24 фун. коронады, доставлены были съ кораблей съ чрезвычайною прудностію. 500 машпрозовъ тащили ихъ верстѣ 10 по скаламъ и крупымъ горамъ. Первая башарей изъ двухъ коронадъ окончана 10, а послѣдняя 12 и съ сего числа начали дѣйствовать весьма исправно, шакъ что каждый выспрѣлъ причинялъ вредъ непріятелю; ибо городъ находится у подошвы горы весьма крутой, откуда было очень удобно спрѣлять. Оныя башарей вскорѣ усилены были еще 3 морширами.

Башарей дѣйствовали безпрестанно съ

ошмѣнною исправностію. Искуснѣйшіе Черногорскіе стрѣлки, засѣвъ въ развалинахъ домовъ, подъ самыми стѣнами бывшихъ, наносили величайшій вредъ непріятелю, который высылалъ малые отряды для удаленія ихъ отъ крѣпости. Съ первыхъ дней осады, жители начали чувствовашь во всемъ недостатки. Никогда еще Рагузцы за политическую ошибку или лучше сказать неудачный разсчетъ не были наказаны такъ жестоко. Черногорцы и Бокезцы по своимъ обычаямъ и правамъ войны взяли все, чего не успѣли унести или истребить Рагузцы. Ни убѣжденія Митрополита, ни власть Главнокомандующаго, не могли спасти тѣхъ, кои сражались противу ихъ вмѣстѣ съ Французами. Мщеніе храбрыхъ, но не знающихъ ни какой подчиненности, Черногорцевъ, было неумолимо и ужасно. Послѣ сраженія 5 Іюня жители, скрывшіеся въ крѣпость, нашли тамъ новыя успѣшенія отъ своихъ друзей, съ которыми они надѣялись весьма легко покорить Каптарскую область и разорить Черногорцевъ. Лишась торговли, утративъ вольность, они принуждены были заплашати контрибуцію и уступить Французамъ богатую казну республики. Генераль Лористонъ, по похвальной привычкѣ своего правительства жить на чужой землѣ, не имѣлъ ни какого запаса; почему при началѣ осады, принужденъ былъ отобрать отъ жителей хлѣбъ, сколько его нашлось, и численны съ водою беречь только для гар-

низона. Такимъ образомъ угнетенные мстительною рукою древнихъ своихъ враговъ и соперниковъ, и въ призванныхъ ими друзьяхъ не нашелъ добрыхъ защитниковъ, а власнищелей жестокихъ и корыстолюбивыхъ, слишкомъ уже несчастные Рагузцы умирали отъ меча, огня, голода и жажды. Только нѣтъ изъ жищелей, кои по щасію не успѣли уйши въ городъ, нашли благодушное, испинно хрисіанское покровищельство у своихъ непріятелей. Какъ не лзя было сохранить оставшуюся часть республики отъ набѣговъ Черногорцевъ, то Адмиралъ предложилъ жищелямъ удалиться на островъ Рагузскіе, къ копорымъ Капитанамъ кораблей не приказалъ допускать Боксцевъ и Черногорцевъ, и объявилъ ихъ подъ покровищельствомъ Императора Всероссійскаго. Рагузцы, поздно раскаявшись, хотѣли дать присягу въ вѣрноподданствѣ; но Адмиралъ, не желая подвергнуть ихъ гоненію Французовъ, отвергнулъ оное, но позволилъ однакожъ пользоваться торговлею, и къ изумленію ихъ, особенно Французовъ, не только не требовалъ контрибуціи, но избавилъ ихъ отъ всякой подати.

П л а в а н і е к ѣ б е р е г а м ѣ Д а л м а ц і и.

Капитанъ Венуса получилъ повелѣніе идти вдоль береговъ Рагузскихъ для поиску надъ непріятелемъ, почему 17 Іюня перешли мы въ Каламошу, откуда на другой день вмѣ-

спѣ съ шебекою Азардъ, пошли симъ каналомъ близъ берега, и у Спаньо соединились съ фрегатомъ Авпроилемъ. Капитанъ онаго Бокманъ вчерашняго числа поутру высадилъ нѣсколько мапировъ для развѣдыванія, копорые у Сланѣ встрѣтились съ Французами, идущими изъ Спаньо числомъ до 500 человекъ, съ коими переспрѣливаясь опспунили безъ пошери. Черногорскій опрядъ имѣлъ въ шопъ же день сраженіе съ сими Французами, копорые, по увѣренію жишелей, опшли къ Спаньо, гдѣ, какъ думающъ, соединяшся они съ большимъ числомъ войскъ, назначенныхъ для освобожденія Рагузы.

Къ вечеру 18, опрядъ нашъ прошелъ весьма шѣсный проливъ, между двумя высокими островами, крупные берега коихъ почти сходясь составляютъ родъ разрушенныхъ ворошъ. День былъ очень жарокъ, и къ вечеру сдѣлалось безвѣтріе. Голубыя облака, украшавшія небо, опражались на свѣшломъ зеркалѣ воды; море было совершенно спокойно; солнце на чистомъ горизонтѣ, какого на землѣ никогда не можно видѣть, являло взору великолѣпную картину захожденія. Длинные лучи осыпая чершу, гдѣ небесный сводъ соединялся съ моремъ, позлащали близкія къ горизонту облака; море горѣло пурпуровымъ огнемъ; огромный золошый шаръ, поспешенно понижаясь, опспился наконецъ въ море и алый цвѣтъ неба, мало по малу блѣд-

нѣя, попушилъ блескъ зари. Ночь наступила, небо украсилось новою одеждою, луна вышла изъ за высокихъ горъ, и неисчислимыя милліоны яркихъ звѣздъ возжглись и изобразились на спокойной, чужь колеблющейся поверхности моря. 19 числа при шихомъ вѣтрѣ опрядъ нашъ мало подвинулся впередъ, съ полуночи же подулъ свѣжій вѣтръ и мы по утру 20 Іюня положили якорь у крѣпости Курцолы.

О С Т Р О В Ъ К У Р Ц О Л А.

Входя въ проливъ увидѣли на Рагузскомъ берегу нѣсколько солдатъ; ударили тревогу, зарядили пушки каршечью, и уже готовы были дать полной залпъ, какъ Капитанъ приказалъ бить отбой; это были Австрійцы. Командантъ острова Курцолы прислалъ уведомить насъ, что 3000 солдатъ подъ командою Фельдмаршала - Лейтенанта Графа Беллегарда, по соизволенію Государя Императора, идущъ принявъ Кашаро для здачи оной области Французамъ. 23 судна подъ конвоемъ двухъ военныхъ бриговъ стояли у Рагузскаго берега въ портѣ Розе. Графъ Беллегардъ скоро прислалъ къ намъ своего Адъютанта спросить, не имѣемъ ли мы отъ Адмирала какихъ къ нему бумагъ. Лейтенантъ Наскинъ, по болѣзни Капитана, ѣздилъ къ Австрійскому Генералу, и объявилъ, что нѣтъ ни какого повелѣнія отъ Главнокомандующаго, а потому

конвой не можешъ продолжашъ далѣе своего пуни; ибо Рагуза находится въ осадѣ, и всѣ порты республики блокируются; Авспрійцы принуждены были согласиться дожидашъ повелѣнія Адмирала.

Островъ Курцола, въ древности извѣстный подъ именемъ *герной Корциры*, опредѣляешся онъ полуострова Сабіончелло, принадлежавшаго Рагузской республикѣ, проливомъ тогоже названія. Ширина его версты 4, а мѣстами не болѣе версты. Зимой хотя и дуютъ здѣсь бory, но какъ на глубинѣ онъ 25 до 11 сажень, грунтъ вездѣ илъ, по рейдѣ и для большихъ кораблей довольно удобенъ. Курцола предшавляетъ небольшія горы, покрытыя дубовымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Сей островъ производитъ значное количество хорошаго краснаго вина, а ловъ анчоусовъ и сарделей составляетъ главную вѣсь торговли. Сверхъ сего онъ опускаетъ много дровъ и жишли особенно занимающія строеніемъ небольшихъ судовъ. Крѣпость Курцола лежитъ на мысу, плохая высокая четвероугольная стѣна заключаетъ въ себѣ нѣсколько домовъ, и лежитъ при подошвѣ возвышеній, командующихъ крѣпостью. Городъ полагаютъ построенъ Діоклипіаномъ. Положеніе его близъ непріятельскихъ портовъ и возможность при нашей морской силѣ защищать одною ропюю солдашъ, дѣлаютъ его для насъ весьма важнымъ пунктомъ; ибо корабли, имѣя у него пристанище и получая шутъ вино и дрова,

копорохъ нѣтъ въ Капаро, могутъ во всякое время блокировать порты Далмаціи. Жителей на всемъ островѣ 6,000.

Ровное побережіе Сабіончелли, гдѣ въ древности находился городъ *Онеулибъ*, осынается высокими бесплодными скалами; прекрасные сады, лежащіе у подошвъ ихъ, и прохлада вечера, побудила насъ съѣхать на берегъ. Не удивляйтесь, что такъ смѣло выходимъ на непріятельскую землю. Славяне и вообще другіе здѣшніе подданные Франціи, почидаютъ насъ своими друзьями; ибо по милосердію Россійскаго Монарха, они имѣютъ въ насъ истинныхъ своихъ покровителей. Сколько ни спарались внушать имъ недовѣренность къ Россіянамъ, сколько ни увѣряли ихъ въ щастіи принадлежать великой и просвѣщенной націи! однакожъ однихъ Русскихъ принимали они съ уваженіемъ, а Французовъ боялись какъ чумы. Лишь вышли мы на берегъ, хозяинъ перваго сада пригласилъ насъ въ свой домъ; оный стоялъ на покатымъ зеленомъ холмѣ, въ срединѣ плодовыхъ деревьевъ, разсаженныхъ широкими рядами. Съ одной стороны плющъ и миртъ покрывалъ спѣну дома, съ другой виноградныя лозы осынали входъ въ него, одна крытая аллея вела къ морю, другая къ деревнѣ. Недалеко отъ дома, мѣлкій ручеекъ, пробираясь съ журчаніемъ между миндальныхъ, фиговыхъ, рожковыхъ и шелковичныхъ деревьевъ, то показывается, то опять теряется въ густой тѣни. Уютный домикъ представлялъ во всемъ пріятную

простому сельской жизни; мебель была грушеваго дерева наобразецъ Англинской; въ углу стояла ручная мельница, въ другомъ дѣвушка, одѣшая довольно щеголеватно, размахивала шелкъ на самопрялкѣ. Розина (такъ звали дѣвушку), по приказанію опца, вышла, и скоро принесла кофе, и подала каждому по шрубкѣ табаку, попомъ подчивала ликеромъ и плодами, только что снятыми съ дерева. Дѣвушка была очень пригожа и потому мы не хопѣли, чтобъ она была намъ служанкою. Догадливый Рагузинецъ, принаравливаясь къ нашимъ обычаямъ, приказалъ ей что нибудь спѣть. Опуспивъ внизъ глаза, дрожащимъ, но весьма нѣжнымъ голосомъ, начала она Италіянской романсъ (*Vieni o pice! amato bene*), аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Подумаешь можно, что опецъ ея богатъ. Напропивъ садъ, нѣсколько пшицъ и козъ, прыгающихъ по упесамъ, сославляющъ все его имущество. При семъ справедливо можно замѣтить, что Рагузцы много упредили въ просвѣщеніи сосѣдей своихъ, одного съ ними происхожденія, Славянъ. Не смотря на то, что небо покрылось тучами, пріятность мѣсположенія и свѣжестъ воздуха, поощрила насъ итти на гору. Древній монастырь св. Франческо, окруженный спѣнами и печальными кипарисами, весьма украшаетъ вершину дикой голой скалы; но какъ спало очень темнѣть и вдали блиспала молнія, то мы, не много не дошедъ до вершины, воропи-

лись назадъ. Сошедъ внизъ, гора, ко-
рая была ниже другихъ, казалась имъ рав-
ною и закрыла собою гораздо ея высочайшія.
Не такъ ли и въ свѣшъ ничтожный и пороч-
ный кажется равнымъ добродѣтельному чело-
вѣку? Не такъ ли дерзкій льстецъ и невѣжда
запмеваетъ достоинства скромнаго неиска-
тельнаго человѣка?

КРЕЙСЕРОВАНИЕ У ДАЛМАЦКИХЪ
БЕРЕГОВЪ.—ВЗЯТІЕ ДВУХЪ ШЕБЕКЪ
И ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ КАТАРО.

По прибытіи нашемъ на фрегатъ, Рагуз-
скіе паспухи въ слѣдъ за нами пріѣхавшіе
объявили, что они видѣли предъ захожденіемъ
солнца нѣсколько Францускихъ военныхъ су-
довъ, остановившихся въ бухтѣ по сѣверную
сторону Сабіончелло. По причинѣ темной но-
чи и проливнаго дождя, два Офицера, послан-
ные на вооруженныхъ барказахъ осмошрѣть
положеніе непріятеля, ворошились безъ успѣ-
ха. Комендантъ Курцолы прислалъ подтверж-
деніе перваго извѣстія, почему ошрядъ на
разсвѣшъ 21 Іюня снялся съ якоря. Лавируя,
благополучно вышли мы изъ пролива и въ 10
часовъ утра близъ песчаной ошмѣли мыса Го-
мена, увидѣли 11 Францускихъ шебекъ и ка-
нонирскихъ лодокъ.

Непріятель ошрубивъ канашы пошелъ на
веслахъ прошиву вѣтра, и обогнувъ длинный
мысъ, не преставаая грести, распушилъ па-

руса, направляя путь свой къ Спаламрѣ. Въ то время, какъ мы при небольшомъ прошивномъ вѣтрѣ принуждены были для обхода ошмѣли сдѣлать нѣсколько оборотовъ, флопиля, идущая уже попутнымъ вѣтромъ, успѣла удалиться отъ насъ на довольное разстояніе. Войдя въ большой плесъ, называемый *малое море*, находящійся между Рагузскимъ берегомъ, Далмаціею и оспровомъ Лезино, фрегаши начали нагонять флопилью. Но въ то самое время, какъ Венусъ былъ не много далѣе пушечнаго выстрѣла, вѣтръ стихъ, фрегаши остановились и мы, имѣя предъ глазами непріятеля, ни чего не могли предпринять. Французы, убравъ паруса, опять пошли на веслахъ, и скоро совершенно отъ насъ скрылись. Шпиль продолжался до вечера.

Къ ночи замѣшивъ по компасу положеніе непріятеля и воспользовавшись легкимъ вѣтромъ вмѣстѣ съ Авпроилемъ лавировали успѣшно; шебека, по тяжести хода, далеко отспала. На разсвѣтъ 22 Іюня, вновь открыли флопилью, подъ берегомъ у мѣстечка *Подгорье* называемомъ между Макаарскомъ и Нареншою. Утренній довольно свѣжій вѣтръ наполнилъ паруса, фрегаши двинулись, полетѣли и не болѣе какъ чрезъ полчаса Авпроиль открылъ огонь. Вскорѣ потомъ и Венусъ вступилъ въ сраженіе. Непріятель, разсѣлся во всѣ стороны; при къ намъ ближайшія лодки бросились къ берегу; погнавшись за другими двумя, одну пустили ко дну, а другая сѣла на мѣль.

Тутъ подошли мы близко къ берегу и за тихоспію въпра принуждены были бросить якорь. Непріятельскія суда, воспользовавшись симъ, успѣли на веслахъ и бичевою однѣ уйши въ Спалашро, другія въ успье рѣки, при Нареншо въ море впадающей. Авпроиль также спалъ на якорь; оба фрегата послали шлюпки взять оставленные непріятелемъ суда. Шебека, именуемая *Генрихъ* съ 14 мѣдными пушками взята Авпроилемъ, а Венусу доспалась полушебека, именуемая *Тременда* съ 2 мѣдными пушками.

Осмашривая попопленную Венусомъ лодку, нашлось, что хопя она и не годилась къ продолженію службы, но можно было снять съ нее пушки. Капитанъ поручилъ мнѣ поднять ихъ. Едва водолазы успѣли достать нѣсколько ружей и другаго мѣлкаго оружія, а боцманъ приступилъ къ поднятію пушекъ, вдругъ изъ дома и изъ садовой спѣны сдѣлали по насъ нѣсколько выстрѣловъ, мы имъ отвѣчали картечью съ барказа, и скоро Французы, бѣжавшіе со взятыхъ судовъ, сильно насъ атаковали; продолжая работу мы переспрѣливались и уже одну пушку достали изъ воды. Во время сильной пальбы съ обѣихъ сторонъ, вышелъ на набережную поселянинъ, и смѣло пошелъ между двухъ огней къ шлюпкамъ. Люди наши замѣтивъ, что онъ былъ безоруженъ и безпрестанно крестился, пропустили безъ вреда. Французы обратили на него всѣ выстрѣлы, старикъ бросился въ воду, началъ понусть; но какъ онъ

былъ уже недалеко отъ пошопленной лодки, то работавшіе на ней люди спасли его и представили ко мнѣ. Я спросилъ, что побудило его подвергнуться такой опасности. Господине! отвѣчалъ Славянинъ, я не боюсь смерти и пришелъ просить васъ пощадить домъ мой; въ немъ все мое состояніе. Оно неважно, но Далмашины ожидаютъ отъ васъ своего спасенія, не ужели вы первый шагъ свой желаете ознаменовать угнетеніемъ того народа, который по крови, вѣрѣ и предкамъ вамъ родные братья; мы и безъ того слишкомъ несчастливы! при семъ онъ залился слезами. Хотя онъ былъ весьма проспо одѣтъ, но объясненіе его на Италіанскомъ языкѣ понудило меня спросить кто онъ таковъ? Я Графъ Ивечевичъ и Гражданскій начальникъ сего округа, отвѣчалъ онъ, показывая на горы. Поѣзжайте скорѣе на фрегатъ, сказалъ я ему, конечно Капитанъ прикажетъ мнѣ опуститься; мы имѣемъ повелѣніе щадить во всѣхъ случаяхъ Далмашцовъ; будьте увѣрены, что домъ вашъ будетъ цѣль. Чрезъ полчаса, какъ Графъ отправился на фрегатъ, сзади садовъ я услышалъ пальбу. Французы побѣжали, а Капитанъ въ то же время прислалъ мнѣ сказать, чтобы я не преслѣдуя ихъ, поспѣшилъ доставить пушки на фрегатъ.

Едва Французы оставили садъ и домъ, какъ множество народа вышло на набережную. Тотъ же Графъ предложилъ мнѣ помочь поднять лодку, и дѣйствіе вдругъ перемѣнилось.

Мы окружены были добрыми поселянами, на лицахъ коихъ сіяла искренняя безпришворная радость. Въ нѣсколько минутъ послѣдовала полная довѣренность; женщины и дѣти безъ робости смѣшались съ мапрозами. Слыша еще въ первой разъ иносранцевъ, говорящихъ поняшнымъ для нихъ языкомъ, они улыбаались опъ восхищенія. Спарушки, споя въ опдаленіи, шворили молишву; сшарики, съ любовышесшвомъ осмашривая насъ съ ногъ до головы, плескали руками и съ восшоргомъ произносили, вошъ наша *братъя Христіане*. Между шѣмъ, какъ работа продолжалась, гостепріимные Славяне, принесли вина, хлѣба и плодовъ и разложили костры, дабы лучшимъ, что они имѣли, угосшишъ насъ. Съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣлъ я, какъ добродушно люди наши обращались съ жишелями, и можно сказашъ, что ни одно сраженіе, ни одна знаменишая побѣда, не кончилась лучшимъ и пріятнымъ сельскимъ пиромъ. Не должно ли сожалѣшъ, что народъ споль намъ приверженный и однородный повинуется чуждому власшшелю?

Къ вечеру возврашились шѣ Далмашы, кои напали на Французовъ, и объявили, что они успѣли сжечь еще одну лодку, кошорая также была повреждена и спояла на мѣли. Люди при оной бывшіе (такъ они насъ увѣряли) вмѣстѣ съ шѣми, кошорые бѣжали со взяшой нами лодки и шебеки, всѣ побиты. Когда пушки и другіе военные сна-

ряды попопленной лодки, называемой Battaglia di Marengo, подняшы, а лодка подарена жителямъ; опрядъ снялся съ якоря и 23 Іюня Лейтенантъ Насѣкинъ, назначенный комадиромъ шебеки Генрихъ, на оспровѣ Лезино у селенія Св. Георгія взялъ на башареи 2 мѣдныхъ пушки и судно съ виномъ, собраннымъ на оспровѣ для Французовъ.

24 Іюня, прибывъ къ Спаньо, опрядъ расположился такъ, что непріятель не осмѣливался перевозить войскъ своихъ изъ Далмаціи въ сей Рагузской городъ, а принужденъ былъ обходить по берегу, и по крупымъ горамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, перевозить провіантъ на ослахъ. Опъ Спаньо, перешли мы къ Наренпо, гдѣ успѣли перехватить нѣсколько судовъ съ провизіею. 29 Іюня, получивъ извѣстіе о снятіи осады Рагузы, при свѣжеть вѣтрѣ, прибыли мы въ Курцолу, а опшуда 3 Іюля въ Каспель-Ново. Плѣнныя шебеки, имѣя Россійской вверху, а внизу Француской флаги, салюповали Адмиралу каждая по 9 выстрѣловъ. При осмопрѣ ихъ, Адмиралъ переименовалъ Генрихъ *Забіякою*, а Тременда названа *Ужасною*.

СНЯТІЕ ОСАДЫ НОВОЙ-РАГУЗЫ

Когда 4 Іюня получено Высочайшее повелѣніе сдатьъ Боко ди Капаро Авспрійцамъ, то до того времени, пока можно было содержать сіе въ тайнѣ, войска Черногорскія и

Приморскія весьма дружно и храбро содѣйствовали нашимъ; но послѣ, когда Спаш. Сов. Санковскій, какъ довѣренная особа опѣ Двора, началъ пріуготовлять народъ къ принятію съ повиновеніемъ рѣшенія Его Императорскаго Величества, то народъ пребывая въ совершенномъ уныніи не оказывалъ уже прежняго усердія. Узнавъ же, что Австрійцы должны передать ихъ Французамъ, они потеряли всю свою бодрость. Въ такомъ состояніи, имѣя надежду на одни регулярныя войска, совершенно не лзя было ничего предпринять въ разсужденіи штурмованія Рагузы, крѣпости довольно сильной и такой, которая имѣетъ превосходный гарнизонъ, состоящая однихъ Французовъ, кромѣ жителей хорошо вооруженныхъ и готовыхъ защищаться до послѣднихъ силъ своихъ. По симъ обстоятельствамъ должно было заниматься одною только осадой, во ожиданіи не сдастся ли непріятель испощивъ свой запасъ или по недостатку воды. Здѣсь надобно отдать справедливостъ неутомимымъ войскамъ нашимъ, копорыя, бывъ всегда на открытомъ воздухѣ, почти непрестанно подъ ружьемъ, могли, съ достойнымъ истинныхъ героевъ терпѣніемъ держаться столько времени въ совершенномъ бдѣніи.

Линія, занимаемая регулярными войсками, подкрѣплена была еще однимъ баталіономъ 13 Егерскаго полка, доставленнымъ изъ Корфы; сія линія весьма пространна была для

2300 человекъ, изъ чего весь опрядъ состоялъ; но за всѣмъ пѣмъ оставалось одно только опасеніе, чѣобы Турки не пропустили непріятеля чрезъ свои земли, откуда можно послать войска наши между двухъ огней; но они увѣряли, что безъ кровопролитія ни какъ не пропускашъ. Каждое ядро и бомба съ бапашей нашихъ причиняли нѣкоторой вредъ въ городъ. Непріятель, принаровивъ всѣ свои пушки на оныя, только повредилъ у насъ одинъ карнаулъ, попавъ ядромъ въ средину дула, и убилъ одного морскаго канонира и двухъ Черногорцевъ. Во уваженіе несчастнаго положенія городскихъ жителей, которые, по причинѣ, что Французы опіяли у нихъ хлѣбъ и воду, страдавали отъ голоду и жажды въ разрушенныхъ бомбами домахъ своихъ, Адмиралъ предложилъ Французамъ капитуляцію и два раза были переговоры; но Лорисшонъ, не имѣя нужды въ продолженіи и ожидая съ часу на часъ своего сикурсу, ни какъ не хотѣлъ сдаться, а склонялъ переговоры къ тому, чѣобы оставили намъ Боко ди Капаро, а онъ оставилъ Рагузскую республику.

16 и 21 Іюня Французы дѣлали вылазки. Въ первый разъ въ полночь числомъ до 350 человекъ напали они на нашъ правый флангъ, но тотчасъ были прогнаны съ пошерю 10 убитыхъ и 23 раненыхъ, въ плѣнъ попавшихся. Во второй разъ передъ вечеромъ Мишрополишъ послалъ опрядъ Черногорцевъ зажечь въ предмѣстіи ближайшіе въ крѣпости дома,

изъ коихъ Французы обезпокоивали ихъ, что ими и учинено; по сей причинѣ Французы выслали человекъ до 400 подъ прикрытіемъ карпечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости. При семъ случаѣ, какъ по взятымъ Черногорцами ружьямъ полагаешь можно, потеря непріятеля простиралась до ста человекъ, наша же въ оба раза состояла въ 3 рядовыхъ морскаго полка и 8 Черногорцевъ. Послѣ сихъ неудачныхъ покушеній Французы не выходили изъ крѣпости и въ такомъ состояніи осада продолжалась до 24 Іюня.

Въ ночь съ 23 на 24 Іюня, посланные для развѣдыванія положенія непріятеля 250 Черногорцевъ встрѣпились съ Французами въ 8-ми верстахъ отъ Рагузы. Не взирая на превосходное число, Черногорцы напали на Французовъ, и перестрѣливаясь отступали. Въ 4 часа утра 24 числа получено извѣстіе, что непріятельской сигурсы около 500 человекъ идетъ отъ Спаньо къ Рагузѣ. Митрополишъ отправилъ часть Черногорцевъ къ рѣчкѣ занявъ непріятеля перестрѣлкой, а Князь Вяземскій послалъ полроты мушкетеръ въ редушъ для наблюденія движеній непріятельскихъ. Черногорцы лишь только успѣли придти къ рѣчкѣ, какъ непріятель (кромѣ пѣхоты, кои только для виду шли отъ Спаньо, дабы симъ увѣрить насъ, что сигурсы не придетъ чрезъ Турецкую границу) въ трехъ колоннахъ, числомъ до 3.000 человекъ, подъ начальствомъ Генерала Молишора, показался на высотахъ,

принадлежащихъ Султанскому владѣнію. Онъ шелъ около самой ихъ крѣпости, поднявшею въ сіе время Турецкой флагъ, прямо на нашу линію въ пылъ. Главнокомандующій, видя превосходнаго непріятеля въ пылу нашего опряда, далъ повелѣніе Мипрополишу и Князю Вяземскому, опспуститъ къ Старой Рагузѣ. Черногогорцевъ и Приморцевъ, сколько можно было собрать, съ двумя ротами 15-го егерскаго полка, подъ командою Капитана Бабичева, опсправили на встрѣчу идущему непріятелю. Черногогорцы предупредили нападеніемъ, прогнали передовыхъ непріятельскихъ волшижеровъ и опспановили первую колонну. Молишоръ, удивленный мужесшвомъ малаго числа нерегулярныхъ войскъ, двинулъ прошиву ихъ всю свою силу. Приморцы и Черногогорцы, по выше приведеннымъ причинамъ, не оказали шупъ прежней своей опсважности, и начали опспупать къ Старой Рагузѣ. Опспалась малая часпъ Ризаноповъ съ Графомъ Ивеличемъ и нѣсколько Черногогорцевъ съ Губернаторомъ Радоничемъ. Сей опрядъ, подкрѣпленный Капитаномъ Бабичевымъ, на выгодномъ положеніи мужесшвенно сопротивлялся до послѣднихъ силъ; наконецъ, послѣ упорнѣйшаго сраженія, опспупилъ во всемъ порядкѣ къ Старойже Рагузѣ. Храбрый Капитанъ Бабичевъ, прикрывая опспушленіе, успѣлъ взять еще 30 человекъ въ плѣнъ. Между тѣмъ Князь Вяземскій, дабы Лорисшонъ не могъ примѣшпть его движенія, опспавя нѣсколько часовыхъ по хребту горы

у башарей, сомкнулъ войска на лѣво въ дѣѣ колонны на покапоспи; узнавъ же, что Молипоръ опрѣзалъ репираду къ Спарой Рагузѣ, Князь Вяземскій, по предложенію Минирополи-та, сдѣлалъ славный маневръ, избавившій войска наши отъ очевидной и неизбѣжной опасности. Дабы увѣришь Молипора, что онъ предпринялъ репироваться къ Спарой Рагузѣ и дасть тоже мнѣніе гарнизону въ крѣпоспи, оставилъ онъ на высотахъ егерскій баталіонъ подъ командою Маіора Велизарева, для прикрытія опспупленія отъ Лориспона, выходившаго изъ южныхъ воротъ города; прочія войска, сдѣлавъ конпрѣ-маршъ, пошли по лощинамъ скрытымъ отъ непріятеля на сѣверъ къ поршу Санто-Кроче. Францускіе Генерала, полагая напасъ на наши войска съ прехъ споронъ, вышедшіе изъ крѣпоспи на правой, а пришедшіе на лѣвой флангъ и шылъ, обманулись вышеписаннымъ маневромъ, и ожидая войска наши со спороны Спарой Рагузы не нашли ихъ шамъ. Князь Вяземскій пришедъ къ Санто-Кроче, и не видя никакого помѣшательства, началъ садиться на присланныя со флота гребныя суда. Такимъ образомъ войска сѣли на суда въ двухъ верстахъ отъ непріятельской крѣпоспи и въ виду со всѣхъ споронъ непріятеля. Когда уже войска наши были на корабляхъ, то передовой непріятельской опрядъ напалъ на Маіора Велизарева, но сей храбрый Офицеръ штыками обратилъ оный въ бѣгство и подъ прикры-

тіємъ канонерскихъ лодокъ и вооруженныхъ гребныхъ судовъ безъ пошери сѣлъ на другія. Когда Мишрополишъ и Князь Вяземскій при громкомъ ура! уже послѣдніе опвалили опъ берега, тогда Молишоръ и Лорисшонъ съ двухъ споронъ приблизились къ пристани, и Капитаномъ 2-го ранга Мих. Быченскимъ, подъ распоряженіемъ коего садились войска наши на суда, встрѣчены были карпечнымъ залпомъ.

При семъ славномъ опспуленіи пошерь съ нашей спороны оказалась въ одномъ раненомъ, и 10 егеряхъ, опшавленныхъ у батарей на часахъ. Дабы не пошерьять большаго числа людей и не сдѣлать опшановки въ опспуленіи, 4 орудія, изъ копорыхъ одинъ каршауль былъ уже разбишъ, а прочія совсѣмъ распрѣлены и при морпиры опшавлены заклепанными. Сіе пріобрѣшеніе дорога споило непріятелю; пошерь его, въ продолженіи осады съ 5 до 24 Іюня и въ сей послѣдній день, щиная въ шомъ числѣ и Рагузцевъ, по показаніямъ плѣнныхъ, проспиралась до 2.000, но вѣрояшно, что онъ пошерьялъ болѣе 3.000; ибо жишели умирали опъ болѣзней и изнуренія.

В Е Л И К О Д У Ш Н О Е Н А М Ѣ Р Е Н І Е Б О - К Е З Ц О В Ъ.

25-го Іюня Главнокомандующій послалъ въ поршъ С. Кроче. Коншрь Адмирала Сорокина съ 3-мя кораблями, для порядочнаго размѣщенія войскъ, а самъ на кораблѣ Селафаилъ опправился прямо въ Капаро, для сдѣланія тамъ

распоряженій и предупрежденія всякихъ безпокойствъ, по случаю извѣстной уже жителямъ сдачи области ихъ Австрійцамъ, а потомъ и Французамъ. По прибытіи его въ Каспель-Ново народные Депутаты опъ 8 Комунисташовъ подали письмо слѣдующаго содержания :

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Нашъ преподанный Начальникъ и Покровитель!

„Услыша, что Государю Императору угодно область нашу отдать Французамъ, мы именемъ всего народа объявляемъ: не желая противиться волѣ Монарха нашего, единодушно согласились, предавъ все огню, оставивъ опечесство и слѣдовавъ повсюду за своимъ флотомъ. Пусть одна пустыня, покрывая пепломъ, насытитъ жадность Бонапарте, пусть онъ узнаетъ, что храброму Славянину легче не имѣть опечесства и скупаться по свѣту, нежели быть его рабомъ. Тебѣ извѣстна любовь и преданность наша къ Монарху нашему, ты видѣлъ, что мы не щадили ни жизни, ни имущества для славы Россіи; къ тебѣ же благодушный великій Амирантъ нашъ (такъ обыкновенно называли Адмирала), именемъ старцевъ, женъ и чадъ нашихъ, прибѣгаемъ и просимъ, представельствуя у престола Монарха милосердаго и сердобольнаго, склони его къ моленіямъ нашимъ, да не опринесть онъ народа ему вѣрнаго, народа жертвующаго достояніемъ и опечесствомъ, любезнымъ ка-

дому гражданину, для малаго уголка земли въ обширной его Имперіи. Тамъ подъ его державою въ мирномъ и безопасномъ убѣжищѣ увѣрены будемъ, что святошапспвенная рука грабителей Европы не коснется праха костей нашихъ, и тамъ, посвятивъ себя службѣ новаго, но роднаго намъ опечества, мы утѣшимся, позабудемъ потери наши и вовѣки благословлять будемъ имя его. Если же противно ожиданію и надеждѣ, мы должны повиноваться злѣйшимъ нашимъ врагамъ, врагамъ вѣры и челоуѣчества, если ты не можешь позволить намъ слѣдовать за тобою, то останься спокойнымъ зрительцемъ нашей гибели. Мы рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою независимость и готовы всѣ до единого положить головы свои за опечество. Обороняя его, пусть кровь наша течетъ рѣкою, пусть могильные кресты свидѣтельствуютъ позднѣйшему потомству, что мы славную смерть предпочли послѣдному рабству, и не хотѣли другаго подданства кромѣ Россійскаго.“

Уже многія семейства опплыли въ Корфу, другіе перебирались на суда и готовили дома свои къ сожженію; нѣсколько корсеровъ предположили напасть на 3.000 Австрійцевъ въ Курцолѣ, защищаемыхъ только двумя военными бригами. Ужасное мщеніе ихъ нѣкоторымъ образомъ опнеслось бы къ намъ. На столь рѣдкую рѣшимость конечно равнодушно смотрѣть было не возможно. Опвсюду слы-

шенъ былъ вопль женщинъ и дѣтей; Приморцы въ глубокомъ уныніи смопрѣли на Адмиральской корабль, который, какъ думали они, пришелъ просииться съ ними, а флотъ съ войсками отправился уже прямо въ Корфу. Главнокомандующій былъ въ запруднищельнѣйшемъ положеніи. Съ одной стороны, въ дѣлѣ столько важномъ, обращающемъ на себя вниманіе многихъ державъ, собственная безопасность его требовала, чѣмъ повелѣнное немедленно исполнить; съ другой, столь рѣшительная опчаянность и гибель цѣлаго народа, столь преданнаго Россіи, налагали на него долгъ человѣчества и любви къ славу опечесства, не приступать къ сему безъ новаго донесенія о сихъ повспрѣчавшихся обстоятельствахъ. Сенявину предстояло подвигъ смѣлой, благородный и онъ не долго колебался въ выборѣ. Депутаты, подавъ ноту, стояли предъ нимъ заливаясь слезами, и рыдая неопсупно просили быть засупникомъ ихъ предъ Государемъ. Послѣ крапскаго размышленія, Адмиралъ сказалъ имъ: пошлемъ къ Государю избранныхъ изъ именитѣйшихъ Гражданъ (*), будемъ вмѣстѣ надѣяться на Его милосердіе или на перемѣну непріятнаго положенія политическихъ дѣлъ. До сихъ поръ, сколько мнѣ будетъ возможно, не оставлю васъ храбрый и великодушный народъ, я при-

(*) Архимандритъ Вукотичъ съ тремя депутатами милостиво и благосклонно были приняты Государемъ Императоромъ.

емлю на себя всю отвѣтственность; готовъ защищать васъ всею силою и охотою; успокойтесь и не предавайтесь опчаянію. Сей подвигъ Сенявина вывелъ его изъ чреды обыкновенныхъ людей, и поставилъ на ряду съ тѣми, кои не спрашались жертвовать собою пользѣ и славѣ Отечества. Съ сего времени имя его сдѣлалось извѣстнымъ Европѣ, и можетъ болѣе, нежели собственному его Отчеству; ибо скромность, чуждая самохвальства, всегда была добродѣтелію великихъ мужей, утѣшающихся правотою знаменитыхъ дѣлъ своихъ, не заботясь о томъ, больше ли они или меньше извѣстны.

28 Іюня Конпръ - Адмиралъ Сорокинъ со флотомъ пришелъ на рейдъ, и по мѣрѣ, какъ корабли становились на якорь, войска немедленно свозились въ крѣпости Каспель - Ново и Эспаньолу. На другой день Главнокомандующій самъ сдѣлалъ распоряженія, назначилъ нѣкоторыя работы, дабы крѣпость Каспель - Ново привести въ порядочное оборонительное состояніе. Въ Капаро и Ризано поставлены были только 3 роты; сами жилили вызвались защищать ихъ. Войска поставлены были въ такомъ положеніи, что въ случаѣ надобности могли выйти на встрѣчу непріятелю; флотъ въ тотъ же день снова вышелъ для приисканія непріятеля съ моря. Народъ видя съ нашей стороны такую дѣятельность и усердное попеченіе на оборону ихъ, увѣрившись, что Россіяне всегда будутъ съ

ними не разлучны, приняли прежнюю свою бодрость. Всѣ дороги впереди нашихъ постовъ, заняли отборные отряды Приморцевъ и Черногорцевъ, паршіи ихъ снова появились подъ спѣнами Рагузы. Благодарность и усердіе Бокезцевъ были безпримѣрны: вся область представляла военный лагерь и вездѣ раздавалось да здравствуетъ Сенявинъ! гдѣ бы онъ ни показался, многочисленныя толпы съ почтеніемъ сопровождали его, кланялись до земли и лобзали прахъ ногъ его. Черногорцы въ знакъ почести безпрестанно стрѣляли и сколько ни убѣждали ихъ, что бы берегли патроны для Французовъ, они добродушно отвѣчали: *у нашего батюшки Государя больше гервонцевѣ хѣлѣ фисѣ* (патронъ). Дмитрій Николаевичъ, въ душѣ крошкѣй, уклонялся отъ почестей и отъ всѣхъ изъясненій любви и благодарности къ нему народной. Подчиненные его, на опытъ познавъ личное его мужество, безпристрастную справедливость, не могли не удивляться благородной его рѣшимости, и смѣю сказать сія эпоха въ жизни Адмирала представляла истинное торжество гражданскихъ и военныхъ его добродѣтелей.

Лориспонтъ и Молишоръ, хотя и получили еще помощь, умножившую число ихъ войскъ до 8000; но не осмѣлились выйти въ поле и по прежнему сидѣли запершись въ крѣпости. Усердные имъ Рагузинцы не могли похвастаться пребываніемъ у нихъ Французовъ. Лишившись торговли, они не имѣли чѣмъ себя со-

державъ, бывъ принуждены платить безпрестанныя контрибуціи, и раздѣвая себя, одѣвать нагихъ пришлецовъ. Они испили всю чашу горести; большая часть судовъ ихъ, находившихся въ портахъ Россіи и Англіи подвласныхъ, были задержаны, другія достались въ руки ихъ крейсерамъ. Бокезскіе корсеры обогатились на щепъ шѣхъ, кои искали ихъ разоренія. Съ другой стороны Французы брали все, что только имъ оставалось. Научась такимъ печальнымъ опытомъ, многіе изъ капиталистовъ бѣжали изъ опечеснѣва, и только у непріятелей своихъ нашли покой и покровительствѣ.

КРЕЙСЕРОВАНИЕ въ маломъ морѣ — вѣтръ Сироко.

По новому распоряженію, сдѣланному для пресѣченія сообщеній непріятельскихъ войскъ изъ Далмаціи въ Рагузу, корабли Ярославъ, Венусъ и шебека Забіяка 5 Іюля отправились въ крейсерство въ малое море или иначе Нарентской заливъ. Настало то жаркое время, котораго конечно не превзойдетъ и палящій зной Африки. Роса и легкой вѣшнорокъ ни мало не прохлаждали воздуха ночью, духота замѣняла огненные лучи полуденнаго солнца. Послѣ штиля, подулъ довольно свѣжій юго-восточный вѣспръ, которой скоро наполнилъ воздухъ влажными парами. Берега покрылись мглою. Лучи солнца, проникая и преломляясь въ туманныхъ облакахъ, золотили края ихъ,

и являли взору черныя пучи съ краевъ зажженные. Вся атмосфера казалась пламеньюющею, и предспавляла удивленнымъ глазамъ нашимъ обширный съ погасающими углями горнь, съ коимъ горящія по краямъ и черныя въ срединѣ облака совершенное имѣли подобіе. Сильно дующій вѣтръ, называемый Италіанцами Сироко, (shirocco) (*) скоро преобразился въ знойное удушающее дыханіе. Жаръ сдѣлался такъ великъ, что до крашеныхъ спѣнь фрегата и чугунныхъ пушекъ допронуться было не возможно, смола какъ бы разогрѣтая капала со снастей. Самунъ, какъ сказываютъ путешественники, имѣетъ свое дѣйствіе въ 2 футахъ отъ земли, дуновеніе его сходно съ шумомъ пламени, выходящаго изъ пѣснаго жерла; оный вѣтръ продолжается не болѣе 10 минутъ. Человѣкъ, умерщвленный огненнымъ симъ вихремъ, походитъ на покоющагося сладкимъ сномъ. Поелику Аравія и пещаная степь Саара, гдѣ свирѣпствуетъ Самунъ, лежатъ отъ Италіи на юго-воспокъ и юго-юго-западъ (SSW) (**); по конечно проходя великое пространство моря и наипавшись испареніями водъ, здѣсь теряетъ онъ смертельность свою. Не смотря на сіе прохладж-

(*) По Италіанскому произношенію Широко

(**) Въ Сициліи и Италіи Широко дуетъ съ сей последней стороны горизонта и прямо отъ залива Сидро, за коимъ находятся пещаныя степи.

деніе, Сироко, порожденіе Самуна, особенно въ Сициліи, Мальтѣ и Корфѣ причиняетъ великій вредъ. Къ щаспію не каждый годъ оный бываетъ, и продолжается не болѣе часовъ двухъ; но если продолжится онъ сушки, что иногда случается, то поля засыхаютъ, распенія пропадаютъ, древесныя лѣсъя и плоды увядаютъ, желтѣютъ и опадаютъ, стѣны каменныхъ домовъ раскаляются, малые источники высыхаютъ и наконецъ вода повсюду дѣлается теплою. Скопъ предчувствуетъ приближеніе Сироко, онъ бѣжитъ и укрывается въ прохладныхъ пещерахъ или въ стѣни лѣсовъ, гдѣ тотчасъ ложится или спитъ повѣся голову. При появленіи первыхъ знаковъ сего вѣтра, въ городахъ, стѣшатъ запирають ворота и ставни, прячутся въ погреба и въ самые прохладные покои. Пыль, поднятая на улицахъ, проходитъ въ самаѣйшія, скважины, поршишь въ нѣсколько минутъ мяса, овощи, хлѣбъ и все съѣстное. Въ людяхъ особенно пучныхъ и полнокровныхъ, Сироко производитъ болѣзненные припадки, при изобильной испаринѣ, бросаетъ въ жаръ, кружится голова, краснѣютъ глаза и непреодолимо клонитъ къ сну. Уснувшій обливаема потомъ, спитъ безпокойно, и вспадаетъ чувствуя слабость, какъ бы послѣ горячки. Хотя въ морѣ, Сироко меньшую имѣетъ силу, и не слишкомъ ослабляетъ здороваго человека; но крайнѣ нужно преодолевать сонъ, не дѣлать большаго движенія, и строго запре-

щанъ людямъ спать на палубахъ открывшись; ибо изобильная роса, падающая въ слѣдующую ночь, производилъ опасную проспуду.

Съ небольшимъ часъ продолжался Сироко; попомъ небо прочистилось, вѣтръ стихъ, и къ вечеру воздухъ прохладился. У Меледы нашли шебеку Азардъ; островъ сей лѣсисъ, и изобилуетъ виномъ. Аббапъ Лавока полагаетъ, что шупъ, а не у Малыпы, Апостоль Навель претерпѣлъ кораблекрушеніе; но сіе не справедливо; ибо Апостоль, построивъ новый корабль, опплылъ въ Римъ и на пути проходилъ Сиракузы и Мессину, что и доказываетъ ошибку Лавока, которая конечно произошла отъ того, что Малыша и Меледа въ древности назывались Мелипа, 8 Іюля простояли мы въ Курцолъ, гдѣ нашли корабль Пепръ и шже 25 судна съ 5000 Австрійскихъ войскъ; 9-же числа прибыли на назначенный портъ въ малое море.

Опрядъ расположился такъ, что сообщеніе Рагузы съ Далмаціею, и сей съ островами къ ней прилежащими совершенно прекратились; корабль, фрегатъ и шебеки попеременно находились подъ парусами. Въ первые дни перехватили нѣсколько судовъ, а на послѣдокъ и рыбаки, которыми мы не препятствовали заниматься ихъ ремесломъ, не показывались. Французскія войска занимали берега вокругъ, безпрестанно ходили взадъ и впередъ, и по малѣйшему подозрѣнію припѣ-

сняли приверженныхъ къ намъ жителей. Въ одинъ день шебека Забіяка, проходя близъ монастыря Заоспрогъ, была атакована Французами, засѣвшими въ садахъ. Венусъ пришедъ къ ней на помощь, картечнымъ залпомъ прогналъ ихъ, и за сіе взяли они съ монаховъ контрибуцію! Собранная и на маломъ пространстве расположенная 20.000 армія, опасаясь высадки и бунта народа, стояла подъ ружьемъ, и перѣла крайній недостатокъ въ продовольствіи; ибо доставленіе изъ Италіи берегомъ было крайнѣ затруднительно, а Далмація безплодная, существовавшая только торговлею, и нынѣ лишенная оной, не имѣла хлѣба и для продовольствія жителей. Французы брали контрибуціи до тѣхъ поръ, какъ уже нечего было брать. Отъ жару, изнуренія, въ продолженіи сего лѣта, по увѣренію жителей, умерло солдатъ до 8000 человекъ; такимъ образомъ тѣсная блокада стояла непріятелю гораздо болѣе, нежели самыя сраженія и сила наша столь не значущая, имѣла преимущество надъ, превосходнымъ числомъ Французовъ. Бонапарте, которому ничего нѣтъ не возможнато, дабы облегчить доставленіе провіанта берегомъ, приказалъ сквозь цѣль кремнистыхъ горъ пробить дорогу. Несчастные жители, не различая никакого состоянія, были собраны и подобно невольникамъ, провожаемые, солдатами, сдѣлали оную до Зары, и сія-то дорога названа Наполеоновъ путь. Путь сей, сдѣланный не-

заплаченными трудами жителей, сверх сего
 тягостные налоги, конскрипція и всякаго ро-
 да угнетенія, довели бѣдныхъ Далматцевъ
 до самаго бѣдственнаго состоянія. Негодова-
 ніе сдѣлалось повсемѣстно, и въ нѣкото-
 рыхъ мѣстахъ народъ взялся за оружіе, де-
 ревни пылали, и возмущители, такъ Фран-
 цузы обыкновенно называютъ истинныхъ сы-
 новъ отечества, разспрѣливались. Сіе прину-
 дило Генерала Мармонта объявить Далмацію
 въ военномъ состояніи, и бѣдствія народа
 еще болѣе увеличились.

Опъ жаровъ вода испортилась, и сей
 смрадной воды выдавалось матрозамъ и офи-
 церамъ по стакану въ день. Во все плаваніе
 въ Средиземномъ морѣ, только здѣсь имѣли
 мы крайней недостатковъ въ оной. Открыв-
 ши въ пустомъ мѣстѣ ключъ, послали, подъ
 прикрытіемъ шебеки, гребныя суда съ бочка-
 ми; непріятель пришелъ воспрепятствовать,
 но Поручикъ Вечесловъ съ 80 морскими сол-
 дами, занявъ выгодную высоту, не допустилъ
 ихъ вредить рабочимъ людямъ, кои безъ поше-
 ри, по наливши водою, возвратились на фре-
 гатъ. 31 Іюля, Французы извѣстили насъ о
 мирѣ, заключенномъ между Россією и Фран-
 цією, а 1 Августа получили повелѣніе пре-
 крапши военныя дѣйствія; почему опрядъ
 прибылъ 2 Августа въ Курцолу, гдѣ соеди-
 нясь съ кораблемъ Пепромъ, и забравъ гар-
 низонъ, прибыли въ Капаро 5 Августа, куда
 къ 11 числу и весь флотъ собрался.

ПЕРЕГОВОРЫ О СДАЧѢ БОКОДИ КАТАРО.

4 Іюня Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Графъ Беллегардъ и Полковникъ Графъ л'Епинъ, полномочные Австрійскіе Коммиссары, дославили Адмиралу Высочайшее повелѣніе, копорымъ Государь Императоръ, во уваженіе дружбы къ Австрійскому Императору, приказалъ, для передачи Французамъ, сдать Катаро Цесарцамъ. Главнокомандующій разсуждая, что Государь еще не получилъ увѣдомленія о новомъ нарушеніи правъ народныхъ, завладѣніемъ Рагузской республики, бывшей подъ покровительствомъ Турціи, союзницы Россіи, объявилъ обоимъ Графамъ, что: „пока Рагуза не оставлена будетъ Французскими войсками, и независимость республики не будетъ обезпечена вѣрнымъ споручительствомъ, до тѣхъ поръ Катаро не будетъ сдана Австрійцамъ.“ Въ слѣдствіе сего Графъ л'Епинъ старался склонить Генерала Лориспона оставить Рагузу; но онъ отклонилъ сіе не совмѣстнымъ предложеніемъ, „ему заняты Катаро, а Рускимъ Рагузу.“ Поелику же Бокезцы, кляпвою между собою обязались не отдаваться ни Австрійцамъ, ниже Французамъ, и опправили о томъ прошеніе къ нашему Двору, то Адмиралъ нашелъ новую причину до впорочнаго повелѣнія, на многія опношенія Австрійскихъ полномочныхъ не дасть рѣшительнаго опвѣта. 19 Іюля Графъ

л'Епинъ , описавъ спѣшенное положеніе своего Двора удержаніемъ крѣпости Браунау и угроженіемъ занять Тріестъ и Фіуме, предложилъ, чтобы Французскія войска отступили до Станьо , Австрійцы же заняли бы новую Рагузу, и находясь такимъ образомъ между нами и Французами, подалибы нашимъ войскамъ возможность безопасно опорожнить Бокко ди Капаро, послѣ чего Французы примутъ область опять Цесарцовъ. Адмиралъ, дабы выиграть время и зная, что и оное предложеніе не могло быть исполнено, согласился для одного вида. Между симъ временемъ прибылъ изъ Анконы Французскій Капитанъ Техтерманъ съ письмомъ отъ Спальскаго Совѣтника Убри съ приложеніемъ выписки изъ мирнаго договора, подписаннаго имъ 8 Іюля въ Парижѣ между Россіею и Франціею. Какъ сей Офицеръ не имѣлъ никакого виду отъ Г. Убри и необыкновеннымъ образомъ спѣшилъ возвратиться въ Анкону, а бывши опущенъ, и воспользовавшись шпилемъ на своей пребавѣ вошелъ въ Рагузу; по сей поступокъ внушилъ Адмиралу подозрѣніе касательно достоверности бумагъ ими привезенныхъ, и понудилъ оповѣстивъ Графу л'Епину, что до полученія новыхъ повелѣній Государя Капаро не можетъ быть сдана. Австрійскіе полномочные, огорченные можетъ быть безуспѣшными переговорами, объявили, что они имѣютъ повелѣніе силою занять Капаро, жаловались на умышленное промедленіе, огорча-

лись, что наши гребные суда ходятъ дозоромъ около Австрійскаго брига и заключили ношу свою шѣмъ, что не вступятъ ни въ какія дальнѣйшія разсужденія. По причинѣ сихъ угрозъ Капитану Белли приказано препятствовать высадкѣ Австрійскихъ войскъ и наблюдать ихъ какъ непріятельскія. А какъ въ числѣ судовъ, на которыхъ войска привезены были изъ Триеста, нашлось нѣсколько Бокезскихъ, принужденно тамъ взятыхъ, то, пока продолжались переговоры о семъ новомъ оскорбленіи Россійскаго флага, Генераль Беллегардъ совершенно лишенъ былъ способовъ приступить къ насилію.

27 Іюля Артиллеріи Штабсъ-Капитанъ Магденко, находившійся въ плѣну, прибылъ изъ Люневилля съ дубликатомъ мира и успешнымъ подтвержденіемъ отъ Убри послѣшивъ сдачею Капаро. Съ нимъ пріѣхалъ Французскій Капитанъ съ письмомъ къ Адмиралу отъ Вице Короля Италіянскаго; на другой день отъ него же Полковникъ Сорбье доставилъ другое письмо и претью депешу Г. Убри, подтверждающую миръ имъ подписанный. Не зная полномочій, какія даны были сему Министру, Адмираль хотя не могъ болѣе сомнѣваться о точности мира, однакожь желая дожидаться какъ оный будетъ принятъ Государемъ, предположивъ медлить сдачею до точнаго повелѣнія Двора, приказалъ какъ и Французскіе Генералы прекращить военныя дѣйствія, единственно съ шѣмъ только

намѣреніемъ, чѣобы обезпечивъ на всякой случай отступленіе, бысть готову съ большею силою прошивущахъ наступленію, чего отъ Французовъ, и во время мира можно всегда ожидать. По новому требованію Австрійскихъ полномочныхъ, которые по случаю мира съ Франціею думали, что нѣтъ уже препятствія приступитъ къ сдачѣ имъ области, Адмиралъ отвѣчалъ, что оная сдача по сему миру остановлена, и ничего не упомянулъ, что слѣдуетъ отдать ее Французамъ; встревоженные симъ они требовали объясненія. Адмиралъ поручилъ отвѣчать Г. Санковскому, которому по Гражданской части дано было повелѣніе сдать Капуро Австрійцамъ, но Г. Санковскій сказался больнымъ и не хотѣлъ вступить ни въ какіе переговоры.

30-го Іюля прибылъ въ Кастель-Ново Генералъ Лориспонъ съ порученіемъ отъ Главнокомандующаго Генерала Мармонта для распоряженій касательно опорожненія провинцій. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій начались переговоры. Лориспонъ просилъ увѣрить Бокезкій народъ, что Наполеонъ обѣщаетъ забыть все прошедшее. Адмиралъ отвѣчалъ, что лучший образъ успокоить жителей былъ бы тотъ, чѣобы торжественно обнадѣжить, что они не будутъ обременены налогами, контрибуціями, дѣланіемъ дорогъ, поправленіемъ крѣпостей безъ плашъ, избавлены будутъ конскрипцій, словомъ, что они будутъ наслаждаться тѣмъ же спокойствіемъ

и благоденствіемъ , какимъ пользовались подъ управленіемъ Россійскимъ. Лориспонтъ далъ слово, конечно не съ тѣмъ, чтобы его исполнилъ, ибо правительствѣ его приняло систему содержащихъ солдатъ на щепъ жилищей. Съ своей стороны Лориспонтъ требовалъ, чтобы возвратить всѣ взятыя Рагузскія суда; поелику республика пребывала будтобы всегда неутральною; на сіе Адмиралъ отвѣчалъ, что самъ онъ издалъ прокламацію, и объявилъ, что глава Французскаго народа, присоединяя республику къ своимъ владѣніямъ, не прежде признаетъ неутралишетъ ея, какъ когда Россійскія войска оставятъ Капуро и Корфу, да къ тому же само Французское правительство не задолго предъ тѣмъ повелѣло щипать доброю призою суда Ионическія, именно за то, что она республика занята Россійскими войсками. Въ слѣдствіе многихъ сему подобныхъ переговоровъ, Адмиралъ положилъ срокъ сдачи 15-го Августа, уповаю до того времени получить подтвърдительныя наставленія отъ Графа Разумовскаго изъ Вѣны, и по наружности сдѣлалъ пріуготовленіе и видъ согласія на опорожненіе области. Потомъ объявилъ Австрійскимъ полномочнымъ, что Капуро, во исполненіе спашья мира, сдана будетъ прямо Французамъ, а не имъ. Встревоженные таковымъ объявленіемъ они 31 Іюля прислали ноту, въ коей сильными и справедливыми доводами пропесповали прошиву непосредственной сдачи Бока ди Капуро Французамъ. Въ

слѣдъ за нотою сами пріѣхали на Адмиральской корабль, прежнія угрозы перемѣнивъ на ласковыя убѣжденія, признались откровенно, что причина, для коей они столь сильно настаивали на сдачу, была та, что Мармоншъ и Лорисшонъ увѣряли ихъ и честію своею ручались, будтобы Адмиралъ пригласилъ Англичанъ для занятія Капаро.

Адмиралъ, получивъ столь нужный ему прощесъ, объявилъ Лорисшону, также и Г. Санковскій, что до полученія Высочайшихъ повелѣній никогда и не думано приступить къ опорожненію провинцій, шѣмъ болѣе, что еще нѣтъ примѣровъ въ исторіи, чтобы выполненіе мирныхъ спашей когда либо могло имѣть мѣсто прежде размыны ратификацій. Лорисшонъ, удивленный такою перемѣною, прекратилъ переговоры, и свидѣтельствую личное свое уваженіе Адмиралу, сожалѣлъ о потерянномъ времени, и прощаясь, по обычаю Французскихъ дипломатиковъ, сказалъ: „что онъ отъ сей остановки опасается весьма бѣдственныхъ для Европы слѣдствій и что Адмиралъ симъ оплагательствомъ навлечетъ Государю своему и опечесству большія непріятности.“

Австріійскіе дипломаты благодарили Адмирала за участіе, принимаемое имъ въ трудномъ ихъ положеніи. Однакожъ, хошя и прибылъ 13-го Августа отъ Посла Графа Разумовскаго курьеръ съ депешою Министра Морскихъ силъ, въ коей содержалось подтвер-

жденіе воли Государя относительно сдачи Боксиди Кашаро Австрійцамъ; но какъ депеша сія была отправлена до полученія донесенія о заключеніи Убриемъ мира; то Адмиралъ отвѣчалъ имъ, что рѣшился ожидать новыхъ повелѣній Императора, и прежде полученія оныхъ, Кашаро не будетъ сдана ни Французамъ, ни Австрійцамъ.

Миспрополисъ, извѣстный своею шонкостію въ политическихъ дѣлахъ, представлялъ въ сіе время, хотя и спорною, немаловажную особу; и не допустилъ обмануть себя, ни ласкательствомъ, ни щедрыми обѣщаніями. Французы, кромѣ гласныхъ переговоровъ, употребляли всѣ тайные способы. Миспрополисъ нуженъ имъ былъ какъ для удержанія въ повиновеніи Боксидовъ, такъ и для будущихъ ихъ видовъ на Герцоговину и Албанію, гдѣ онъ по духовному своему сану имѣлъ великую власть. Миспрополисъ хитро узнавъ о намѣреніи Французскаго правительсва, открылъ глаза сосѣдственнымъ Пашамъ, такъ что значительные подарки, данные отъ Французовъ Скушарскому и Требинскому Пашамъ, не послужили ни къ чему. Лишь только Адмиралъ возгласилъ къ жишелямъ Герцоговины, Депутаты, ихъ явились съ предложеніемъ услугъ, а Паша, подобно Али Пашѣ Албанскому, остались добрыми намъ пріятелями и ничего, по внушенію Французовъ, ко вреду нашему не предпринимали.

По отъѣздѣ Лориспона, Австрійскіе полномочные снова подали нѣсколько нотъ, про-

силы, убѣждали, наспопашельно пребовали, снова пошеряли границу умѣренности и позволили себѣ неприличныя выраженія; Адмиралъ нашелъ благоразумнымъ не входить съ ними ни въ какія дальнія поясненія. Наконецъ 26 Августа Фельдъегерь привезъ Высочайшее повелѣніе отъ 31-го Іюля о всемѣрномъ продолженіи военныхъ дѣйствій, и есшъи Каптаро сдана, взять и занять всѣ прежнія позиціи, какія до мира, подписаннаго Убриемъ, но не утвержденного Императоромъ (*), флотъ и армія наша имѣли. Должно себѣ представить, сколько обрадованъ былъ Адмиралъ такимъ повелѣніемъ, которое оправдывало его осторожность и всѣ распоряженія, предпринимаемыя имъ по собственному усмотрѣнію. Дабы имѣть время собрать нерегулярныя войска, Адмиралъ, пригласивъ Митрополиша и всѣхъ частныхъ начальниковъ, объявилъ имъ волю Государя и на другой же день часть флота и всѣ корсеры отправились въ море, имѣя повелѣнія въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ Рагузы брать непріятельскія суда.

Такимъ образомъ усиленное проекратное приглашеніе Убри, лестныя убѣжденія Евге-

(*) ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, не утвердивъ сего мира, повелѣлъ предложить Французскому правительству возобновить негоціацію, на новыхъ условіяхъ, въ числѣ коихъ состояли, чтобы Далмація и Боко ди Катаро не были во владѣніи Франціи.

нія Вице Короля Італіянскаго, настоянія Лориспона, Беллегарда и Л'Епина не поколебали швердосши Сенявина и доказывали припомъ, коликую важность Бонапарше приписывалъ удаленію насъ опъ Далмаціи и занятію войсками его Кашаро. Цѣль его при заключеніи мира конечно была только та, чшобы обмануть бдишельность Сенявина, занявъ Кашаро и усиливъ прочіе пункты, приближающіе его къ Герцоговинѣ и Албаніи, а попомъ наводнивъ Далмацію войсками опкрывъ явно свои виды на владѣнія Поршы, завладѣвъ оными, либо заставивъ державу сію содѣйствовать ему въ злѣбъ его прошиву Россіи; но оспорожное и благоразумное поведеніе Адмирала, поспавило непреодолимую препону всѣмъ его замысламъ. Сшараніе Французовъ разгласивъ скорѣе о мирѣ, заключенномъ между Россіею и Франціею, въ другой споронѣ доспавило имъ великую пользу. Неаполитанской Дворъ почиталъ себя совершенно оспавленнымъ Россіею и Англичане думая поже, оспавили Калабрію мщенію Французовъ и миръ сей для несчастныхъ Калабрійцовъ имѣлъ дѣйствія весьма прошивныя шѣмъ, копорыя Сенявинъ умѣлъ опклонивъ опъ Бокезцовъ. Наполеонъ, узнавъ о нападеніи на его войска, какъ сіе видно будетъ, негодовалъ, гиѣвался и ложъ Монипера, изобличая его неудачу, каковую онъ не привыкъ переноситъ, служила Сенявину наилучшею похвалою и наградю. Напрасно наемныя журналисты старались всѣхъ увѣритъ, что

Капаро взята, о чемъ въ Венеціи въ театрѣ при барабанномъ боѣ объявили, напротивъ того скоро вездѣ узнали, что Сенявинъ, не давъ обмануть себя переговорами, разбилъ славныхъ его Генераловъ и оспался спокойнымъ обладателемъ провинціи Каптарской.

**Журналъ военныхъ дѣйствій отъ 2-го
по 25-е Сентября.**

По заключеніи мира, еще съ половины Августа мѣсяца Французы начали строитъ батареи при самомъ входѣ въ заливъ Каптарской на мысъ Оспро. По полученіи же повелѣнія о продолженіи военныхъ дѣйствій, Адмиралъ, желая собрать болѣе нерегулярныхъ войскъ и сдѣлать нужныя приуготовленія въ тайнѣ, дожидаль когда батареи будутъ кончены, дабы, взявъ готовыя, не имѣть труда строитъ ихъ своими людьми. Францускіе Генералы, не смотря на миръ, безъ помѣшательства продолжая укрѣплять входъ въ Капаро, осмѣлились весьма близко приблизитъ передовые посты свои къ нашей границѣ; посему Адмиралъ просилъ Генерала Мармонша, чтобы онъ ввелъ войска свои въ ту позицію, въ коей они находились при первомъ полученіи извѣстія о мирѣ, именно 2-го Августа, какъ въ началѣ условлено было; въ случаѣ же отказа, такъ сказано въ письмѣ Сенявина, я принужденъ буду употребитъ другія мѣры. Мармоншъ, чего почто и желалъ Сенявинъ, отвѣчалъ

колко, и въ отвѣтъ своемъ между прочимъ сказалъ, что онъ такого характера, что никто не можетъ успрашить его и пошому войска его не опсшупяшъ ни на шагъ. На другой день Тезоименишсва Государя Императора, кошорой провели въ радости и веселіи, весь флотъ, кромѣ Адмиральскаго корабля, вышелъ изъ залива и о начашіи военныхъ дѣйствій было объявлено. Кошпръ-Адмиралу Сорокину съ 4 кораблями и фрегатомъ поручено блокировать порты Рагузы. Венусу досшался поспѣсть отъ Будуа до Молоншы.

Въ тоже время 2-го Септября опряды нерегулярныхъ войскъ подъ начальствомъ Графа Воиновича и Вуко Юро, напали на Французскую колонну и прогнали ее съ большимъ урономъ отъ границы. Мармоншъ, удивленный такимъ нападеніемъ, перемѣнилъ прежній свой шонъ, и въ другомъ письмѣ своемъ къ Сенявину объявилъ, что онъ рѣшился оставить укрѣпленія и желаетъ опсшупишъ въ позицію 2-го Августа; но уже было поздно, непріятельскія дѣйствія были начашы. 7-го Септября корабль Пепръ и фрегатъ Венусъ сбили на низменности мыса Остро 10 пушечную батарею и съ сего дня по 13 число корабль стоя на якорѣ у оконечности мыса, фрегатъ подъ парусами, а канонерскія лодки отъ спороны залива, базпреспанно беспокоили непріятеля ядрами и картечами, мѣшали ему въ продолженіи работъ и убили у него много людей.

9-го Сентября Капитанъ Белли, стоявшій въ Рагузскомъ заливѣ, на двухъ пребакахъ взялъ въ плѣнъ 17 Штабъ и Оберъ Офицеровъ, 46 рядовыхъ и довольное число военной амуниціи и шанцевыхъ инструменшовъ. 12-го Сентября Венусъ не допустилъ другія два непріятельскія судна, шедшія съ провизією къ мысу Оспро, и прогналъ ихъ въ портъ Молонты, куда съ 3 гребными вооруженными судами посланъ былъ Офицеръ взять оныя. Но какъ стояли онѣ на мѣли, то послѣ сильной переспрѣлки съ Французскими спрѣлками, разбивъ оныя ядрами, Офицеръ, безъ пошери, опспунилъ.

13-го Сентября, когда собралось довольное число Приморцевъ и Черногорцевъ подъ предводишельствомъ Мипрополиша, регулярныя наши войска выступили изъ Каспель-Ново, и какъ въ поже время батареи на Оспро рѣшишельно были апакованы кораблями; то лишь войска показались на видъ, Французы поспѣшно оставили всѣ укрѣпленія и сомкнулись опъ *Дебелаго брега* (урочище въ 12 верстахъ опъ Каспель-Ново) до порта Молонта, а въ вечеру погоже дня по крапкомъ сопрошивленіи, оставили ретраншаментъ, въ семъ портѣ вновь сдѣланный. Въ обѣихъ укрѣпленіяхъ взято 38 орудій, въ томъ числѣ 5 морпиръ и по числу оныхъ доспапочное число снарядовъ; въ портѣ же Молонта взято 10 судовъ съ провизією.

14-го Сентября непріятель продолжалъ опскупать по высотамъ *Виталино* вдоль по каналу къ Старой-Рагузѣ. Митрополишъ преслѣдовалъ его неослабно, и занялъ весь *Дебелый-брегъ*. 15 числа сраженіе какъ и въ прежніе два дни не умолкало ни на минушу. Французы опскупали шагъ за шагомъ. Въ сей день непріятельская флошилія, состоящая изъ 10 лодокъ и брига, стоявшая въ портѣ Старой Рагузы, выславъ напередъ подъ переговорнымъ флагомъ большую шребаку съ 180 тяжело ранеными, вознамѣрилась прорваться въ Новую Рагузу; но когда фрегатъ *Венусъ*, по сигналу Капишана Белли, вступилъ подъ паруса, флошилія возвратилась, а шребака взята въ плѣнъ.

16-го числа въ присутствіи Главнокомандующаго Приморцы и Черногорцы, имѣя при каждомъ опрядѣ плушонгъ егерей, оказали рѣдкую неуспрашимость и соревнуя другъ другу принудили Французовъ оставить укрѣпленной ихъ лагерь въ *Виталино*. Въ сей день Графъ Савва Ивеличъ особенно отличился, онъ съ своими Ризанопами напалъ и опіялъ урочище *Волгее жерло*. Послѣ сего непріятель опскупилъ въ главный свой лагерь при Старой Рагузѣ. Къ сожалѣнію всѣхъ храбрый Черногорскій Воевода Ускоковичъ убишъ; потеря наша впрочемъ малозначуща, а непріятель однихъ убишыхъ потерялъ 340 человекъ. Флошилія вновь хотѣла пройти въ Новую-Рагузу; но фрегатъ *Венусъ* подошелъ ко входу въ

Спарую-Рагузу воспрепятствовалъ сему. По причинѣ тишины не можно было предпринять атаки и фрегаты безъ дальняго вреда перестрѣливался съ лодками и башарями, а къ ночи отошелъ на пушечный выстрѣлъ.

Какъ къ 20-му Сентября ожидали прибытія войскъ изъ Корфы и къ тому же времени долженствовало собраться большее число Черногорскихъ ратниковъ; но въ сей день Адмиралъ положилъ рѣшительно напасть на непріятеля съ моря и сухаго пуши; но 17-го числа Генералъ Маіоръ Попандопуло посредствомъ легкихъ перестрѣлокъ открылъ, что непріятель очень усилился; плѣнные показали, что вчерашняго числа прибыли изъ Далмаціи 2 полка и всѣ войска собралися въ одно мѣсто. Мармонтъ, считая малочисленной опрядъ нашъ вѣрною жертвою, предпринялъ отрезать его отъ крѣпостей и истребить въ полѣ. 18-го Сентября на разсвѣтъ предупредилъ онъ наше нападеніе своимъ наступленіемъ, сбилъ передовые посты и атаковалъ главную квартиру Митрополиша, стоявшую при рѣкѣ *Люттой* и овладѣлъ ею. Митрополишъ былъ въ великой опасности; однакожь сражаясь съ превосходною силою, хотя съ попереею, но со славою отступилъ къ урочищамъ *Модези каменной* и *Мокрино*. Еще до сраженія одинъ Француской Генералъ съ 2 Адъютантами, напкнулся на партію Ризановъ подъ командою Графа Саввы Ивелича и были убиты. Генералъ Попандопуло, по отступленіи Митро-

рсполиша, увидѣвъ 7 непріятельскихъ колоннъ , каждая сильнѣе его въ два раза, усстремленныхъ на войска наши съ трехъ сторонъ и стоя на невыгодномъ положеніи , въ ночь отступилъ къ *Модези* и занялъ выгоднѣйшую позицію на границѣ *Бокезкой* , а *Мипрополишъ* съ большею частію своихъ войскъ спалъ въ другихъ проходахъ, ведущихъ въ *Капаро*. Въ сіе время доставленные изъ *Корфы* 2 баталіона *Колыванскаго* и *Козловскаго* полку и 4 роты *Вишебскаго*, смѣненныхъ въ крѣпостяхъ морскими солдатами и мапрозами, присоединились къ отряду *Генерала Попандопуло*. Адмиралъ прибывъ въ лагерь предъ свѣтомъ, расположилъ войска къ наилучшей оборонѣ и удословѣясь въ чрезмѣрномъ превосходствѣ силъ непріятельскихъ, предположилъ заманить его подъ крѣпости и тамъ собрать весь народъ дасть ему рѣшительную битву; почему и приказалъ *Генералу Попандопуло* держаться на семь мѣстъ столько сколько силы позволятъ, а потомъ отступить. Адмиралъ возвратившись въ *Каспель-Ново* собралъ въ оную всѣ войска, поставилъ 2 линейныхъ корабля по обѣ стороны крѣпости и размѣстилъ другіе вдоль берега , потомъ чрезъ телеграфы извѣстилъ жителей о приближеніи непріятеля. Всю ночь и день мапрозы, свезенные съ кораблей, приготавливали крѣпость къ оборонѣ и въ скрытыхъ мѣстахъ ставили башарей. Народъ , ободренный таковою дѣятельностію, не унывалъ и готовился къ отчаянной защитѣ.

Къ доспохвальнымъ примѣрамъ геройскихъ подвиговъ, опечесивенная исторія пріобщилъ сраженіе 19-го Сентября, бывшее въ окрестностяхъ Кастель-Ново, гдѣ 3.500 нашихъ войскъ съ 2.000 жишелей успояли противу 20.000 Французовъ, предводимыхъ однимъ изъ лучшихъ ихъ Генераловъ. Блестательное мужество малаго сего опряда пріобрѣло новый лавръ непобѣдимой нашей пѣхоты.

Съ разсвѣтомъ непріятель атаковалъ наши передовые посты на всѣхъ пунктахъ, и скоро сраженіе сдѣлалось общимъ. Генераль Лористонъ сдѣлалъ первое нападеніе, но не могъ успоить противу нашего огня и былъ обращенъ назадъ; другая сильная колонна имѣла ту же участь. Мармонъ, успроивая сзади своихъ линій разспроенныя колонны, безпрестанно вводилъ свѣжіе опряды въ огонь; наши же войска, отражая ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, картечами горныхъ орудій, возимыхъ на лошакахъ, и обращая въ бѣгство штыками, возвращались на свои мѣста; и такимъ образомъ семь часовъ сряду выдерживали всѣ усилія храброспи Французской. Когда день клонился уже къ вечеру, мужесивенный Генераль Попандопуло, выславъ 13 егерскій полкъ для прикрытія, опспунилъ въ порядкѣ на другую позицію, имѣ избранную. Здѣсь непріятель напалъ на лѣвой нашъ флангъ, который однакожь съ чрезвычайною швердоспью удержалъ спремленіе его; но какъ

мѣсто позволяло ему окружить отрядъ нашъ и оный почти уже былъ обойденъ, но Генераль Попандопуло опустывая мало по малу поддерживалъ себя, но чрезъ маневры, но чрезъ небольшія атаки. Въ семъ случаѣ Мармонъ въ донесеніи своемъ похваляетъ мужество и стойкость нашей пѣхоты; штурмъ наша рота сражалась съ баталіономъ и одинъ нашъ Егерскій баталіонъ обратился въ бѣгство цѣлый Французской полкъ. За всѣмъ тѣмъ непріятель преслѣдовалъ войска наши весьма близко, и надѣялся ворваться въ крепость на плечахъ; но какъ скоро приблизился къ морскому берегу, у рѣчки Сапурнино картечный залпъ съ канонирскихъ лодокъ и барказовъ остановилъ его. Подъ такимъ прикрытіемъ наши спокойно вступили въ крепость, а Французы остановились тамъ, гдѣ была наша послѣдняя позиція.

20 Сентября Главнокомандующій обще съ Мишрополишомъ положилъ допустить непріятеля, даже поощрить его къ штурму крепостей; между тѣмъ, для истребленія его конвоевъ, посласть сильные отряды Черногорцевъ на дорогу въ Старую Рагузу и выслать къ Каспелъ-Ново всѣхъ воиновъ, могущихъ нести оружіе, что поручено Г. Санковскому и исполнено имъ со всею дѣятельностію. Народъ ни мало не унывалъ, даже женщины не спенали и не плакали, и всѣ опять спараго до малаго вооружились.

20 Сентября Мармонъ, не видя съ на-

шей стороны ни какого препятствія, перемѣнилъ позицію, спалъ опъ крѣпости въ 3 верстахъ и поспѣхъ выслалъ двѣ сильныя колонны. Одна шла по берегу, другая обходя крѣпости подвигалась къ Каменной и Мокрино; первая сдѣлала видъ приступа, послѣдняя показывала, будто хочетъ прорваться внутрь провинціи къ Ризано; но оба сіи виды были обманные; ибо Французы знали, что тому гарнизону, который могъ спояшь прошиву ихъ въ полѣ, не имѣя артиллеріи, не лзя ничего сдѣлать въ крѣпостяхъ, знали также и то, что въ Ризано съ такимъ числомъ имъ пройши не возможно. Цѣль ихъ состояла въ томъ, что бы осмопрѣшь силу крѣпостей, выманишь регулярныя войска и если удастся, то опрѣзать и попомъ испребишь ихъ. Первый непріятельскій опрядъ зажегъ загородные дома Бокезцевъ и одно Турецкое пограничное селеніе за то, что жипели сего послѣдняго не подняли прошиву насъ оружія. Сія жестокость была наказана и споила имъ великой потери. Когда первая колонна приблизилась къ крѣпостямъ, корабль Ярославъ вмѣстѣ съ оною, карпечнымъ перекрестнымъ огнемъ, разсѣялъ ее, и едва малые остатки успѣли соединиться со второю. Пушечные громаы были сигналомъ общаго нападенія. Не можно было Черногорцевъ и Приморцевъ, при видѣ пылающихъ домовъ ихъ, удержать на своихъ мѣстахъ, какъ то было предполагемо. Они съ ужаснымъ крикомъ высыпались

изъ скрытыхъ мѣстъ, бѣгомъ спустились съ горъ, и напали на колонну со всѣхъ сторонъ такъ удачно, что потчасъ ее разстроили и гнали до самаго лагеря. Мармоншъ выслалъ другую для подкрѣпленія, маневрировалъ, употреблялъ всѣ хитрости искусства; но ни что ему не помогло. Приморцы и Черногорцы, ободренные присуществіемъ Адмирала и Митрополипа, пользуясь удобнымъ для нихъ мѣстоположеніемъ, удачно поражали непріятеля сильнымъ и вѣрнымъ своимъ ружейнымъ огнемъ. Битва сдѣлалась общею, со всѣхъ сторонъ спекался храбрый народъ, и умножая число сражающихся оказалъ необыкновенные порывы храбрости. Наши войска поддерживали ихъ только въ нужныхъ случаяхъ. Ошъ полудня до 5 часовъ сраженіе продолжалось съ чрезвычайною жестокостію съ обѣихъ сторонъ. Послѣ сего Мармоншъ отступилъ къ лагерю; но и шухъ не остался въ покоѣ, перестрѣлка горѣла во всю ночь. Партіи Приморцевъ и Черногорцевъ, вновь приходящихъ и вступающихъ въ огонь, возбуждали ревность упомянутыхъ сраженіемъ прошедшаго дня; почему непріятель принужденъ былъ всю ночь стояти подъ ружьемъ.

21 Сентября, Мармоншъ, обманувшись въ надеждѣ, что между Бокезцами найдетъ сильную себѣ партію; узнавъ на опытъ, что и въ лагерь своемъ безъ сильной артиллеріи, коюрой при себѣ не имѣлъ, не можетъ быть безопасенъ отъ дерзости нерегулярныхъ ратниковъ;

и получивъ извѣстіе, что Герцоговинцы въ оп-
мщеніе за сожженное свое селеніе, соединив-
шись съ опрядомъ *Мило*, Сердаря Черногорска-
го, взяли *Випалино*, опбили нашихъ плѣнныхъ
и испребили два обоза; опасаясь припомъ, что
Адмираль по собраніи большого числа воору-
женныхъ жишелей, можешъ не только раз-
бишь, но и испребишь его армію на мѣснѣ; и
по тому рѣшившись ничего не предпринимая
опсшупишь, споль поспѣшно оставилъ лагерь
съ 7 пушками, найденными имъ въ разорен-
ныхъ домахъ, и бросилъ всѣ тяжести, своихъ
и 25 нашихъ раненыхъ, что только Мипро-
полишь съ легкими своими войсками преслѣ-
довалъ его до Старой Рагузы, гдѣ непріатель
остановился въ укрѣпленномъ лагерь.

22 и 23 Сентября, большія паршіи Чер-
ногорцевъ прошедъ мимо крѣпостей, вокругъ
старой и далѣе Новой Рагузы предали все
огню и мечу, и съ добычею безъ малѣйшаго
помѣшательства отъ Французовъ возврапи-
лись въ дома.

24 Наши войска спали по кварширамъ.
Храбрые солдашы, упомянутые въ продолже-
ніи 10 дней безпрестанными сраженіями и
маршами, награждены были рѣдкимъ внима-
ніемъ Главнокомандующаго. Для всего налич-
наго числа приготовленъ былъ сытый обѣдъ,
и на двухъ выдано по осьмухъ винограднаго
вина.

Поперя наша только 19 Сентября была
чувствительна, убишыхъ и безъ вѣспи про-

павшихъ было 175 человекъ, раненыхъ Штабъ и Оберъ - Офицеровъ 12 и 276 рядовыхъ Черногорцевъ и Приморцевъ во все продолженіе военныхъ дѣйствій убитыхъ и раненыхъ до 800 человекъ. Непріятель потерпѣлъ значительнѣйшій уронъ; у него убито Генераль 1, Штабъ и Оберъ - Офицеровъ 18; ранено: Генераль Молипоръ и 37 Офицеровъ; въ плѣнъ взято 47 Штабъ и Оберъ - Офицеровъ и 1300 рядовыхъ; сіи послѣдніе перехвачены крейсерами и Бокезскими нашими корсерами. Офицеры были Инженерные и Артиллерійскіе, посланные въ Боснію и Албанію для укрѣпленія нѣкоторыхъ тамъ мѣстъ. По опобраннымъ у нихъ планамъ и бумагамъ, открылись и во время мира предпріемлемые злые замыслы Наполеона противу Россіи. Вся потеря непріятельская состояла въ 50 пушкахъ и въ 3000 человекъ убитыхъ и раненыхъ. Сверхъ того, въ сіе краткое время флотъ приобрѣлъ болѣе нежели на миллионъ рублей призовъ и значное количество военныхъ и сѣбныхъ припасовъ.

Здѣшніе народы со всею ихъ способностію къ горной войнѣ, не въ состояніи опправлять ни дальнихъ экспедицій, ни продолжительныхъ дѣйствій; и по тому храбрость и ревность ихъ въ содѣйствіи съ нашими не доставляли всегожелаемаго успѣха. Случалось, что они подвергали регулярныя войска опасности по тому, что будучи обязаны хозяйственнымъ упражненіями они возвращались

въ свои дома и побѣда по сей причинѣ не приносила большей пользы. 3000 регулярныхъ войскъ весьма недоспащны были для защиты провинціи; малѣйшій уронъ въ оныхъ, по отдаленности отъ Опечесва, не могъ бытъ вознагражденъ; посему Адмиралъ предложилъ образовашь нѣкоторое число Черногорцевъ для постоянного оппавленія службы, на такомъ точно содержаніи, каковое получаетъ Албанскій легіонъ стрѣлковъ въ Корфѣ. Сколь ни пруденъ былъ сей оборотъ для Черногорскаго народа, по обычаямъ своимъ не терпящаго и малѣйшаго вида подчиненности, но неограниченная довѣренность и высокое уваженіе къ Адмиралу, при помощи Мишрополиша побудила ихъ приняшь Императорскую службу, и въ скоромъ времени 2000 Черногорцевъ и 1000 Бокезцовъ начали подобно регулярнымъ оппавляясь дѣйснвишельную службу и приучились къ нѣкоторымъ егерскимъ маневрамъ (*).

При такой силѣ, и особенной способности народа къ войнѣ партизанской, Адмиралъ берегая регулярныя войска, выслалъ сильныя опряды на всѣ сообщенія Французовъ. Испребляя обозы, нападая на конвой и передовыя поссы, сіи храбрые воины безпрестанно приносили въ лагерь свой у монастыря Савина богатую добычу, (гдѣ къ удивленію нашему они не строили шалашей, а жили подъ оп-

(*) Вскорѣ послѣ оное число увеличено до 5000 человекъ.

крытымъ небомъ) и каждый почти день приводили плѣнныхъ. Французы запершись въ стѣнахъ Рагузы, лишены были всякаго сообщенія съ моря силою флота. Никакое вспоможеніе не доходило къ нимъ изъ Опечесхва. А какъ у нихъ нѣтъ обычая довольствоваться своимъ; то уже совершенно испощивъ жителей поборами, приступили они къ послѣднему средству; ограбили церкви, обобрали все серебро и золото опъ гражданъ, что у кого оставалось, и обративъ оное въ монету думали отворить деньгами двери къ Турецкимъ обласнямъ, и даже въ Капаро, но Сенявинъ обратилъ вниманіе Пашей на сожженные дома Турецкихъ подданныхъ, открылъ имъ глаза къ чему клонятся замыслы Наполеона, и тѣмъ, не смотря на всѣ тайные, коварные происки Французскихъ агентовъ, преклонилъ корыстолюбивыхъ Пашей на свою сторону. Прокламація Сенявина къ Герцоговинскимъ Славянамъ при помощи Епископихъ Арсенія, принята съ воспоргомъ, и народъ сей прислалъ депутаговъ изъявить добрую волю соединить оружіе свое съ нашимъ; но Адмиралъ при семъ счастливомъ для него обстоятельстве не переменилъ своего положенія по тому, что лишивъ Французовъ подвозу съѣстныхъ припасовъ изъ Герцоговины, нашелъ гораздо выгоднѣйшимъ упомянуть ихъ голодомъ, и партизанскими партіями, и при томъ желалъ, чтобы они еще разъ рѣшились выступить; тогда напавъ на нихъ въ

полѣ съ помощію Герцоговинцевъ, могъ онъ опрѣзати ихъ отъ Рагузы, коюрой завоеваніе въ такомъ случаѣ было удобнѣе и легче. Такимъ образомъ Сенявинъ, при весьма ограниченныхъ способахъ сдѣлался мощнымъ защитникомъ края сего, и дѣйствуя мечемъ и перомъ съ равнымъ успѣхомъ побѣдилъ Французскихъ Генераловъ и дипломатовъ.

Прокламація къ Бокезцамъ и Черногорцамъ, свидѣтельствующая ихъ заслуги по отношенію своему къ погдашнимъ обстоятельствомъ, заслуживаетъ бытъ здѣсь помѣщеною.

*Благороднымъ и почтеннымъ господамъ
князьямъ, судіямъ и всему народу.*

Въ продолженіи военныхъ дѣйствій, я имѣлъ удовольствіе видѣть опыты усердія народа, оказанные въ содѣйствіи съ войскомъ мнѣ порученнымъ, изъ единой ревности къ славѣ, и безпредѣльной приверженности къ Его Величеству Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, истинному благодѣтелю, защитнику всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Святыхъ Церкви.

Воины! Вы оказали отличное, мужество, храбрость и исполнительность при совершенно добропорядочномъ поведеніи. Дерзость врага, осмѣлившагося спустить на землю вашу, наказана. Непріятель удивленъ вашею твер-

достію и столько поперялъ людей, что не скоро можешъ собрать новую силу и опять выступить. Поздравляя васъ съ побѣдою, благодарю за хорошее обхожденіе съ плѣнными и всячески желаю, чтобы челоѳчество и впредь не было оскорбляемо.

Таковыя добрыя поступки, о коихъ представлено мною Государю Императору, пріобрѣтающъ вамъ, почтенныя господа и народъ! наипризнапельнѣйшую благодарность мою, которую симъ изъясляя, надѣюсь и впредь на ваше испинное усердіе и храбрость во вѣки неугасаемыя. При похвальной ревности къ добродѣтельнымъ подвигамъ Богу угоднымъ, пребываю къ вамъ съ моимъ почтеніемъ и доброжелательствомъ навсегда. Корабль Селафайль въ Боко ди Капаро 24 Сентября 1809 года.

Дмипрій Сенявинъ.

ПЛАВАНІЕ ВДОЛЬ БЕРЕГОВЪ ЕПИРА ДО КОРФЫ.

25 Сентября, фрегатъ, оставя постъ свой у Старой Рагузы, прибылъ въ Кастель-Ново. Я спѣшилъ осмопрѣть поле сраженія. Зрѣлище ужасное! тѣла убіенныхъ разбросаны были въ различныхъ положеніяхъ, иной лежалъ ницъ, другой блѣднымъ лицомъ обращенъ былъ къ солнцу. Тупъ врагъ лежалъ на врагъ, Черногорецъ и Французъ лежали шихо какъ друзья. Жены, опѣискивая тѣла супруговъ съ воплями, съ распущенными волосами, бродили

вокругъ бывшаго непріятельскаго лагеря и на пожарищахъ. Военные громы умолкли, гласы молишвы и смиренія замѣнили ихъ, унылый звукъ колокола принудилъ меня обратиться къ церкви и я увидѣлъ погребеніе: несли 5 гробовъ; тихое шествіе, унылое пѣніе со святыми упокой, соучастіе, изображенное на лицахъ солдатъ, коихъ оружіе преклонено долу и расперзанная горестію мать, невѣрными, колеблющимися снопами идущая за гробомъ единственнаго сына, пронули бы и того ожесточеннаго пирана, копорый для личной выгоды, для собственнаго возвышенія, не престаеетъ лишь кровь себѣ подобныхъ.

30 Сентября, Капишанъ получилъ повелѣніе отправиться въ Сицилію, Мальту и Сардинію для доставленія пороха въ Капаро. Вѣтръ былъ очень свѣжъ, фрегатъ распусти паруса, подобно лебедю взмахнулъ крыльями и полетѣлъ изгибаясь между множества пѣсно стоящихъ на рейдѣ судовъ. Наклонившись на бокъ, прошедь весьма близко подъ кормою Селафаила, отдали честь Адмиралу и едва эхо послѣднихъ выстрѣловъ ушло въ горахъ, фрегатъ былъ уже въ морѣ, все многолюдство рейды замѣнилось свистомъ вѣтра и шумомъ волнъ, разбивающихся о дикія скалы, копорыя закрыли опъ насъ городъ, корабли и заливъ. Миновавъ крѣпость Будуа, съ вѣющимъ на ней Россійскимъ флагомъ, мы держались близъ берега, и множество городовъ, рѣкъ, се

леній, заливовъ, крѣпостей съ кораблями, спокойно стоящими у пристаней, грозныя дикія скалы и прелестныя покрышыя зеленью долины, показывались, скрывались, и перемѣнялись одно за однимъ какъ бы въ искусственной Фантасмогоріи. Берега Епира на каждомъ шагѣ представляютъ любопытныя историческія воспоминанія. *Дурацо*, древняя Диррахія, построенная Коринѳянами, стоитъ на низкомъ мысѣ; здѣсь Цицеронъ провелъ время своей ссылки. *Кроя*, къ сѣверу у рѣки Дрино лежащая, славное Отечество Скандерберга, бича Ошомановъ, возстановителя Епирскаго царства, нынѣ представляетъ одни развалины. *Валона*, пристанище морскихъ разбойниковъ, извѣстна тѣмъ, что Цесарь и Помпей вышли тудѣ на сухой путь, первый для угнетенія, а послѣдній для защищенія своего Отечества. За Валаною стоятъ *Акроцеравскія* горы, нынѣ Химера называемыя; ужасный видъ и высота ихъ конечно дали имъ сіе имя. Здѣсь находился *Додонѣ*, славный своимъ прорицалищемъ, и отсюда вытекали баснословныя рѣки *Ада*: *Ахеронтѣ* и *Коцитѣ*. Неприспугность горъ сихъ сохранили ошатпки независимости храбрыхъ Албанцовъ и поколѣніе Суліотовъ, наводящихъ, подобно Черногорцамъ, ужасъ жестокимъ власпишелямъ своего Отечества. Сраженія и битвы, какія мужественныя сіи воины выдержали противу Али Паши, не успыдили бы и самый Лакедемонъ. Женщины не уступаютъ въ храбро-

спи муштинамъ. Въ одной жаркой битвѣ палъ молодой предводителъ Суліошовъ, смерть его поколебала воиновъ, они забыли о сраженіи и съ воплемъ собрались вокругъ пѣла. Тутъ приближала мать убишаго, покрыла передникомъ лице сына, взяла его оружіе, и заспунивъ мѣсто его при малой толпѣ воиновъ, прогнала побѣдоноснаго непріятеля, по томъ возвратилась, открыла лице сына, поцѣловала и съ сильною горестію вскричала „я опмспила за смерть швою.“ Саншикваранша, Орхино и Буприншо, принадлежали Венеціанамъ, въ послѣднемъ былъ дворецъ Пирра, сына и наслѣдника храбрѣйшаго изъ Грековъ Ахиллеса. Крѣпость *Парга*, одна изъ Венеціанскихъ владѣній на берегахъ Албаніи, принадлежитъ нынѣ Іонической республикѣ. Женщины сего города славятся красою. Албанцы или, какъ Турки ихъ называютъ, Арнаушы, извѣстны отличною храбростію, они составляютъ лучшую пѣхоту Опомановъ, и у всякаго Паши, служатъ шѣлохранишелями. Къ несчастію жестокое ихъ мужество угнетаетъ собственное Опечесиво.

Н ѣ ч т о о А л и П а ш ѣ.

Али Паша помощію Албанцевъ сдѣлался независимымъ; онъ повинуется Султану только тогда, когда хочетъ, и задавилъ уже нѣсколько добрыхъ Чаушей, которые приносили къ нему золошой снурокъ Повелишеля правовѣрныхъ.

Прадѣдъ его Али былъ Грекъ, оппавшій опъ вѣры. Дѣдъ и отецъ его, начальствуя многочисленною шайкою разбойниковъ, опустошали Епиръ. Ихлаусъ, начальникъ Греческій, умертвилъ опца его. Али оказалъ многіе опыты мужества, пріобрѣлъ благосклонность Епирскихъ Проеспосовъ или старѣйшинъ страны, и чрезъ ихъ предстательство у Порты, сдѣлался начальникомъ всѣхъ входовъ въ Грецію, умертвилъ убійцу опца своего, чрезъ происки доставилъ себѣ Пашаликъ (*) Делвино, потомъ Трикальскій и Янинскій, и съ 1787 года началъ управлять Греціею самопроизвольно. Съ того времени Али старался угождать Грекамъ, позволяя имъ строитъ новыя церкви, убивалъ богатыхъ Турковъ, и въ одно время избавясь опаснѣйшихъ своихъ соперниковъ, привязалъ къ себѣ народъ, который, не имѣя лучшей надежды, предпочелъ Господина снисходительнаго пиратамъ успѣшителямъ. Али украсилъ Янину четырьмя пышными дворцами на Европейской образецъ, укрѣпилъ ее цитаделью и на три года пригопавилъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. На случай несчастія, онъ имѣетъ надежное, непреодолимое убѣжище. На островѣ среди озера, построили ему Францускіе Инженеры замокъ, который по положенію своему будучи не приступень, защищается еще гребною флотиліею. Въ семъ замкѣ хранятся всѣ его сокро-

(*) Область, Губернія.

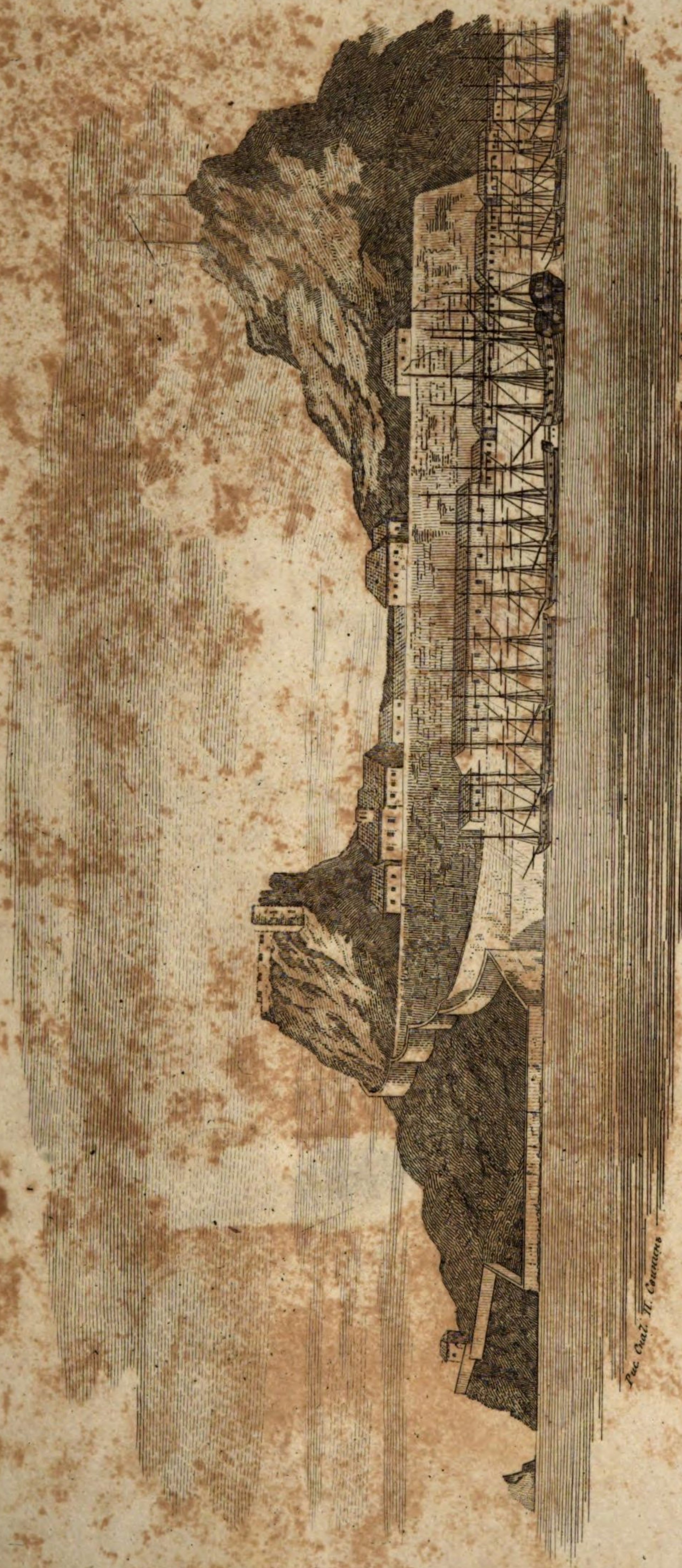

Рис. Граф. П. Сиверс

Грав. С. Сулакминовъ.

Видъ Умадеи въ Косовѣ.

вища, копорья, говорятъ, весьма значительны. Онъ получаетъ ежегодно до 4,000,000 піаспировъ, да два сына его по 2 милліона. Число войскъ его, во всякое время готовыхъ, проспирается до 16,000 человекъ; въ военное время онъ можетъ умножить оное до 30,000.

Крѣпкій попутный вѣтръ измѣнилъ намъ у Спрады Біанки, мы вошли какъ бы въ очарованную округу, гдѣ вѣтры тихіе и сильныя дули съ разныхъ сторонъ, четыре судна шли по противнымъ направленіямъ, идучи каждое на фордевиндъ. Прошедъ сію полосу, мы достигли сѣвернаго пролива, гдѣ за шпилемъ провели ночь; а на утро, по опривленіи изъ Капаро чрезъ 30 часовъ 2 Октября бросили якорь въ Корфъ.

К О Р Ф А.

Въ прежнее крапковременное мое пребываніе въ Корфъ я ничего не могъ замѣтить, но перенеръ дамъ опчетъ въ моихъ замѣчаніяхъ, собранныхъ въ разное время. Городъ не великъ; улицы узки и кривы. *Кале д'Аква*, лучшая изъ нихъ, во время жаровъ закрывается парусиною, напаянушою съ кровли на кровлю, а галереи, въ нижнихъ этажахъ находящіяся, поддерживаемыя некрасивыми колонами, придаютъ ей особенной видъ и уподобляютъ Венеціанской площади Св. Марка. Въ казино (кофейной домъ) подъ павильономъ всегда собираются офицеры и лучшее общество. Ввечеру *спьянадо* (площадь) наполняется прогуливающимися; опшуда идущъ

въ театрѣ. Одна часть города очень нечиста, и въ минушю догадаться можно, чію шупъ живупъ Жидаы, копорые, какъ и вездѣ, составляюпъ классъ богатѣйшихъ купцовъ.

Церковь Свяаго Спиридонія, въ коей лежатъ мощи сего Свяаго, заслуживаетъ особенное вниманіе. Иконостасъ украшенъ спаринными, весьма плохой работы образами. Плафонъ также уставленъ оными въ богатыхъ золотыхъ рамахъ; рѣзьба на нихъ дурнаго вкуса. Посреди церкви виситъ золотое, а по сторонамъ огромныя серебряныя паникадила, послѣднія два принесены въ даръ опъ Венеціанской республики и войска подъ предводительствомъ Графа Шулембурга, отразившаго сильное нападеніе Турокъ на Корфу въ 1716 году. По обѣ стороны церкви сдѣланы родъ высокихъ креселъ, въ копорыхъ не сидѣшь, а весьма покойно прислонишься можно. Въ Греціи и у всѣхъ Славянскихъ поколѣній они предпочтительнѣе уступаются старцамъ. Церковь Св. Спиридонія почиается богатѣйшею на Воснокѣ, ибо не только Греки, но и Каполики присылаюпъ въ нее вклады; ни одинъ мореходецъ, ни одинъ земледѣлецъ, не пускается въ море, не предпринимаепъ никакого дѣла, не помолившись мощамъ и не принеши чего либо въ даръ. 12 Декабря въ честь Св. Спиридонія, какъ покровителя Корфы, бываетъ великое торжество. Открытыя мощи, поставленныя на ногахъ въ золотомъ кивотѣ, при громѣ артиллеріи съ кораблей и крѣ-

посшей носяпся вокругъ города. Нѣкшо монахъ *Калокерети*, въ 1489 году перевезъ мощи сіи изъ Кипра въ Корфу, и въ 1512 году опдалъ оныя въ приданное (*) племянницѣ своей *Ассимиѣ*; а сія по духовной какъ церковь шакъ и мощи завѣщала потомкамъ мужа своего *Стамателло Булгари*, по мужескому и женскому колѣну въ вѣчное и потомственное владѣніе. Посему праву, въ пропопоны сей церкви всегда посвящаюпся изъ фамиліи *Графовъ Булгари*, шакже и нѣсколько Священниковъ, санъ копорыхъ почишаепся почешнѣйшимъ и весьма прибыльный. Церковные доходы соспоптъ подъ распоряженіемъ особаго Комитета, въ коемъ одинъ изъ *Графовъ* присупсшвуептъ; часть оныхъ упопребляепся на украшеніе и содержаніе храма, на оспальное же зашѣмъ покупаюпся земли для церкви; слѣдспвенно въ частную собспвенность, *Графамъ* принадлежащую. По желанію сей фамиліи, храмъ и

(*) Въ свѣдебномъ контрактѣ *Ассимины* съ *Булгари* между прочимъ сказано: »Parimente gli da in dote, & in nome di dote (ardisco dir con divota circospezione) l'onorabile e santa Reliquia del Miracoloso S.Spiridion tutto come si trova. Также даю ей въ приданое и въ званіи приданого (съ должнымъ благоговѣніемъ дерзаю сказать) честныя, святыя и чудотворныя мощи Св. Спиридонія, точно въ томъ видѣ, въ какомъ они естъ. Обычай сей, освященный временемъ и привычкою, и до нынѣ въ употребленіи. Сія подробности сообщены отъ *Графа Як. Н. Булгари*

мощи Св. Спиридонія въ 1801 году принявъ подъ особое покровительство Россіи, въ знакъ коего надъ западными врагами поставленъ Императорскій гербъ, таковойже находится надъ мѣстомъ, гдѣ, какъ побѣдитель сѣлъ Адмиралъ Ушаковъ; предъ ними безпрестанно теплются лампы. Къ сему подвигу, Графы какъ изъ усердія и преданности къ Россіи такъ и для пользы своего опечеснва, побуждены были пою причиною, чѣмъ навсегда и при всякомъ политическомъ оборотѣ дѣлъ, сохранить вліяніе Россіи, не только на Іоническіе острова, но и на всю Грецію. Въ чемъ конечно и не ошиблись, ибо вѣра всегда была и будетъ прочнѣйшею связію народовъ и никакая сила случаевъ и обстоятельствъ не можетъ ее ослабить. Въ другой церкви хранятся мощи Св. Теодоры: у ней нѣтъ головы.

Укрѣпленія.

Корфа почитается въ числѣ первоспашейныхъ укрѣпленій и состоитъ изъ пяти крѣпостей, изъ коихъ три спяшъ къ морю, а двѣ къ сухому пуши. Онѣ поставлены такъ, что если непріятель завладѣетъ передовою, то всѣ другія обращаютъ на нее свои пушки. Главная крѣпость, въ коей расположенъ городъ, имѣетъ отъ берега два вала и сухой ровъ. Старая крѣпость (*) отдѣляется отъ города *спянадомъ* (площадью) и весьма глу-

(*) Смотри картинку.

бокимъ и широкимъ рвомъ, посреди коего каналъ воды дѣлаесть мысъ, на коемъ стоишь крѣпость, островомъ. Мысъ сей весьма высокъ и крутъ; вершина его раздѣляется на двѣ круглыя сопки, изъ коихъ на одной батарея, на другой телеграфъ. Чрезъ подъемный мостъ входяшь въ крѣпость. Прямо прошиву ворота на площади представляется домъ Коменданша, самой великолѣпной наружности. Возлѣ онаго стоишь мраморный монументъ Графа Шуленбурга, освободителя Корфы отъ Турокъ. Спешуя представляешь Римскаго воина. Чрезъ прекрасныя сквозныя сѣни, вошелъ я въ тѣсный и темный коридоръ, который вывелъ меня на небольшую площадь, а тамъ чрезъ подъемный мостикъ къ воротамъ, надъ которыми написано: *Цитадель Санѣ-Анжело*. Она занимаетъ вершину горы и служишь послѣднимъ и надежнымъ убѣжищемъ гарнизону. Въ ней видно нѣсколько развалившихся домовъ, разрушенныхъ, при взятіи Корфы, Рускими бомбами. Я всходилъ на холмъ, гдѣ поставленъ телеграфъ, и отсюда видѣлъ все расположеніе крѣпости въ планѣ; сѣны ея обдѣланы плішою, весьма прочно складенною. Чрезъ портъ *Roccele* (Porte Roccele) такимъ же тѣснымъ и темнымъ коридоромъ сошелъ я внизъ, въ ту часть крѣпости, гдѣ построены казармы и другія зданія. Пороховые погреба и магазейны высѣчены во внутренности горы. Большой коридоръ, просѣченный отъ казармъ насквозь къ подошвѣ горы, удивителенъ; оный

служишь для сходу въ гавань и Адмиралтейство, называемое *Мандраки*. Старая крепость была первое укрѣпленіе Корфы, построенное Генуезцами, и теперь еще видѣн гербъ сей республики, вставленный въ стѣнахъ, заросшій мохомъ и изглаженный временемъ.

Новая крепость построена по другую сторону города; чтобы имѣть о ней понятіе, должно себѣ представить глубокія подземелья, высокія стѣны и наконецъ вообразить крутую гору, обложенную толстыми стѣнами, отъ чего и состояющія огромные своды, внутри крепости находящіеся. Изъ города входяшь въ нее подземельемъ, гдѣ на небольшомъ пространствѣ находятся нѣсколько домовъ частныхъ людей. Потомъ лѣстница приведетъ васъ къ женскому монастырю. Отъ монастыря, по другой лѣстницѣ, опираясь о стѣну, которой верха, не снявъ шляпы, не увидишь, выйдете на площадь, на коей раскиданы пушки; только брусверъ къ городу недавно исправленъ. Тутъ сдѣлано нѣсколько чистернъ. Отсюда опять подземельемъ придешь какъ будто на балконъ, ведущій подлѣ стѣны крепости и снова по крутой лѣстницѣ выйдешь на *новую* площадь, обставленную пушками и построенную казармами и магазейнами. На площади пробины отверстія для освѣщенія подземныхъ сводовъ. Городъ показывается отсюда расположеннымъ на оплоти, улицъ въ немъ не видно, а дома кажутся очень ма-

лыми. Я всходилъ на самую вершину сѣны, и загородныя крѣпости казались насыпями. Видъ окрестностей Корфы не представлялъ ничего пріятнаго: повсюду развалины и запустѣніе. Рейдъ со множествомъ кораблей казался очень шѣснымъ, а снѣгомъ покрыныя Албанскія горы очень близкими. Съ новой площади есѣ подземные ходы въ поле и въ загородныя крѣпости. Чудный, впрочемъ бесполезный вымысль построения крѣпости долженъ удивить cadaго. Я не могъ понять, какою силою Венеціане вспащили на такую высоту огромнѣйшія пушки, и не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, чтобы искусство было такъ помочь Природѣ. Основаніе крѣпости положено въ исходѣ 13 столѣтія.

Островъ *Видо*, лежащій отъ города ближе пушечнаго выстрѣла, при первомъ на него взглядѣ обѣщаетъ удобность, взявъ его, снѣснѣ Корфу; но башарей его будучи ниже бруствера прехъ крѣпостей, не представляють непріятелю, завладѣвшему онымъ, большихъ выгодъ. Адмиралъ *Ушаковъ*, окруживъ островъ кораблями, сбиль всѣ башарей, которыми онъ былъ усянъ, не болѣе какъ въ полчаса, и такою отважностію взявъ его, усмрашилъ гарнизонъ, который вскорѣ положилъ ружье предъ горстію солдатъ и мапировъ. Корфа, имѣя отъ 10 до 15,000 гарнизона, иначе не можетъ быть взята какъ голодомъ и жаждою, ибо главное неудобство состояннѣ въ томъ, что продовольствіе болѣею ча-

стію получается съ Албанскаго берега, а дождевой и привозной воды, наливаемой для запаса въ чистерны, не всегда бываетъ достаточно.

Гуви.

Гуви, гдѣ было Адмиралтейство, въ которомъ Венеціане содержали свой линейный флотъ, Французы разорили до основанія; остались только три сарая, гдѣ хранились лѣса. Прочія строенія представляють однѣ стѣны, въ коихъ я находилъ много надписей; одна свидѣтельствуетъ, что Адмиралтейство основано въ 1734 году. Прекрасная покойная губа, окруженная развалинами, за ними готической архитектуры монастыри и маленькія мызы въ новомъ вкусѣ, наконецъ широкая дорога, вымощенная плішою и обсаженная деревьями, ведущая въ Корфу, представляетъ видъ уединенный и прелестный. Нельзя не удивляться искусству Французовъ все разрушать, и невозможно не пожелать, чтобы строенія сіи, стоившія милліоновъ, были возобновлены.

Развалины древней Корциры.

У воротъ крѣпости, гдѣ мысъ, на которомъ стоить Корфа, суживается, начинаются наружныя укрѣпленія, большею частію построенныя нашими Инженерами. Отсюда по

долинѣ, ведущей чрезъ деревни, на разстояніи трехъ верстѣ, попадающіяся развалины домовъ, память милосердыхъ Французовъ. Въ одномъ запустѣломъ монастырѣ, монахъ съ тарелкою въ одной рукѣ, а другую приложивъ къ сердцу, съ низкимъ поклономъ вспрѣшилъ насъ, и когда дали ему двѣ, три монеты, онъ не преминулъ сказать нѣсколько ругательныхъ словъ Гг. Французамъ. Монахъ вызвался показатъ намъ развалины древней Корфы; однакожъ, кромѣ высокой травы и большихъ кучъ каменьевъ, я ничего не видалъ. Но когда я осмопрѣлся, мѣсто сіе мнѣ понравилось. Съ одной стороны представляется огромная церковь съ пятью куполами, окруженная мраморными колоннами. Дубрава вѣковыхъ дубовъ осыпаетъ оную; съ другой въ шѣни апельсиновыхъ, лимонныхъ и масличныхъ деревъ, раскинутъ былъ лагерь Куринскаго полка. Сей видъ невольнымъ образомъ напомнилъ мнѣ, гдѣ я спую, что вижу подъ ногами моими, и вспоминая славу Грековъ, убѣдилъ себя, сколь превращна, и непоспоянна судьба царствъ и народовъ! Монахъ увѣрялъ насъ, что видимую нами церковь построилъ самъ Пепръ Апостолъ и въ ней проповѣдывалъ Вѣру въ Христа. Бродя по развалинамъ, видѣлъ я двѣ рѣдкости: пальмовое и столѣшнее дерево; листья послѣдняго бывающъ въ длину около трехъ футовъ, а въ полщину дюйма въ два. Жители варятъ ихъ для пищи; вкусомъ онъ походятъ на шикву. На семь то мѣстѣ острова,

Улиссъ, спасшійся отъ кораблекрушенія, встрѣченъ былъ прекрасною Навзикаею и дружески принятъ Царемъ Алкиноемъ. Гомеръ, воспѣвая сады Алкиноевы, присоединилъ къ нимъ много чудеснаго и спихотворнаго; теперь, хотя нельзя надѣясь опыскавъ чертоги Царя Схерійскаго, мѣдную стѣну, ихъ окружавшую, золошья двери и собакъ, сдѣланныхъ руками бога Лемноскаго; но ученый Италіянецъ Бошпа, съ Одиссеею въ рукахъ, повѣрилъ предметы и нашелъ совершенное сходство мѣстоположеній. Онъ говоритъ: время, истребляя дѣла рукъ человѣческихъ, щадитъ твореніе Природы, и описавъ слѣды древняго зданія и найденныя шутъ монеты, заключаетъ изъ того, и довольно правдоподобно, что рѣчка *Мессонжи* есть топъ испочникъ, гдѣ Царевна Навзикая мыла плащъ, гдѣ она встрѣшила нагаго Улисса, а дубовая роща, и нынѣ существующая, есть та самая, куда Улиссъ скрылся, въ ожиданіи возвращенія Царевны.

Б е л и ч е.

Кто былъ въ Корфѣ, и не посѣтилъ Беличе (Belice), топъ долженъ сожалѣть, что не имѣлъ свободнаго времени или имъ не воспользовался. Слыша многія похвалы, я искалъ случая видѣть оное мѣстечко, и случай сей скоро представился. Знакомцы наши, армейскіе офицеры, которые служили у насъ на фрегатѣ, и съ копорыми мы вскорѣ свык-

лись, предложили ѣхать въ Беличе, и мы, въ числѣ 8 человекъ, сѣвъ на кашеръ, отъвалили отъ фрегата. Обойдя утѣсистый мысъ, на коемъ стоишь старая крѣпость, пустились вдоль берега. Съ сей стороны островъ Корфа представлялъ природу и самыя строенія, во всемъ ихъ блескъ и лучшемъ видѣ. Зелень была гораздо свѣжѣе и нѣжнѣе; дома простой, пріятной архитектуры. *Кардаки*, гдѣ флотъ наливается водою, замѣненъ по утѣсистому холму, на вершинѣ котораго стояла полковая палатка, а у подошвы его покачнувшаяся въ море башня; далѣе свѣшлая небольшая рѣчка, на одной сторонѣ коей раскинутъ былъ лагерь; все сіе вмѣстѣ обратило на себя наше вниманіе и мы, чтобы насмотрѣться на сіе прелестное мѣсто, приказали мажорантамъ пересѣчь трескъ. Наконецъ, проѣхавъ около 17 верстъ, пристали къ Беличе, и прямо вошли въ домъ богатѣйшаго въ Корфѣ дворянина *Андрея Калоера*. Какъ дорога ни была трудна и жаръ солнца несносенъ (въ Октябрѣ), но мы безъ усталости прошли верстъ пять между садами къ дому Калоера, котораго садъ почищается лучшимъ въ Корфѣ; дорога идетъ между двумя высокими стѣнами, покрытыми виноградною зеленью. На дворѣ замка представляется множество строеній. Поднявшись по каменной, совершенно отъ дому отдѣленной лѣстницѣ, мы очутились на небольшой террасѣ или лучше столбѣ; предъ нами опустился подъемный мостикъ, и мы

вошли въ верхній этажъ дома, гдѣ хозяинъ, благовидный старикъ лѣтъ шестидесяти, принялъ насъ очень ласково. Верхнее жилье представляло одну залу, разгороженную на прикомнаты, копорыхъ стѣны увѣшаны ружьями, кинжалами и саблями дорогой цѣны: въ проспектахъ между оконъ сдѣланы прорѣзы для ружейной обороны. Такой странный входъ въ домъ, такое множество оружія и любезность веселаго старика, дали намъ поводъ спросить, что за причина такой строгой его осторожности. Прежде, отвѣчалъ хозяинъ, боялся я *Алжирцевъ*, потомъ *Французовъ*; а теперь боюсь только *ядовъ*, и потому опъ прежней привычки опспать не могу. Старикъ показалъ намъ свой садъ, въ копоромъ самое лучшее есть выдумка бассейновъ для купанья, въ коихъ можно прибавлять воды, сколько кому угодно; пополокъ оныхъ составленъ изъ сплешшихся въпвей плодовыхъ деревъ, такъ, что купаясь можно рвать свѣжіе плоды. Госпепріимство сего мечпателя Грека намъ очень понравилось; онъ зная нашъ обычай, позабывалъ свой, и безпрестанно предлагалъ намъ шо или другое; мы однакожъ не опшались у него обѣдать, поблагодарили, распшались съ нимъ и возвратились въ Беличе. Тамъ, на берегу моря въ густой шѣни деревъ, весело и на волѣ обѣдали и пережидая жаръ, опдыхали на муравѣ; уже ночью приспали мы на фрегатѣ. Воздухъ, вода, земля и плоды въ Беличѣ почитаются лучшими;

красивое же мѣстоположеніе привлекаетъ сюда богатыхъ господъ, и мызы ихъ представляють взору пріятное разнообразіе.

Разныя замѣчанія.

Крошкій климатъ, сады лимонные и померанцовые, испещренные цвѣтами луга, оливныя рощи и виноградники, гдѣ царствуетъ вѣчная, весна, дѣлають Корфу однимъ изъ наилучшихъ мѣстъ въ Средиземномъ морѣ. Плодоносныя деревья всякаго рода распусть на открытомъ воздухѣ; цвѣты и плоды спѣють попеременно, такъ, что во всякое время года можно имѣть и зрѣлые овощи и молодую зелень. Винныя ягоды, называемыя *Фракацони*, почищаются лучшими въ Левантѣ; хлѣбъ здѣсь мало съешся, ибо масло, которое предпочитается Прованскому, особенно осправляемое съ острова Паксо, вино, соль и плоды доставляють болѣе выгоды. Свободная торговля и около 12,000,000 рублей, издерживаемыхъ въ Корфѣ ежегодно для содержанію войскъ и флота, обогатили жителей; но они, по привычкѣ ли къ умѣренности или по склонности къ прихвостству, кажутся по наружности бѣдными. Руская щедрость ни мало не измѣнила ихъ, и сколько Правительствовани старалось объ уменьшеніи числа бѣдныхъ, ихъ было очень довольно.

Говорить о жарахъ, здѣсь бывающихъ, было бы повторить уже многими сказанное,

Часть II.

къ сему я только прибавляю, что жары сіи всегда прохлаждаются морскими вѣтрами. Въ Сеншябрѣ и Октябрѣ ядъ скорпіоновъ и сороконожекъ смертоносенъ. Уязвленный чело-вѣкъ умираетъ въ сушки; но опасность отъ нихъ не такъ велика, какъ обыкновенно дума-ютъ: если помазать съ скорости масломъ, въ кошоромъ заморенъ былъ скорпіонъ, какъ извѣстно, содержащій въ самомъ себѣ и про-шивоядіе, то уязвленія дѣлаются безвредны-ми. Зимніе мѣсяцы приносятъ скучную по-году; мѣлкій дождикъ почти безпрестанно накрапываетъ, а нерѣдко нѣсколько дней сря-ду льетъ какъ изъ ведра. Сѣверо-западные вѣтры носятъ тучи и производятъ ужа-сные грозы, иногда сопровождаемыя землепря-сеніемъ. Къ громовымъ ударамъ и блеску мол-ній, никакъ привыкнуть не можно; они и твердую душу приводятъ въ содроганіе. По-слѣ сихъ грозныхъ явленій и въ глубокую зи-му бываетъ погода пріятная, даже жаркая; воздухъ освѣжается и земля, опаленная зной-нымъ солнцемъ лѣта, вновь покрывается зе-ленью. Посему климатъ здѣшній очень здо-ровъ и солдаты наши не были подвержены особеннымъ болѣзнямъ.

Вотъ одинъ примѣръ здѣшняго правосу-дія, кошорый случится можетъ вездѣ, гдѣ законъ лежитъ только на столѣ, а не на со-вѣсти судей, и гдѣ преступленія ихъ оста-вляются безъ вниманія. Одинъ богатый дво-рянинъ, Секретарь Сенаша, вздумалъ, у сосѣ-

да своего мужика, имѣвшаго порядочное состояніе, извѣснаго своею честностію и усердіемъ къ республикѣ, опнятъ садъ, главнсе его имущество. Вздумалъ, и вошъ какимъ средствомъ исполнилъ желаніе свое. Онъ нанялъ одного стихотворца отъ имени мужика написать пасквиль на Сенашъ, и самъ подалъ на него доносъ. Мужика арестовали и осудили распрѣлять. Наканунъ исполненія приговора объявили о томъ въ городъ; нѣкто изъ сослраданія вступился за него, и ясно доказалъ, что мужикъ не умѣетъ писать; по счастію отыскали того, кто сочинилъ пасквиль; онъ повинился и показалъ на Секретаря. Чѣмъ же, вы думаете, дѣло кончилось? Поэта распрѣляли, мужика освободили, а имѣніе его, опданное Секретарю, предоспавили искавъ судомъ!

Республика управляется Аристокрапическимъ Совѣпомъ или Сенапомъ. Предсѣдатель онаго называется *Principe* (Князь). Законы заимствованы изъ Венеціанскихъ уложеній. Сенашъ состоитъ изъ 140 Членовъ и Депушатовъ, избираемыхъ изъ дворянъ, купцевъ, ремесленниковъ и народа. Семъ острововъ, составляющихъ республику, Корфа, Кефалонія, Санша-Мавро, Ишака, Занше, Паксо и Цериго, каждые при года смѣняютъ своихъ Депушатовъ. Власшъ Сенаша такой слабой республики не очень значительна; что же касается до гражданъ, они имѣютъ свои личныя выгоды; и польза бѣдной ихъ республики до

ихъ не касаетсѣя. Они не думаютъ о будущемъ, хладнокровны къ настоящему и довольны только прошедшимъ.

Дворянство отдаетъ земли свои на откупъ и безпрестанно ропщетъ на лѣность и нерадѣніе мужиковъ, будучи не въ силахъ принудить ихъ къ трудолюбію, ибо мужики до срока условій остаются полными хозяевами, и не платятъ своихъ повинностей; посему помѣщики издавна почитаются у нихъ врагами. Французы, обнадеживъ дворянство привести въ послушаніе народъ, были приняты въ Корфѣ съ радостію, но они ничего не сдѣлали, кромѣ того, что нѣкоторымъ, кои болѣе имъ помогали, дали лучшія земли, отнимая оныя по праву завоеванія у тѣхъ, которымъ имъ не казались; посему нѣсколько дворянъ выѣхали въ Россію и просили защиты. Когда Корфа была нами покорена, тогда вмѣстѣ съ Французами и преданные имъ оставили свое отечество. Такимъ образомъ между дворянствомъ оспалось сѣмя вражды, которое не скоро можетъ быть истреблено, потому-то каждый желающій найдетъ въ Корфѣ свою паршію; но по справедливости сказать должно мы имѣемъ большую, лучшую и благороднѣйшую. Не смотря, что Арендаторы приведены были въ повиновеніе, и тѣмъ одно зло было нами излечено, народъ преданъ однимъ только Рускимъ, ибо вліяніе наше не зависитъ отъ частныхъ случаевъ и обстоятельствъ времени.

На всѣхъ островахъ республики число жителей простирается до 300,000 Греческаго исповѣданія; часть дворянства послѣдуетъ Каполическому; всѣ вѣры терпимы. Языки Греческій и Италіанскій въ равномъ употребленіи. Здѣсь ходятъ Турецкое серебро и Венеціанскіе червонцы; прочія деньги принимаются на всѣхъ.

Исторія.

Корфа въ древности называлась Корцира, Оеакія, Схерія и Кассіопея. Мятежи Корцирскіе, по описанію Фукидида, извѣстны были въ самой отдаленной древности. Въ Корцирѣ Аристотель ссылкой заплашилъ за заблужденіе, которое и Философія не всегда преодолагаетъ. Симонидъ и Поликлесъ, граждане сего острова, получили безсмертіе: первый стихотвореніями, второй спашуями. Корцира, населенная Оеакіянами, во время Греческаго величія, воевала съ Коринѳомъ, Сициліею, Аѳинами и Сиракузами, и наконецъ была позорищемъ славы и несчастія Римлянъ. Корциряне оплечались въ легіонахъ Римскихъ, и брали сторону то одного, то другаго Тріумвира, и здѣсь то, послѣ Фарсальской битвы, Катонъ встрѣтился съ Цицерономъ. Первый, не могши перенести неблагопріятнаго удара судьбы, умерщвляетъ себя въ Ушикѣ; другой, принявъ начальство надъ послѣдними легіонами республики, ослабѣваетъ духомъ,

предается во власть Кесарю и попомъ перяетъ жизнь. Смертію сихъ великихъ людей, Римляне утратили навсегда свободу. Скоро послѣ того Антоній съ Октавіею праздновали въ Корцирѣ пагубный бракъ свой, сплившій толикихъ слезъ цѣлому свѣту; и едва полвѣка пропекло, какъ Агрипина прибыла туда явивъ похороны Германика.

Въ среднія времена, Корциряне, принадлежа Восточной Имперіи, служили въ войскахъ Константина Великаго, Констанція и другихъ Греческихъ Императоровъ. Подъ начальствомъ Велисарія, защищали они Римъ отъ Готтовъ и Константинополь отъ Турокъ. Крестовые Рыцари собирались въ Корфъ, для отплытія на завоеваніе Гроба Господня. Замѣчательно, что одна Корфская церковь, избѣгала гоненій Діоклитіана. Епископы Корцирскіе, Аполлдоръ и Св. Арсеній, извѣстны своими Христіанскими поученіями и участіемъ на Вселенскихъ Соборахъ. Когда Рожеръ основалъ Неаполитанское Королевство, Корцира и Эпиръ соединены въ Герцогство и отданы *Алексію*, побочному сыну Емануила. Въ сіе время Генуезцы по договору для торговли имѣли въ Корфѣ пристанище, и построили шарую крѣпость. Послѣ того Герцогство было завоевано Неаполитанскимъ Королемъ *Карло*; но иго сіе скоро было свергнуто. Корфиоты, ослабленные симъ усиленіемъ, угрожаемые покушеніями Генуезцовъ, и не имѣя силъ защитить себя, рѣшились из-

браше себѣ покровишеля довольно спраннымъ образомъ. Они положили провозгласише повелишелемъ своимъ того, кто съ Депушаномъ ихъ на Адриатическомъ морѣ встрѣшися первый. Встрѣшилась Венеціанская военная галера, Капишанъ оной объявленъ былъ владѣшелемъ, но онъ отказался и сложилъ сіе на республику, которая, заплативъ малую сумму Неаполитанскому Двору, въ семь новомъ приобрѣшеніи осталась спокойною. Венеціане построили новую крѣпость и всѣ другія укрѣпленія кромѣ Генуезской цитадели. Турки, осаждавшіе Корфу нѣсколько разъ, никогда не могли ее взять, и спѣны ея были предѣломъ побѣдъ ихъ. Послѣдняя осада, въ 1716 году подъ предводительствомъ Солимана, была славнѣйшая. Турки уже взяли городъ; войско и народъ держались еще въ старой крѣпости, какъ Графъ Шуленбургъ прибылъ съ помощнымъ войскомъ, и непріатель отступилъ. Сшоль незапнымъ избавленіемъ Корфіоты почитаютъ себя обязанными Св. Спиридону, и увѣряютъ, что и Турки съ сего времени вѣрують въ него, присылаютъ мощамъ его дары.

Въ 1797 году, по Кампоформійскому трактату, коимъ уничтожена Венеціанская республика и раздѣлена между Австріею и Франціею, Корфа съ семью островами досталась во владѣніе послѣдней. Важное для Франціи сіе приобрѣшеніе вскорѣ потеряно было нападеніемъ на Египетъ и разбишіемъ ихъ флота

при Абукирь. Въ 1799 году, когда Суворовъ освободилъ Италію, Адмиралъ Ушаковъ, начальствуя надъ соединеннымъ Россійскимъ и Турецкимъ Флотомъ, покорилъ Корфу, дошолъ къ не побѣжденную. Вице-Адмиралъ Сенявинъ, служившій тогда Капитаномъ, особенно отличился взятіемъ крѣпости Санша-Мавры. 1801 года Марша 21, на Аміенскомъ Конгрессѣ, признана независимостъ Ионической республики подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. Послѣдней каждыя три года платитъ она по 750,000 піаспровъ, и за симъ можетъ почестъся непринадлежащею Турціи, и пользующеюся всѣми правами ея подданныхъ. Въ послѣднее время, когда шесть острововъ, кромѣ Корфы, были завоеваны Англичанами, на Вѣнскомъ Конгрессѣ, Ионическая республика признана состоящею подъ покровительствомъ Великобританіи.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ КОРФЫ ДО СИРАКУЗЪ.

Получивъ провіантъ и налившись водою 4 Октября оставили мы Корфу. Вѣтръ крѣпкій и прошивной дулъ во все сіе плаваніе. Небо было пасмурно, и къ ночи, когда вѣтръ нѣсколько стихалъ, начиналась гроза, дождь лилъ какъ изъ ведра, волненіе было сильно, и безпрестанно рвало по паруса, по снасти. Къ непріятному сему плаванію прибавилось новое безпокойство. Теченіе вмѣстѣ съ вѣтромъ удалило насъ отъ береговъ Италіи. Не-

извѣстная скороспѣ онаго, дѣлала счисленіе пуши сомнительнымъ, повѣришь его помощію Астрономическихъ наблюденій не представлялось случая, постоянная мрачность скрывала отъ насъ солнце и звѣзды. И такъ уже нѣсколько дней блуждали мы подобно слѣпцу, потерявшему дорогу въ темныхъ безконечныхъ лѣсахъ. Отъ качки усилилась печь. Капитанъ сполько былъ симъ озабоченъ, что Офицеры безпрестанно должны были находиться на палубѣ. Никто не имѣлъ времени переодѣнуться мокрое плащье, палубы разохлись отъ жаровъ и повсюду текло. Внизу на кубрикѣ (*) пронзительный скрипъ переборокъ, дѣйствія помпъ и удары работающаго конопачика, отзывались какъ въ пустой бочкѣ и ни на минуту не давали покою. Пассажирамъ нашимъ, не привыкшимъ къ сему смятенію, казалось, что фрегатъ близокъ къ погребенію. Когда кто смѣнившись съ вахты (**) сходилъ въ свою каюту, то докучали они смѣшными вопросами, и ничего не понимая, что вокругъ ихъ дѣлается, хотѣли знать всему причину.

Наконецъ небо прояснилось, въспрѣ нѣсколько ушихъ и мы увидѣли *Капансаро*, на которомъ развѣвалъ флагъ Короля Фердинан-

(*) Отдѣленіе подъ нижнею палубою, гдѣ хранятся провіантъ и находятся каюты для Офицеровъ.

(**) Съ караула.

да. Калабрійцы, какъ новыя *Вандейцы*, мужественно стояшъ за права его. Гаэша, подъ щипомъ героя Герцога Гессенъ-Филипсшальскаго защищается упорно. *Массена*, сей сынъ счастья, достойный поборникъ Наполеона, потерявъ у Гаэшы 20,000 солдатъ, не успѣлъ покорить и Калабріи. Глава патриотовъ *Фра-діаволо* (братъ чорша), заслужившій сіе прозвание смѣлостію, сражаясь разсѣянными толпами, мало по малу истребилъ почти всю его армію. Англинской Генераль *Стюартъ*, высадивъ 5000 корпусъ въ заливъ *Санто-Ефелии*, разбилъ Генерала *Ренье*, находившагося шамъ съ 7000 человекъ; заключенный Убриемъ миръ побудилъ Англичанъ возвратиться въ Мессину, и новыя усилія опустошителей Европы, ярость и огорченіе жителей дошли до высочайшей степени. Французы жгли города и селенія и распрѣливали попавшихся въ плѣнъ, называя вѣрныхъ сыновъ опечесства бунтовщиками. *Фра-діаволо* жегъ и вѣшалъ Французовъ и называлъ ихъ разбойниками. Съ обоихъ сторонъ не было пощады. Плодоносная Калабрія покрылась пепломъ и развалинами.

Лавируя близъ берега, чѣмъ ближе подходили мы къ Мессинѣ, тѣмъ вѣпръ болѣе усиливался. Въ самомъ проливѣ волненіе уменьшилось и въ первыя сущки фрегатъ довольно подвинулся впередъ; но на другой день сдѣлался штормъ, Капитанъ принужденъ былъ спуститься по вѣпру и ишши въ море. Безъ

парусовъ, въ одни снасти, по печенію и въспру, фрегатъ полетѣлъ какъ изъ лука стрѣла. Удалившись отъ береговъ волненіе увеличилось, стремленіе боковой катки было столь сильно, что не державшись за веревки, нарочно для сего пропьянушыя, не можно были стоять на ногахъ. Ванты и штаги (*) ослабли, и мы опасались потерять мачты. Волны со всѣхъ сторонъ вливались, фрегатъ, какъ малый челнокъ, нырялъ, шелъ весьма быстро, зарывался въ волнахъ, и весь составъ его отъ сильнаго хода и шренія близъ руля дрожалъ. Небо, покрытое разсѣянными тучами, скоро совсѣмъ пошемнѣло, солнце скрылось, и въспрь обратился въ бурю, какой мнѣ еще не случалось видѣть. Течь увеличилась, почему въ морѣ оспашься было опасно. Капитанъ, пригласивъ Офицеровъ на совѣтъ, положилъ идти въ Сиракузы, ибо при сѣверномъ въспрь, въ Мальту, по причинѣ великаго въпорть волненія, входить не возможно. Проходя Капаньо, мы были свидѣтелями несчастнаго случая. Купеческій бригъ, шедшій изъ Мессины, можетъ быть по тѣмъ же причинамъ какъ и мы, желалъ войти въ порть; но лишь привелъ въ полвъспра, поставилъ снаксели (**).

(*) Ванты и штаги толстыя веревки, держація мачты съ боковъ и спереди.

(**) Нижніе косые паруса.

какъ обѣ мачты упали, судно легло на бокъ, въ минушу было залишо, поглощено волнами, и ниже обломка не осталось на поверхности. Пассажиры, испуганные такимъ зрѣлищемъ закрыли руками глаза, одинъ изъ нихъ болѣе набожный, желалъ исповѣдаться и причаститься. Добродушный Монахъ нашъ пришелъ спросить меня: можешь ли онъ оказать сію услугу Каполику?

14 Октября, подходя къ Сиракузамъ, приготовили поспавить фокъ и два марселя рифленые; Офицеры съ рупорами въ рукахъ, поспавили людей по мѣстамъ, и располковали каждому свое дѣло. Капитанъ, опытнымъ глазомъ разчислившій разстояніе, на которомъ должно было приводить въ полвѣтра, приказалъ спавить паруса. Когда Лейтенантъ спросилъ готоволи? Когда закричалъ *отдавай! тѣни шкоты! лѣво руля!* то признаюсь въ сіе время и у самыхъ опытныхъ мореходцевъ дрогнуло бы сердце. Фрегатъ легъ на бокъ, черпнулъ воду подвѣтреннымъ бортомъ, фокъ изорвало, мачты нагнулись, запрещали, фрегатъ быстро двинулся ко входу, и шупъ наступила рѣшительная, опаснѣйшая минуша. Входъ въ Сиракузы не ширѣ $2\frac{1}{2}$ верстъ, спѣсненый съ обѣихъ сторонъ грядями каменьевъ, представлялъ споль узкую, шакъ сказать, пропину, что малѣйшее уклоненіе отъ пупи, медленность, нераспорочность, ошибка управляющаго парусами могла бы бросить насъ на шопъ или другой мысъ. Всякой можешь

себѣ представивъ, съ какимъ ожиданіемъ и какими глазами смотрѣли мы на приближавшійся городъ. Ужасный бурунъ съ права и лѣва крушился на отмѣляхъ, пѣнящіяся волны, вздымаясь на спѣну, заливали высокую башню крѣпости, отъ копорой мы шли не болѣе 60 сажень. Зришель, будучи внѣ опасности, конечно не могъ бы сохранить равнодушія, взирая на фрегатъ, идущій между каменьева, совсѣмъ на боку, особенно когда онъ съ вышины волненія спускаясь въ глубину, казался падающимъ прямо на башню. Напрошивъ того не лзя представивъ и описать ту радость, когда фрегатъ, миновавъ рифы, входилъ въ портъ, гдѣ корабли стояли спокойно и безопасно какъ на рѣкѣ. Море, минуто прежде изрытое въ хляби и пропасты, вдругъ какъ бы сверхъ естественною силою, спало въ заливъ совершенно ровно и тихо. Убрали шаруса, бросили якорь, думали, что бѣда прошла и чуть чуть не погибли. Хотя волненіе у города было не чувствительное; но вѣтръ подобно громовымъ отголоскамъ, тремѣлъ въ верху между мачтъ и снастей. Два якоря не могли держать, фрегатъ шло съ нихъ къ южной сторонѣ залива, усѣяннаго камнями и пока успѣли спустить спенги и реи на низъ, бросивъ прелій якорь и приготовивъ послѣдній четвертой, фрегатъ былъ уже отъ берега не болѣе 100 сажень. Что бы облегчить верхъ его, должно было срубить мачты; но въ сію бѣдственную ми-

нушу, якори скользя по дну въ гору, задержались, фрегатъ остановился и волненіе, отражаясь отъ берега, оппалкивало его впередъ на канашы, такъ что посреди ужаснаго буруна, возлѣ камней въ крайней опасности нашли свое спасеніе. Всю ночь буря свирѣпствовала съ равною силою, и естълибъ не успѣли засвѣшло войши въ Сиракузы, то по всѣмъ вѣроятностямъ, сею ночью пощонули бы въ морѣ; ибо фрегатъ, пробитый ядрами въ подводной часпи, пощекъ и имѣлъ многія другія поврежденія въ корпусъ и мачсахъ.

СИРАКУЗЫ.

Сиракузскій портъ, какъ бы нарочно руками человѣческими сдѣланный, представляесть почти круглый бассейнъ, имѣесть надежное иловатое дно, и на всемъ своемъ пространствѣ якорныя мѣста на глубинѣ отъ 5 до 11 сажень. Входъ его между двумя мысами, опкрываетъ только часпъ бухты восточнымъ вѣтрамъ и по тому Сиракузскій портъ покоенъ и безопасенъ. По берегу, окружающему заливъ, не видно никакихъ остатковъ древней Сиракузы, а далѣе въ прекрасной перспективѣ горы начинающъ посщепенно возвышашься. Между ими Епна, какъ исполинъ, возноситеъ вершину свою къ облакамъ и въ темныя ночи освѣщаетъ тихія воды Сиракузской гавани неподражаемымъ свѣтомъ. Малый портъ, гдѣ пристающъ шлюпки у небольшой Мулы, и до-

селъ называется *Марлора*, ибо въ древности весь успланъ былъ мраморомъ, котораго плиты и теперь еще кой гдѣ видны.

Къ полдню, 15 Октября, буря умолкла, фрегатъ завозами перешелъ къ городу, и потомъ приступили мы къ исправленію поврежденій онаго. Карантинный чиновникъ, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ, откуда пришли? нѣтъ ли опасныхъ больныхъ? объявилъ свободу и поздравилъ отъ имени Губернатора съ прибытіемъ. Капитаны военныхъ Англинскихъ судовъ и Полковникъ горнаго Шотландскаго полку сдѣлали намъ посѣщеніе и послѣдній на другой день пригласилъ на обѣдъ. Губернаторъ Сиракузскій оставилъ насъ у себя обѣдать. Сѣдые волосы совсѣмъ прошиворѣчили проворнымъ его ипѣлдвиженіямъ, быспрый взглядъ показывалъ всю пылкость молодости, а наружность обѣщала мужество и пвердоспъ духа. Къ столу собралось многочисленное общество. Губернаторъ представлялъ насъ знапнѣйшимъ особамъ въ парчевыхъ и шелковыхъ, шипыхъ цвѣтами кафшанахъ съ большими сипразовыми пуговицами. Всѣ они имѣли пышные шипулы Герцоговъ, Принцевъ и Маркизовъ со многими Испанскими прилагательными именами, даже названіями свяпыхъ на примѣръ: Don Francesco, Conte de Sto Giovanni. Столъ былъ самый роскошный на Ишаланскій вкусъ; вездѣ ароматы и пряные коренья, мяса была мало, большая часть блюдъ состояла въ зелени, рыбѣ, плодахъ, пирожномъ и мороженомъ, Каждое блюдо провозглашаемо

было хозяиномъ, многосложнымъ шипуломъ, означающимъ качество и достоинство его, *Bef alla Mode! Bombe de Sardanapalo, La piatanza di Frederico Grande!* Одно совѣщивалъ онъ кушанья старымъ мужьямъ, другое молодымъ дамамъ и дѣвицамъ. Малвазія ди липари, *лакриме кристи*, славное Сиракузское и Марсала, сполнали не пропущены: вина употребляли очень мало и то пополамъ съ водою; но веселость и удовольствіе видны были на всѣхъ лицахъ. Гибкость и пріятность сладкозвучнаго языка, при рѣдкомъ дарованіи говорилъ замысловаго и остро, дѣлають вообще Италіанскія бесѣды, (гдѣ никогда не употребляется иностранный языкъ), веселыми и забавными. Хотя шутки большею частію бывають двусмысленныя, а иногда и соблазнительныя; но дамы и кавалеры равно умѣють отражать и нападать съ такимъ же оружіемъ. Разговоръ быспропереходилъ отъ одного предмета къ другому.—Анекдоты, любовныя приключенія, ученые споры, экспромты въ стихахъ, полишика Европы и новосіи всего свѣта одно другое заспугали. Каждое слово влекло за собой шутку и каждая рѣчь обращалась въ смѣхъ; въ колкихъ эпиграмахъ, шутъ же сочиняемыхъ, смѣялись надъ мишурнымъ своимъ Королемъ *Иосифолѣ Бонапарте*, и по видимому не огорчались упрямствомъ своего опечечества. Послѣ обѣда, Губернаторъ показывалъ намъ свой Гранодерскій полкъ, споящій здѣсь гарнизономъ. Генераль-Маіоръ Бах-

жешевъ, научивъ Неаполитанскую армію, Русской екзерциціи, оставилъ свою память и соединилъ такъ сказать Рускаго съ Италіанцемъ. Въ маневрахъ, каждый солдатъ ясно обнаруживалъ, что онъ разумѣетъ равно какъ и его Полковникъ, для чего каждое движеніе полезно, и въ какомъ случаѣ одно должно предпочесть другому; словомъ Италіанскій солдатъ не имѣя споль воиспвеннаго вида, кажепся понимаетъ свое ремесло лучше нежели думаетъ о наружности.

Городъ Сиракузы не великъ, спойтъ на полуостровѣ, котораго, перешеекъ перерытъ каналомъ, и обнесенъ кругомъ каменнымъ брустверомъ; сіе наружное правильное укрѣпленіе составляетъ наилучшую его защиту съ сухаго пути; съ моря же обнесенъ спѣною и у маяка поставлены пѣжелыя орудія. Башня на мысу служитъ для маяка. Высокіе старинной архитектуры дома, площадь украшенная водоемомъ, улицы не слишкомъ узкія, вымощенныя плитникомъ, мраморные и лавные пропугары дѣлаютъ Сиракузы довольно красивымъ городомъ. Театръ не великъ, актеры же еще менѣе заслуживаютъ вниманіе. Лучшія зданія суть монастыри и церкви, монаховъ и нищихъ сполько въ городѣ, что изъ 15.000 жителей, по наружности (разумѣю по одеждѣ) едва видишь порядочныхъ гражданъ, впрочемъ весьма достаточныхъ. Соборная церковь (il Domino) украшается крыльцомъ, котораго прекрасныя колонны обращаютъ на себя взоръ. Я входилъ

въ храмъ во время обѣдни, служеніе Епископа, оперная музыка и пѣицы, не столько привлекали мое вниманіе какъ изящное зодчество Архиправа и хоровъ. 34 колонны Дорического ордена, вмазанныя въ стѣны, почишающіяся ошатками древняго храма Минервы. Въ сокровищахъ сей церкви хранился аншикъ, на коемъ весьма искусно вырѣзаны три бюста Римскихъ воиновъ, одинъ изъ нихъ бѣлой, другой багрянаго, а третій тѣлеснаго цвѣту. Въ другомъ домѣ показывающіе четыре колонны, которыя, какъ говорятъ, принадлежали Діанину храму.

На другой день пребыванія въ Сиракузахъ, смотрѣли мы ученіе Шотландскаго полку; одежда воиновъ, подобная Римской, сохранилась отъ древняго времени и странный видъ пестрыхъ юбокъ привлекаетъ взоръ особенно зрительницъ. Солдаты всѣ очень молоды, бѣлокуры, свѣжи лицомъ, можно сказать молодцы. Лордъ Дугласъ наследникъ великаго богатства, Капитанъ, юноша въ 18 лѣтъ, совершенный красавецъ, составляетъ предметъ разговоровъ здѣшнихъ дамъ. Золотой шишакъ его, бриліантовая пряжка, держащая мантію, бѣлая какъ снѣгъ шея и юбка, когда онъ бѣжалъ предъ фрунзомъ, открывающая всю стройность ногъ, уподобляли его вмѣстѣ Марсу и Адонису. Ученіе меня удивило. Аршикуль весьма прѣстъ и коропокъ, кидающъ его безъ флигельмана, солдаты забавляются ружьемъ какъ дѣти, но стрѣляютъ проворно и въ цѣль весь-

ма вѣрно. Полковникъ хопѣлъ знашь миѣніе нашего армейскаго Офицера; и сей сказалъ ему: „спрѣльба, очень хороша, но фронтъ худо ровняется, криво заходитъ, и держашъ ружья слишкомъ заваливши назадъ.“ Послѣднее опъ того, отвѣчалъ Полковникъ, что приклады кривы, а въ первомъ вы правы. Послѣ маневровъ началось особаго рода ученъе: ружья поставили въ козлы, однимъ роздали камышевыя проточки, на которыхъ солдаты бились какъ на сабляхъ и шпагахъ; другіе, разсыпавшись по площади, ловили другъ друга, прыгали черезъ головы, гонялись, увертывались и дѣлали разныя гибкія тѣлодвиженія; послѣ спали во фронтъ, и дѣлая обороты на право и на лѣво, сопровождали каждое движеніе голосомъ и хлопали въ ладоши въ тактъ съ ногою.

Въ шесть часовъ сѣли за столъ. Ъли хорошо, пили еще лучше; блюда подавали не по порядку, а каждый бралъ, что ему угодно; тѣ, кои были заспѣнчивѣе другихъ, и не знали сего обыкновенія, принуждены были начинатьъ пирожнымъ, а потомъ кушашъ бифштексъ, конфекты, редисъ, пудингъ и черепаший супъ. При началіи пословъ являлись музыканты; Тамбуръ-мажоръ, бронзоваго цвѣта Американецъ, въ богатомъ одѣяніи, съ перьяною короною на головѣ, ходилъ вокругъ стола впереди волынщика, который надувалъ свою волынку изо всей силы, что повторялось при каждомъ послѣ. Музыканты играли между тѣмъ народныя Шотландскія пѣсни, имѣ-

ющія въ себѣ нѣчто меланхолическое, сродное общаптелямъ сѣвера; простые тоны ихъ прогаютъ душу. Англискій обычай сидѣть долго за столомъ употребляется и Шотландцами. Послѣ обѣда слуга поставивъ на столъ сыръ, пикольсы, *дьявольскими* называемые, ибо они приготавливаются изъ самаго ѣдкаго Гвинейскаго перцу, орѣхи и кашпаны, какъ вещи наиболѣе возбуждающія жажду, и наконецъ каждому по двѣ бушылки на столъ и по одной въ запасъ подъ столъ, ... поклонился, вышелъ, двери заперли, и шутъ-то безъ свидѣтелей начали пить. Sir! your health! (Ваше здоровье)! повторяется со всѣхъ споринъ, рюмки опоражниваются, разговоръ оживляется; Бонапарте является на сцену и шутъ, кто прежде наблюдалъ глубокое молчаніе, поднимаетъ голову и вмѣстѣ съ прочими кричитъ God demn! Наконецъ чрезъ цѣлые два часа вспали, и къ удивленію пошли твердымъ шагомъ. Я долженъ былъ согласиться съ моимъ сосѣдомъ Пикнеемъ, что можно сдѣлать привычку пить много и никогда не быть пьянымъ.

Лордъ Дугласъ пригласилъ насъ на чай. Пикней, полковой Квартемистръ, человекъ характерный, лѣтъ подъ 50 и все еще Поручикъ, пошелъ со мною. Идучи по улицѣ, я спросилъ его: опъ чего Полковникъ и Капитаны такъ молоды, а Субалтернъ Офицеры такъ стары? „Опъ того, опвѣчалъ онъ, что у насъ чины покупаются; опъ того, что у

Лорда 10 Арапскихъ лошадей на конюшнѣ, а у меня одинъ лошакъ.“ Какое злоупотребленіе, какая несправедливость, сказалъ я; не шакъ много, какъ вы думаете, продолжалъ Пикней. Государству легче, когда дѣши вельможъ на свой щепъ формируютъ полки. Вы согласитесь, что богатой человекъ болѣе имѣетъ средствъ быть Полковникомъ, нежели бѣдной, не имѣющей предварительнаго воспитанія. Къ помужъ наша фрунцовая служба проспа, никогда не измѣняется, ее можно знать въ нѣсколько недѣль. „Чѣмъ же описывается у васъ храбрость? Ни чѣмъ! Каждый сынъ опечесива долженъ служить ему безъ видовъ какой-либо награды. У насъ орденовъ за то не дается и чинъ, по окончаніи войны, когда войска распускаются по домамъ, не доспавляетъ особеннаго преимущесива. Тотъ, кто раненъ и бѣденъ, получаетъ пансіонъ, не по чину, а по увѣчью.“ Я не противорѣчилъ, но не могъ согласиться, чтобы продажа чиновъ безъ заслуги, могла имѣть свою пользу, и разговоръ обратился къ содержанію Офицеровъ. Пикней увѣрялъ меня, что армейскіе Офицеры, подобно морскимъ, имѣютъ, когда только позволяетъ возможность, общій споль. Превосходное заведеніе! ибо тутъ молодой человекъ всегда находится подъ надзоромъ Начальника, не заботится, что ему завпраѣтъ, и не имѣетъ излишняго скарбу, коимъ наши пѣхотные Офицеры по необходимости обременены бывающъ.

Прекрасный Капитанъ угощалъ насъ какъ богачъ Ученый Докторъ, наставникъ Лорда, обходился съ нимъ какъ съ другомъ. Къ чаю вышла прекрасная Англичанка, въ пунцовомъ спенсерѣ. Она поклонилась намъ низко, по модѣ прищурила голубые свои глазки, потомъ вдругъ покраснѣла, и въ скромномъ замѣшательствѣ сѣла на свое мѣсто. Кто это такая? „спросилъ я Пикнея“ жена или сестра его? „ни то, ни другое,“ отвѣчалъ шутливой старику въ полголоса Возвращаясь на фрегатъ, тихій прохладный вечеръ, побудилъ насъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ. Разноцвѣтные фонарики освѣщали преддверія домовъ, у коихъ слышимы были звуки гитары, и пѣніе. Сіи серенады, при чуть блѣскающихъ звѣздахъ и сумракѣ вечера, дѣлали пѣніе Сиренъ слишкомъ опасными для мореходцевъ. Большіе шаги ихъ уменьшались, они шли тише и тише, потомъ одинъ уходилъ на право, другой попихоньку косвенными шагами склонялся на лѣво, и когда я пришелъ къ пристани, то остался съ однимъ только товарищемъ.

Въ свою очередь и мы пригласили гостей на завтракъ; день былъ прекрасный. Подъ павильономъ, составленнымъ изъ Англинскихъ, Неаполитанскихъ и Россійскихъ флаговъ, накрытъ былъ столъ на шканцахъ. Три повара готовили кушанья на вкусъ каждого изъ гостей; но всѣ преобладали Русскихъ блюдъ. Шотландцы находили ихъ вкусными; а Италіянцы утверждали, что опъ нашихъ щей и

грешнею каше можно умереть отъ несваренія въ желудкѣ. Въ винѣ не было недосып-ка и скоро искреннее обращеніе безъ всякой зашѣйливости сблизило гостей столь различныхъ націй и характеровъ. Головы разгорячились у военныхъ, начались и разговоры военные, полетѣли ядра, бомбы, пули и картечи; у морскихъ началась буря и паруса летѣли на воздухъ. Театръ войны въ Египтѣ, обѣихъ Индіяхъ, Америкѣ и Европѣ, перешелъ на малое пространство, заключенное между двумя мачтами. Шумъ и крикъ постепенно увеличивались, не знающіе иностранныхъ языковъ говорили неумолчно; Испанцы знаками объяснялись лучше прочихъ; Англичане и Рускіе, не останавливаясь на маловажныхъ вещахъ, говорили всѣ вдругъ. Послѣ обѣда, просили заставить пѣть маэстросовъ. 20 отборнѣйшихъ пѣвцовъ, съ помощію кларнета, рожка, бубна и барабана, начали веселыя пѣсни, зазвенѣло въ ушахъ. Шотландцы были довольны, Испанцы молчали; я спросилъ у одного сидѣвшаго возлѣ меня дворянина, нравятся ли ему наши пѣсни? *Сильной народъ!* отвѣчалъ онъ, всплеснувъ руками. Но когда начали пѣть шихіа, протяжныя пѣсни, когда явились поддѣльные крестьянинъ и крестьянка, когда начали они плясать, то всѣ гости пришли въ удивленіе, спѣснились вокругъ, и сіе такъ понравилось всѣмъ вообще, особенно Испанцамъ, что плясуны принуждены были плясать до упаду.

Развалины Сиракузъ.

Древнія Сиракузы состояли изъ четырехъ частей: Аркадина, Тихи, Неаполисъ и Орпигія, копорыя раздѣлялись тройными стѣнами и защищались прѣмя крѣпостями. Городъ имѣлъ въ окружности 20 миль и граждане его были такъ богаты, что вошло въ пословицу: „богатъ какъ Сиракузянинъ.“ Построеніе его приписываютъ Кориѳянину Архіасу въ 448 году послѣ Троянской войны. При владычествѣ Діонисія, Карѳагенцы осаждали городъ безъ успѣха и Амилкаръ полководецъ ихъ былъ убитъ. Въ послѣдствіи времени Аѳинскій флотъ также былъ истребленъ, и все войско бывшее подъ начальствомъ Никія, взято въ плѣнъ. Наконецъ въ 542 году опъ построенія Рима, Сиракузы, защищаемыя машинами, изобрѣшенными Архимедомъ, были взяты Римлянами подъ предводительствомъ Марцелла. Нынѣшній городъ стоитъ на мѣстѣ Орпигія, прочія же части города представляютъ едва примѣныя развалины.

Прошедъ подъемный мостъ, на каналѣ пререшейка находящійся, въ нѣсколькихъ шаговъ опъ гласиса показываютъ колодезь (Pescina), имѣющій видъ погреба, въ копорой сходятъ по лѣсницѣ. Внутри онаго сохранились шесть мраморныхъ столбовъ. Отсюда начинается опъ славный водопроводъ, копорый Сарацинами, обладавшими Сициліею, проведенъ опъ древняго, начинающагося опъ рѣч-

ки *Анапо*, гдѣ она впадаетъ въ море между двухъ болопъ *Сикаро* и *Лизимеле*, изъ коихъ первое вѣроятно дало названіе городу *Взоръ* поражается длинною аркадою, копорой началъ перяется изъ виду. Аркада сія или лучше сказать мостъ длиною въ $1\frac{1}{4}$ миль, поддерживаемый полстыми сполпами и сводами, постепенно понижаясь съ горъ въ свинцовомъ ящикѣ проводитъ цѣлую рѣку къ колодцу, отъ котораго городъ, помощію подземныхъ трубъ, получаетъ воду.

Проходя садами близъ водопровода, въ двухъ верстахъ отъ города, споймъ обрывистый утесъ, подошва коего имѣетъ множество пещеръ и гротовъ, Одинъ изъ сихъ гротовъ называютъ *Діонисіево ухо*. Онъ высѣченъ весьма гладко въ горѣ, состоящій изъ крѣпкаго камня. Отверстіе грота или входъ, вышиною около 80 футовъ, имѣетъ фигуру двухъ буквъ S, верхними концами соединяющихся, а къ низу постепенно разширяющихся до распоянія 30 футовъ; черта, образующая полъ, также имѣетъ подобіе буквы S, сходящейся въ одну точку въ углубленіи горы. Сія послѣдняя точка, съ тою, копорая составляетъ соединеніемъ буквъ S, на внѣшней стѣнѣ горы находящейся, соединяется параболическою кривизною, откуда идетъ слуховая трубка въ кабинетъ. Ухо или лучше сказать коридоръ, проспирается во внутрь горы на 250 шаговъ. Въ стѣнахъ видны остатки колець и цѣпей, коими приковывались узники. Слуховая труба нынѣ

частію сломана, самый кабинетъ такъ же разрушенъ, стѣна, копорая закрывала опверспіе, не существуетъ болѣе; однако нѣкоторыя свойства механизма еще сохранились. Если разорвать лоскушокъ бумажки, то въ ухѣ повпоряется сіе очень громко. Двое спавъ въ 50 шагахъ одинъ опъ другадо, говоря шихимъ шопопомъ, слышали слова весьма вняшно. Обыкновенный разговоръ опзывается громко, опголоски повпоряютъ рѣчь до нѣсколькихъ разъ. Пистолетный выспрѣлъ произвелъ громъ, опъ копорого вся внуспренность горы казалась колебалась, и эхо, постепенно умолкая перекатомъ, продолжалось минушь пять. Прибавивъ зарядъ и споя внѣ уха, выспрѣлъ подобень былъ залпамъ спопушечнаго корабля, кончившимся ружейною переспрѣлкою. Любопытно было бы послушать здѣсь музыки. Разсмаширивая успроеніе уха, полагаешь должно, что повпореніе въ ономъ звуковъ происходитъ опъ соразмѣрной вышины и ширины, а болѣе опъ сходства съ ухомъ: малѣйшее движеніе въ такомъ родѣ спроенія сопрясаешь воздухъ. Дворецъ Діонисія находился на горѣ надъ самою шюрмою. Дабы видѣть кабинетъ, Тимпаномъ прежде называемый, куда приходилъ тиранъ подслушивать несчастныхъ, должны мы были, ухватившись за веревку, продѣшную въ блокъ, надъ самымъ окномъ ушвержденный, позволивъ подымать себя на высоту 200 фушь. Сквозной въспрѣ, чрезъ окно и

разрубъ слуховой трубы съ конца обсыпавшейся, причиною, что слова въ кабинетѣ хуже слышны, нежели въ шюрмѣ. Увѣряють, что когда сіе Діонисіево ухо было цѣло, то главное достоинство механизма состояло въ томъ, что въ шюрмѣ слова не повторылись, а только слышимы были въ слуховой комнатѣ пирана.

Рядомъ съ Діонисіевымъ ухомъ, показываютъ преогромныя пещеры, поддерживаемыя толстыми столпами. Отсюда ломали камни для строенія домовъ. Во время пирановъ оныя глубокія пещеры служили для започенія преступниковъ, а нынѣ вываривають въ нихъ селистру. Упешъ, кажется, нарочно былъ обтесанъ для пристройки къ нему домовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны на ономъ остатки извести и камней, отъ сѣнъ оставшихся.

По лѣвую сторону пещеръ находится *Амфитеатръ*. При первомъ на него воззрѣніи не лзя не удивиться смѣлости и прочности строеній древнихъ Архитекторовъ. Представъте себѣ цѣлую гору въ видѣ полукруга раздѣленную на три террасы или перехода или галереи, назовите какъ угодно, соединенныя нѣсколькими стами ступеней, гдѣ помещались зрители. По обѣ стороны амфитеатра видны остатки восьми лѣстницъ для входа, балюстрады коихъ были мраморныя. Намъ показывали остатки надписей, коихъ буквы такъ изгладились, что ничего разобрать

не лъзя; но ученый Графъ Гаешано, уроженецъ Сиракузскій, по долгомъ изысканіи и шрудѣ открылъ, что письма на одной споронѣ, *Василиссасѣ филистидосѣ*, означають имя Царицы, во владѣніе которой построень театръ, а другая надпись, *Агласосѣ*, полагаетъ онъ именемъ Архитектора. На верхней и средней терасѣ, видны двѣ мельницы, стоящія одна надъ другою; оныя дѣйствуютъ посредствомъ древняго водопровода, который въ семь мѣстъ шума падаетъ съ ступени на ступень. Видъ оныхъ мельницъ безподобенъ: Сиракузскій портъ представлялся обширнымъ и спокойнымъ озеромъ; городъ стоящій на узкомъ полуостровѣ, въ то время покрытый легкимъ туманомъ, казался плавающимъ. *Аретуза*, славный въ древности источникъ, который протекалъ по срединѣ древняго города, извивался въ недалекомъ разстояніи оныхъ амфитеатра. Вспомнивъ приключеніе Акхеона и Алфея, хотя мы и увѣрены были, что нынѣшнія Нимфы, приходящія къ сему ручью мышь плашье, не были бы такъ къ намъ жестоки, однакожь мы не пошли сморгнуть чистыхъ водъ его и приказали вести себя на развалины города.

Гдѣ нѣкогда возвышались Сиракузы, теперь обширное поле, на пространствѣ 3-хъ миль, представляетъ одни кучи камней. Колонны, капищели, мраморныя плиты съ надписями, разбишья и въ безпорядкѣ лежащія,

кой гдѣ валялись въ садахъ и огородахъ, все это мѣсто занимающихъ. Вотъ печальные остатки одного изъ лучшихъ городовъ въ древности. На мѣстѣ дворца, разсмапривая нѣсколько обломковъ отъ крылецъ и карнизовъ, уже вросшихъ въ землю, мы негодовали видя, что позволяютъ похищать рѣдкіе мраморы и драгоцѣнные памятники. Съ сердечнымъ прискорбіемъ прошли мы сію пустыню отъ одного края до другаго, и чрезмѣрно радовались, если гдѣ подъ терновникомъ, или подъ корнемъ смоковничнаго дерева, усмапривали часть спѣны, имѣющей на себѣ печать всеразрушающаго времени. Не такъ ли слава великихъ завоевателей, слава варваровъ, испребившихъ цѣлыя племена, должна пасть! Не такъ ли должны исчезнуть и испребишься, подобно великолѣпнымъ Сиракузамъ, всѣ новѣйшіе памятники, воздвигаемые тщеславіемъ.

Приближаясь къ морю, увидѣли мы остатки *бойницы*, съ копорой Архимедъ бросалъ камни на флотъ Римскій. Тяжелые камни, сложенные весьма плотно безъ связи, цеменна или извести, соспавляютъ фундаментъ бойницы, копорая отъ всѣхъ развалинъ Сиракузъ, одна хорошо сохранилася, ибо хищники не знали какимъ средствомъ поднимать огромные камни, кои Архимедъ снесъ и ноложилъ въ основаніе зданія.

Оспавя развалины и сойдя съ возвышенія на равнину, проводники привели насъ въ

монастырь. Капуцины показали намъ свою церковь, въ которой ничего нѣтъ замѣчательнаго. Вышедъ изъ церкви зажгли намъ нѣсколько факеловъ, опперли огромную дверь, по узкой лѣстницѣ мы спутили нѣсколько шаговъ внизъ и очутились въ *подземельи*, которому нѣтъ конца, какъ увѣрялъ одинъ изъ нашихъ жожапыхъ. Не лзя не удивившся, видя въ употребъ земли, улицы, жилища, церкви, цѣлой городъ, и не возможно исчислишь, сколько времени употреблено и сколько тысячъ рукъ работало, дабы камень обратишь въ длинное, безмѣрное подземное зданіе. По обѣ стороны галлерей или улицы, довольно широкой, находяпся комнапы, одна возлѣ другой. Промежуточныя стѣны служатъ подпорами сводовъ. Въ каждой комнапѣ или нишѣ, посрединѣ стоипъ споль, въ углу каминъ, а вокругъ прехъ стѣнъ широкія лавки съ небольшими углубленіями, служившими вмѣсто постелей для всякаго возраста. Все сіе, даже споль, высѣчено изъ камня меловапатаго и мягкаго, изъ котораго состоипъ почва земли. Прошедъ нѣкоторое разстояніе, представляюща нѣсколько столповъ, поддерживающихъ кругловашое зданіе церкви, имѣющей при входа. Остатки престола, креста и образовъ, высѣченныхъ выпукло на камнѣ, во многихъ мѣстахъ очень замѣпны. На среднемъ сводѣ каждой церкви, для сообщенія воздуха и свѣта, пробито на поверхность земли большое

опверстіе, такія же сдѣланы въ равныхъ разстояніяхъ, и въ галлерейныхъ сводахъ. Въ сихъ-то храмахъ числѣйшія моленія первыхъ Христіанъ, восходили до престола Небеснаго Царя, и Богъ, во время жестокаго гоненія, даровалъ имъ терпѣніе и мужество переносить мученія. Здѣсь-то благословляя, молясь о мучителяхъ своихъ, умирая подъ сѣкирою убійць, Христіане, по благочестію своему, разсказались съ жизнію равнодушно. Даже матери, не спенали, не жаловались, а изливали скорбь свою въ усердныхъ моленіяхъ и поспѣ. Монахъ рассказывалъ намъ, что одинъ изъ Власпишелей Сиракузскихъ, злобный гонитель Христіанъ, приказалъ воинамъ своимъ зажечь подземное сіе зданіе, и нѣсколько тысячъ, въ ономъ скрывавшихся, были задушены дымомъ. *Капакомбы* сіи, какъ увѣрять насъ Капуцинъ, простирающа до самой Капаны, что соспавишь 60 миль, однакожь до сего времени ни одинъ путешественникъ не изслѣдовалъ, гдѣ оныя въ самомъ дѣлѣ оканчиваются. Третій выходъ церквей прошиву алшаря находящійся, коридоромъ ведетъ къ капакомбамъ. Зрѣлище гробницъ и костей, въ сихъ темныхъ переходахъ лежащихъ, возносишь мысль къ Богу, въ лоно коего всѣ мы рано или поздно должны возвратиться. Набожные люди, починая кости сіи пѣлами мучениковъ, собирая прахъ поспрадавшихъ за вѣру, уже послѣ гоненій, нѣкоторую часть предали погребенію.

Пришедъ къ первому опвалу, гдѣ можно выходишь на поверхность земли, подземелье всюду было одинаково, кромѣ того, что главная улица, идучи прямо, поворачивалась опть церковей въ право или въ лѣво. Доспигнувъ втораго опвала, находящагося не ближе 3 верстъ опть перваго, проводникъ предупредилъ насъ, что шупъ своды не крѣпки и часто падають; нѣсколько монетъ убѣдили его идти далѣе; но договорившіе факелы принудили насъ вскорѣ возвратиться назадъ и чрезъ второй опвалъ по дурной лѣспницѣ выдти на поверхность земли. Мы опять были посреди развалинъ; и успавъ, расположились немного отдохнувъ. Одинъ сѣлъ на расколошое подножіе, другіе помѣстились на ступеняхъ развалившагося крыльца. Свѣтлая ночь, блиспаніе звѣздъ, тишина и прохлада, лазуревыя волны моря, чупъ плескающіяся у берега, подземелье, церкви, Катакомбы и сполько косшей, успрашая воображеніе и увлекаая душу опть мірскихъ попеченій, обращають ее къ размышленію о будущей жизни.

Прогулка въ окрестностяхъ.

Пикней по службѣ долженъ былъ ѣхать въ Капаньо; онъ предложилъ мнѣ осмопрѣшъ Ешну; Докторъ и Капитанъ вызвались намъ соповарищеспвовашъ; но какъ фрегатъ былъ уже готовъ, то я удовольспвовался проводишь

ихъ только за нѣсколько миль. Мы сѣли въ коляску, двое слугъ помѣстились въ кабріолешъ. Проѣхавъ равнину, поворошили на небольшіе пригорки и пробираясь съ холма на холмъ вездѣ видѣли обработанныя поля и сады, вездѣ малые ручьи, по опводнымъ каналамъ текущіе во всѣ стороны и множество водометовъ. Бѣдныя каменные хижины поселянъ, подъ тѣнію каштановъ и шелковицъ, окруженные овощниками, не соотношались изобилію земли. Помѣщичій домъ на горѣ, въ прекрасномъ положеніи, возбудилъ наше любопытство, оставя экипажъ на дорогѣ, мы пошли къ нему пѣшкомъ. Дорожка, обсаженная Индѣйскими фигами, кустарниками розъ и миртъ, вела насъ съ уступа на уступъ, и наконецъ чрезъ тропъ, увитый плющемъ, вышли мы на обширную террасу, посреди коей стоялъ лѣпный домъ, окруженный регулярнымъ садомъ. Помѣщикъ въ городѣ и домъ запертъ, сказалъ намъ садовникъ. По большимъ стекламъ, бронзовымъ рамамъ и парчевымъ занавѣсамъ можно было судить о великолѣпіи внутренности. Проспекты, выпянутые по шнуру, деревья, подстриженные по модѣ, цвѣты, разсаженные по узору, фонтаны, бросающіе воду вензелями, при первомъ взглядѣ поражаютъ нечаяннымъ своимъ появленіемъ; но искусство въ расположеніи садовъ, безъ выбора природныхъ красотъ, при всей своей замысловатости скоро упомляется и наскучиваетъ.

Возвращаясь къ экипажамъ, мы переправились въ бродъ чрезъ рѣку, миновали лугъ и увидѣли множество поселянокъ, собирающихъ плоды и поющихъ веселыя пѣсни; шунть представилась намъ крутая гора, покрытая лѣсомъ, дорога была трудна, мы всходили пѣшкомъ. Сплетшіяся верхи деревъ, мѣстами составляли крышную аллею; непроницаемая ихъ густота и въперокъ укрывалъ и прохлаждалъ насъ отъ жара. По опушкѣ лѣса въ смѣшеніи представлялись, дубъ, кипарисъ, пополь, фиговые и миндальные деревья; дикой виноградъ и жесминъ переплетали ихъ своими лозами; почти всѣ деревья были съ плодомъ. Спускаясь у подошвы, проѣзжали мы померанцовую рощу: деревья, начинавшія цвѣсть, освѣжаемыя небольшимъ ручьемъ, капающимъ съ горы, услаждая обоняніе, обольщали взоръ. Воображеніе переносилось въ золотой вѣкъ, въ щастливую Аркадію, и природа, представляя на каждомъ шагу изобиліе и роскошь, наполняла душу пріятнымъ чувствованіемъ.

Передъ вечеромъ, остановились въ небольшой деревнѣ Мелилли, не далеко отъ моря находящейся. Мнѣ не удалось осмотрѣть здѣшнюю сахарную плантацію. Пока я забоился о пріуготовленіи ужина, товарищи мои съ балкона любовались мѣстопоположеніемъ. Посмотрите, сказалъ мнѣ Докпоръ, какъ прекрасно заходитъ солнце, посмотрите какъ лучи его играютъ на снѣгахъ Ешны. Давно не видавъ снѣга, съ великимъ удовольствіемъ

смогъ я на его бѣлизну. Сосны и кедры, распушіе близъ вершины, колеблемые вѣтромъ, напоминали о нашемъ сѣверномъ Ошечествѣ. Погруженные въ сладкую задумчивость, въ глубокомъ молчаніи усмремляли мы взоры на вершину волкана. Ночные мраки густѣли отъ дыма, который, скопляясь болѣе и болѣе, и раскинаясь вокругъ жерла, взвивался полнымъ сполномъ въ необозримую высоту. Позади Епны закашывающееся солнце, послѣдними исчезающими лучами, слабо освѣщало скалы ея и длинный амфишешпръ горъ, лежащихъ во внутренности оспрова и вскорѣ съ опсупствіемъ его все видимое нами пространство покрылось сумракомъ. Между тѣмъ отъ востока, гдѣ море терялось въ безконечности, луна взошла въ тучахъ и тишина вечера скоро нарушилась вѣтромъ и дождемъ.

Нечиспоша гостинницы принудила Англичанъ перейти изъ ней въ конюшню, гдѣ на сѣнѣ они расположились спать, а я, поблагодаривъ ихъ за пріятное сообщество, закутавшись шинелью, сѣлъ въ кабріолешку. Дождь и холодный вѣтръ понудили меня ѣхать скорѣе. Италіанецъ гналъ лошадь въ галопъ, наскучилъ мнѣ своими разговорами, я закрылъ глаза, пришворился соннымъ, онъ началъ пѣть театральныя аріи, и скоро сказалъ мнѣ: вошь и Сиракузы. Фрегатъ снимался съ якоря, я нанимаю яликъ, и догоняю его уже выходящаго изъ залива.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ СИРАКУЗЪ ДО ПАЛЕРМЫ.

Въ полночь съ 19 на 20 Октября, оставя Сиракузы, съ тихимъ вѣтромъ въ ночь мало подвинулись мы впередъ; разсвѣло: Епна какъ исполинъ открылась взорамъ нашимъ и свѣжій вѣтерокъ подулъ. Мы были противъ Агоспы, въ пристани ея стояло нѣсколько малыхъ судовъ. Отсюда къ сѣверу и югу, видны были разные заливы, гавани и мысы. Капаньо, лежащій при подошвѣ Епны, славится красою женщинъ, которыя, говорятъ, стольже опасны какъ и изверженія ея. Пользуясь удобнымъ случаемъ, помощію окпана измѣрили мы высоту Епны, и нашли оную 3 версты 65 сажень. Окружnosť подошвы ея имѣетъ 315 верстъ: на плодосномъ ея пеплѣ у основанія росплетъ сахарной тростникъ и всякой хлѣбъ. Средина покрыта виноградниками, масличнымъ и плодовитымъ лѣсомъ. Выше росплетъ яблони и грушевыя деревья, а на вершинѣ лежатъ вѣчной снѣгъ.

Ужасныя изверженія сдѣлали ее знаменитою. Въ 1693 году Капаньо была испреблена, 18,000 жителей погибло, и лава покрыла лучшія ея улицы. Землетрясеніе, бывшее въ 1763 году въ Сициліи и Калабріи, въ нѣсколько часовъ погубило 40,000 народа. Съ сего времени изъ Епны не было сильныхъ изверженій, однакожь она безпрестанно горитъ и

угрожаетъ. Еслибъ Италія не имѣла Везувія, Епны и Спромболи, сихъ опдушинъ горящей подъ нею земной утробы, то или должна бы лишилась своего плодородія, или надлежало бы ей погибнуть. Бытописанія наполнены разрушеніями, причиненными землетрясеніемъ. Оно творитъ новыя, опрокидываетъ или переноситъ на другія мѣста старыя горы, поглощаетъ цѣлые города, поднимаетъ изъ нѣдръ моря новые острова, и рѣки совращаетъ съ прежняго русла. Въ 1538 году, у Неаполя поднялась изъ ровной земли, новая гора (*monte nuovo*) вышиною въ 67 сажень. Въ 1707 году, островъ Санторинъ въ Архипелагѣ, вышелъ изъ волнъ морскихъ. Многіе изъ Липарскихъ острововъ, одни погрузились на дно, а другіе появились на поверхности моря. Сицилія, по свидѣтельству Плинія, Виргилія и Овидія, соединена была съ Калабриєю, но неизвѣстнымъ намъ землетрясеніемъ отпоргнута отъ нея. Весьма также вѣроятно, что Гибралтарскій проливъ, и Дуврскій каналъ, занимали мѣсто неизвѣстной поглощенной обласпи. Сіе опустошающее явленіе природы происходитъ отъ горючихъ веществъ, кои отъ смѣшенія ихъ сами собою возгораются. Сей огонь раздражается воздухомъ и еще болѣе усиливается водою. Сила огня столь велика, и изверженія столь жестоки, что дѣйствіемъ своимъ производятъ землетрясенія. Крѣпкіе металлы превраща-

юпся симъ огнемъ въ жидкость, называемую лава, копорая при изверженіяхъ кипитъ, вздувается, восходитъ къ жерлу горы, и оплуда огненною рѣкою печетъ и испребляетъ все вспрѣчающееся на пути ея. Суевѣріе приписываетъ симъ еспесивеннымъ дѣйсвіямъ баснословное начало. Отверстіе Епны, Сицилійцы почиаютъ врагами ада, подземный шумъ и клокопаніе приписываютъ они спонамъ грѣшниковъ.

Не доходя Мессины, мѣстоположеніе небольшого городка Скалешы поражаетъ взоръ. Камень, имѣющій видъ сахарной головы, опниза до верху обспроенный домами, раздѣленный према спѣнами, представляется конусомъ, какъ бы нарочно поставленнымъ у берега моря. Здѣсь дѣлается славное масло изъ жиру маленькихъ ппичекъ Бекафиговъ и другихъ. 21 Октября прошли Фаро и съ умѣренными переменными вѣтрами, держа между Сициліею и Липарскими островами, при заходженіи солнца, 23 Октября, вошедъ въ Палермскую гавань положили якорь возлѣ Англинскаго корабля Помпея, на копоромъ былъ флагъ славнаго Конпръ - Адмирала Сиднея Смитта.

П А Л Е Р М А.

Не смотря на небольшой дождикъ, шопъ же часъ какъ бросили якорь, Офицеры, сво-

бодные опть должности, поѣхали въ городъ. Фонари, освѣщавшіе большую улицу, открытыя лавки и кофейные дома, иллюминированные лампами; спукъ корепъ и фаешоновъ, скачущихъ сквозь толпу пѣшеходовъ съ разноцвѣтными фонариками и факелами въ рукахъ (*) обращали ночь въ день и представляли прекрасное зрѣлище. По музыкѣ и пѣнію пошчасъ догадаться можно, что находишься въ одной изъ столицъ Италіи. Едва спутили мы нѣсколько шаговъ по набережной, какъ толпа полунагихъ мальчиковъ насъ окружила. Они предлагали намъ совсѣмъ неожиданныя по ихъ лѣтамъ услуги. Ни днемъ, ни вечеромъ не дають они иностранцамъ покою и дѣлають имъ самыя наглыя предложенія съ такимъ же покойнымъ духомъ и совѣстію, какъ у насъ въ госпиномъ дворѣ купцы спрашиваютъ проходящихъ: сахару, кофію не угодно ли?

Положеніе Палермы представляетъ самый живописный видъ. Она лежитъ на низкой, ровной долинѣ, обложенной въ дали холмами и горами, покрытыми вѣчною зеленью. На вершинѣ одной горы видѣнъ древній городъ *Монте-Реале*, на другихъ показывающіяся въ облакахъ загородные дома съ бесѣдками и бель-

(*) Въ 9 часовъ вечера, по распоряженію Палермской полиціи, жители не иначе могутъ выходить изъ дома, какъ съ фонаремъ или съ факеломъ.

ведерами, откуда богачи вельможи наслаждаются видами долины, города, гавани, кораблей и моря.

Тоledo и *Кассаро*, две главные улицы, на крестъ пересѣкающіяся, раздѣляютъ Палерму на четыре квартала. Первая начинается у морской набережной, и простираясь отъ востока къ западу около четырехъ верстъ, оканчивается у Королевскаго дворца гошическими воротами съ высокою надъ ними башнею, которая отъ набережной, въ узкомъ концѣ перспективы, кажется игрушкою, изображающею Китайскій домъ. Если кто хочетъ имѣть понятіе о прекраснѣйшей въ свѣтѣ улицѣ, то долженъ посмотришь въ Палермѣ *Тоledo*. На двухъ широкихъ линіяхъ, пересѣченныхъ площадью съ Арабскимъ водоемомъ, на мраморной и частію лавной мостовой, всѣ дома равной вышины съ террасами, украшены статуями и вазами цвѣтовъ. Сии, такъ сказать, воздушные на крышкахъ сады, вмѣстѣ съ поршиками и съ порфирными колоннадами, составляютъ такую совокупность, что одинъ взглядъ на фасады приводитъ уже въ изумленіе. Къ сожалѣнію крыльца, подъѣзды и сѣни наполнены толпами безобразнѣйшихъ нищихъ. Съ жалобными спонами преслѣдуютъ они всякаго, и неоправданность ихъ, рубища, покрывающія только нѣкоторыя части тѣла, дѣлаютъ опиврашительную съ первымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ противоположность.

Хопите ли имѣшь понятіе о внутреннемъ убранствѣ ихъ палатъ? Войдите со мною въ домъ Княгини де Буширо, богатѣйшей особы въ Палермѣ. Сводъ ворошъ унизанъ жемчужными раковинами и зеркалами; ночью, когда зажигается большая люстра, огонь, отражаясь отъ зеркаловъ, освѣщаетъ подъѣздъ самымъ яркимъ свѣтомъ. Фоншанъ съ фигурами Наядъ, Сиренъ и Трипоновъ, стояцій посреди двора, вымощеннаго бѣлымъ мраморомъ, открываетъ за собою перспективу парадной лѣстницы. Съ одной стороны небольшія статуи, поставленныя на столбикахъ бронзоваго балюстрада; съ другой мраморныя вазы, въ кои падаетъ вода въ видѣ кристальныхъ колпаковъ, привели меня къ портику, состоящему изъ четырехъ колоннъ чернаго мрамора съ золотыми искрами. Чрезъ огромную дверь вхожу въ средній этажъ. Крупный Тосканскій мозаикъ украшаетъ стѣны, полъ и потолокъ обширной залы. Впоруя комната убрана желтымъ атласомъ. Голубой бархатъ съ серебреною бахромою и кистями составляетъ убранство пріемной. За нею ронда. Посреди порфирнаго помоста, бассейнъ съ нѣсколькими ступенями внизъ, окруженъ серебреною рѣшеткою. Венера съ амурами и нимфами, составляетъ прекрасную группу фоншана, разливающего прохладу въ сей комнату, убранной малиновымъ бархатомъ. Потолокъ въ столовой, изображающій собраніе

боговъ на Олимпѣ, стоишь одинъ, какъ говоряшь, около 40,000 рублей. Лѣпная работа и живопись, богатая мебель, множество бронзы, фарфора и серебра останавливаютъ на каждомъ шагу (*). Наконецъ поворотивъ въ другой фасадъ дома, должно идти по длинной зеркальной галлерей къ небольшой круглой комнатѣ, занимающей мѣсто между первымъ и вторымъ дворомъ дома. Съ конца галлерей комната сія представляется въ видѣ храма, котораго зеркальный потолокъ, большія кругомъ окна и большое зеркало, утвержденное между двухъ лазуревыхъ колоннъ, шелковые ковры и нѣсколько ступенекъ для восхода, припнымъ образомъ поражаютъ зрѣніе. Въ семь послѣднемъ убѣжищѣ вкуса и роскоши приняла меня хозяйка, женщина лѣтъ около тридцати. Она еще и теперь хороша, а была, говоряшь красавица. Мнѣ подали парчевый табуретъ; я сѣлъ между ею и прекраснымъ столикомъ, на которомъ вмѣстѣ съ молишвенникомъ, лежали Метаспазіевы оперы, Боккачіо, Орлеанская дѣвственница и еще многія подобныя симъ книги. Мозаики и мозаическое рас-

(*) Достойно замѣчанія, что въ Италіи полы дѣлаются изъ композицій, которой по желанію даютъ всѣ роды цвѣтовъ, и которая, будучи покрыта лакомъ, дѣлается твердою какъ кремнь. Въ строеніе домовъ почти не входитъ лѣсъ: полы, лѣстницы всѣ мраморныя; рамы же большею частію бронзовыя.

нишіе также смиренно покоились между помадою, духами и другими подобными шому вещами. Въ Гепрурскихъ вазахъ курились Аравійскія благовонія. Высокой Арабъ и три прекрасныя служанки составляли ея прислугу. Тупъ еще былъ миловидный Баронъ, котораго рекомендовали мнѣ за домашняго друга. Онъ, не обращая вниманія на разговоръ нашъ, насвистывалъ извѣстную Арію: *se tu m'abandoni, mio dolce Amore!* я выпивъ чашку шоколада, поданнаго на золотомъ подносѣ и въ Японскомъ фарфорѣ, раскланялся, вышелъ; но воображеніе мое оспалось въ сихъ черпкахъ солнца, которыхъ великолѣпіе не успупило бы и самымъ богатымъ, воспочнымъ дворцамъ.

Фонтаны.

Въ центрѣ города находится прекрасный фонтанъ, сохранившійся отъ владычества Сарацыновъ, восемьдесятъ фигуръ безпрестанно бьютъ каскадами воду. Не лѣзя не сожалѣть, что площадь, въ срединѣ города находящаяся, очень не велика, а фонтанъ поставленъ въ углу оной. Фонтанъ на Королевской площади также имѣетъ прекраснѣйшую мраморную группу новѣйшаго рѣзца. Каждая площадь снабжена водоемомъ, въ каждомъ домѣ, въ каждомъ эшажѣ неумолчно слышно журчаніе и паденіе воды. Палерма не имѣетъ рѣ-

ки; (*) откуда же, спросите, берутъ воду? Въ 25 верстахъ отъ города, Срацины ископали на горахъ обширное водохранилище; нѣсколько ключей и дождей, бывающихъ здѣсь зимою, содержатъ его всегда полнымъ. Отсюда, помощію водопровода, прошекая подъ землею, вода очищается, дѣлается холодною и сообщается покрытымъ каналомъ въ городъ. Отъ фонтановъ, по законамъ Гидравлики, (что уголъ паденія равенъ углу отраженія) подымается вода и на самыя террасы. Вѣчное движеніе воды, стремящейся изъ пастей живописныхъ, рыбъ и чудовищъ, въ серебряныхъ переливахъ, въ видѣ сноповъ и пирамидъ, дѣлая удовольствіе взору, въ жаркомъ климатѣ, въ полдневный зной доставляетъ истинную опраду. Въ ясный день солнечные лучи, касаясь падающихъ кристалловъ, производятъ прекрасныя радуги. Когда же ночью спавяшъ позади воды плоски, то онѣ горятъ разноцвѣтными огнями.

Церкви.

На всякой улицѣ монастырь или церковь, но ни одной нѣтъ посреди площади, гдѣ бы можно было видѣть всю красоту ихъ. Наружность большею частію готической архи-

(*) Ручей Орето, текущій по южную сторону города, большую часть года не имѣетъ воды.

пекшуры; внутри же самый изящный вкусъ соединенъ съ удивительнымъ великолѣпіемъ. Портикъ Соборной церкви украшается колонадою и статуями чепырехъ Евангелистовъ. Въ притворъ, изъ двухъ прекрасныхъ водоемовъ, неумолкаемо журчатъ кристальныя воды. Вошедъ въ храмъ, при первомъ взглядѣ, удивляешься богатству. Открытые алтари съ серебряными и бронзовыми колоннами; обширные своды и хоры церкви, поддерживаемые гранитными столпами; порфировые гробницы Королей и Вицеровъ; прекраснѣйшая живопись образовъ; множество эмали, золота и мраморовъ составляютъ вмѣстѣ чудное величїе. Тутъ взоръ блуждаетъ, душа чувствуетъ священный восторгъ. Гажини, почитаемый Мишель-Анжеломъ Сициліи, украсилъ хоры соборной церкви прекраснѣйшими статуями, недоспашокъ оныхъ состоишь только въ томъ, что, они поставлены высоко, и отъ того кажутся малыми. Мощи Св. Розаліи въ золотомъ ковчегѣ, также кости Св. Петра и рука Іоанна Крестителя хранятся здѣсь на главномъ алтарѣ, который украшенъ двумя колоннами въ 15 футовъ вышиною изъ чистаго лаписъ-лазури. Въ сокровищахъ храма сего показываютъ крестъ, принесенный въ даръ Св. Розаліи однимъ Испанскимъ Королемъ, оный осыпанъ брилліантами, изъ коихъ нѣтъ величины необыкновенной.

Послѣ соборной, по богатству своему и украшеніямъ, можешь почестся второю цер-

ковъ Св. Филиппа. Музыкальная зала обращаетъ на себя вниманіе. Она имѣетъ особый входъ и занимаетъ съ правой стороны всю длину церкви. Галлерея вокругъ залы поддерживается колоннами розоваго цвѣта. Хоръ, подобный круглому храму, стоитъ особо въ концѣ залы; полукуполъ его, лежащій на широкомъ карнизѣ, утвержденъ на двухъ рядахъ колоннъ. Сводъ хора изображаетъ лазуревое небо. Богоматерь въ облакахъ представлена въ такомъ положеніи, что проспирая руку внизъ, кажется нисходитъ съ неба. *Всевидающее око*, окруженное золотыми лучами, помещено въ противномъ отъ зрителей краю хора. Большое увеличительное стекло, обращенное къ востоку и находящееся сзади всевидящаго ока, принимаетъ лучи солнца, которыя отражаясь отъ зеркалъ, вѣланныхъ въ сводъ, разливаютъ ослѣпительный блескъ по всей залѣ. Оптическое дѣйствіе стекла, лазури и золота столь необыкновенно, что Божія Матерь съ парящими вокругъ ея Ангелами окружена истинно небеснымъ сіяніемъ. Ночью со внѣшней стороны увеличительнаго стекла спавшая лампы, и зала еще лучше, нежели днемъ, освѣщается. Художникъ, при сей замысловатой выдумкѣ, скрывъ музыкантовъ за карнизъ хора, соединилъ съ онымъ сводъ залы такимъ образомъ, что эхо, постепенно раздаваясь, доходитъ до слушателей, помещенныхъ внизу, въ такомъ удивительномъ

согласіи, что музыка и пѣніе кажутся сходящими съ небесъ.

„Какъ бы мнѣ хотѣлось послушать музыки въ этой прекрасной залѣ“ сказалъ я выходя опшуда. Учпивый, пучный, распрысканный духами Прелапъ подалъ мнѣ билетъ на орапорію, назначенную въ день Рождества. Она началась громкою симфоніею, посшепенно ослабѣвающею, и когда почти утихла, тогда опдаленное пѣніе, сопровождаемое гобоями и флейтами, досшигаетъ до моего слуха; я ищу глазами опкуда оно исходитъ, и между пѣмъ какъ оно приближается явспвенно слышу: *слава въ вышнихъ Богу*. Это поэтъ хоръ Ангеловъ, обращаю къ небу глаза, вижу Ангеловъ, изображенныхъ на куполѣ, не удивляюсь болѣе согласному пѣнію и радуюсь, что силы небесныя сполько мнѣ близки. Прекрасное хорное пѣніе волхвовъ: *пріидите поклонися*, послѣ восхищительнаго пѣнія Ангеловъ, не произвело почти ни какого надо мною впечатлѣнія. Волхвы умолкли—и одинъ нѣжный, сладостный голосъ восхищилъ вновь мои чувсшва; не смѣю пошевелишься, не смѣю перевести дыханія—душа и взоръ обращается къ небу—вслушиваюсь и не досшигаю, какъ смерпный можетъ соединять споль согласные звуки съ такою неизъясною выразишельноспію и нѣжноспію. Не могу прибрать выраженія, что бы сказать что нибудъ о семъ неподражаемомъ голосѣ молодой монахини, которая, не взирая на недавное и глубокое впечатлѣніе, произведенное

Ангельскимъ пѣніемъ, восхитила всѣхъ слушателей новыми умилишельнѣйшими звуками. Всѣ головы невольнымъ движеніемъ обратились къ хору; но она кончила: кончилось все, и я, выходя изъ залы, исполненный благоговѣйными чувствованіями, сказалъ самъ себѣ: *Хвалите Господа въ тимпанѣ, гуслехѣ и органехѣ*, ибо ничто такъ сильно не возвышаетъ душу, какъ музыка и подобное пѣніе.

Не только лучшія церкви, но и малыя часовни украшены трудами искуснѣйшихъ художниковъ. Рафаель, Мишель-Анжело, Корреджіо, даже и въ копіяхъ показывающіяся необыкновенными пвореніями искусства живописнаго. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ копію *Рождества*, гдѣ Корреджіо окружилъ младенца Іисуса неподражаемымъ свѣтомъ, я остановился въ изумленіи при образѣ: *снятія со креста*. Одинъ неизвѣстный копистъ столь удачно списалъ сей образъ съ подлинника, что и самые знамоки не могутъ оплечить копіи опъ оригинала. Тѣло Іисуса, какъ человека, являетъ истинную смерть. Богоматерь, на колѣняхъ коей положенъ Спаситель, наклонила къ нему свою главу и распростирила въ опраянніи руки; одно сіе положеніе потрясаетъ уже душу. Сильная горестъ, изображенная на упомянутомъ лицѣ Божіей Матери, изсушила ея слезы, и онѣ опъ чрезмѣрной скорби не текутъ уже болѣе изъ полузакрытыхъ очей ея. „Какъ исполну, говоришь дю Папи, не возможно дѣлать малые шаги, такъ и Мишель-Анжелу не

возможно было избрать что нибудь посредственное.“ Воображеніе его предсказало ему Богоматерь въ томъ самый моментъ, когда при видѣ язвъ и смерти, покрывающихъ плѣхо ея сына, съ спѣсненнымъ сердцемъ вопіетъ она: “ увы мнѣ! свѣтъ мой и радость моя во гробъ зайде. Чадо мое и Богъ мой! прорцы слово да спогребуся шебѣ (*). „И здѣсь, на семъ образѣ, лице Божіей Матери изображаетъ еще болѣе, нежели она сказала. Два Ангела, сидящіе у ногъ, рыдаютъ; слезы ихъ капающія крупными жемчужинами, и рыданія сіи, глубокая печаль Богоматери, смерть Спасителя, привлекая взоръ, поражая чувства, извлекаютъ невольно слезы изъ глазъ зриателей. Если бы Мишель-Анжело написалъ одинъ только этотъ образъ: то и тогда имя его дошло бы до позднѣйшаго потомства.

Въ Кармелинскомъ монастырѣ образъ, закрытый занавѣсомъ, возбудилъ мое любопытство. Отдернувъ покровъ, смотрю, удивляюсь и спрашиваю, что это такое? Монахъ, улынувшись, отвѣчалъ: святая Женевиѣва. Хорошо дѣлаете, что закрываете ее, сказалъ я, опуская занавѣсъ. Вольтеръ Италіанскихъ Артистовъ, кажется, уже переходилъ черту пристойности и должнаго уваженія къ изображеніямъ святыхъ. Въ католическихъ церквахъ много такой живописи,

(*) Смотри плачъ Богородицы.

отъ которой набожные отвращають взоръ; а прочіе съ удовольствіемъ долго и пристально смотрѣть на нее будутъ. Марія Египетская, Богоматерь питающая младенца Иисуса, Св. Тереза и Ангелы, суть копіи Греческихъ Венеръ и Амуровъ. Однако я видѣлъ въ образѣ *Благовѣщенія* красоту и непорочность дѣвы, истинно божественную; въ образѣ же *Успенія*, изображенномъ альфреско въ куполѣ церкви монашья Св. Цециліи, истинныхъ Ангеловъ. Всѣ они вообще прелестны и между ими есть такіе маленькіе, что большіе подають имъ руку, дабы они могли за ними слѣдовать. Это производитъ пріятное впечатлѣніе. Сожалѣешь, что нѣкоторые, возносясь выше и выше, скрываются уже въ облакахъ.

Въ церкви Св. Франциска образъ *Ангела Хранителя*, безсмертной кисти Рафаеля, показывають за рѣдкость. Одежда Ангела, бѣлѣйшая снѣга и свѣтъ, окружающій его, не подражаемъ; взоръ его кажется дышетъ жизнію и во всѣхъ чертахъ его видно божество.

Монахи.

Въ Италіи иностранцы удивляются великому числу монаховъ. Особенно въ Мессинѣ такъ ихъ много, что на улицахъ, въ садахъ и на гуляньяхъ надобно искать между ими свѣтскихъ людей. Причиною такого ихъ множества суть государственныя постановленія.

Поелику воспитаніе дѣшей обоого пола предоставлено духовенству, и такъ какъ воспитанники и воспитанницы носятъ обыкновенно черныя рясы, то число монаховъ и монахинь по наружности опъ того увеличивается. Преимущества духовенства чрезмѣрны. Въ Сициліи судъ и расправа большею частію въ рукахъ Аббатовъ. Богатыя монастырскія помѣстья не плащятъ никакихъ повинностей. Монахи не только лично, но даже родственники ихъ, ш. е. цѣлыя семейства, избавлены опъ всякихъ податей. Дворянскія фамиліи, не имѣющія въ родѣ своемъ ни одного члена, посвятившаго себя служенію церкви, покупаютъ привиллегію опъ безроднаго монаха. Нѣкоторыя приходы и даже частныя дома имѣютъ право *салвогардіи*, право, по коему убійца съ дымящеюся еще на рукахъ своихъ кровію, скрывшись въ церковь, или одинъ изъ такихъ домовъ, избѣгаетъ наказанія гражданской власти. Сіи монахи, обладая великимъ богатствомъ, имѣя всѣ средства весели споконную и роскошную жизнь, опрекшись опъ свѣща въ юношескихъ лѣтахъ, будучи безбрачны и по обыкновенію приняшы во всѣхъ домахъ благосклонно, часто дѣлаютъ величайшія разстройства въ семействахъ, гдѣ они весьма скоро умѣютъ сдѣлать себя необходимыми. Каждый порядочный домъ имѣетъ своего духовника и *Аббата - наставника*, которые входятъ во всѣ домашнія распоряженія: воля главы семейства находится большею

частію въ ихъ рукахъ. Щедрія ихъ подаянія нищимъ, вмѣсто добра, производящъ величайшее зло, умножая до чрезмѣрности классъ сихъ несчастныхъ тунеядцевъ.

Нищіе.

Безобразные получеловѣки--нищіе--бродящъ и ползающъ здѣсь паками толпами, что сей часъ родился вопросъ: отъ чего такъ ихъ много? Набожность здѣшнихъ Каполиковъ, почишающихъ первѣйшею добродѣтелію не отказывать просящему милостыни, сдѣлали нищенство прибыточнымъ ремесломъ. Вообще большая часть народа, по извѣстному въ Италіи выраженію, *il Dolce, fare niente!* работаетъ ни больше, ни меньше, сколько надобно, чтобы не умереть съ голода, на что при изобиліи и дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ потребно очень мало; но чтобы не работать и ничего не дѣлать, въ чемъ Италіанская чернь полагаетъ все свое счастіе, нищіе съ намѣреніемъ расправляютъ у себя на тѣлѣ раны, радуются, если сдѣлались онѣ неизлѣчимыми, и въ семъ случаѣ состояніе нищаго несравненно лучше обезпечено, нежели трудолюбиваго поденьщика. Всего непріятнѣе видѣть ихъ на морской набережной, куда лучшее общество передъ вечеромъ выходитъ для прогулки: тушъ открываютъ они застарѣлыя раны, исковерканные члены, снѣдаемые насѣкомыми, покры-

тые грязью и опшрапительною нечисптою; жалобными, спрадальческими воплями вымучивають они подаяніе. Нижнія жилья большихъ домовъ, изъ челоѡколюбія, оспавляющся для убѣжища сихъ *мззароновъ*; но они ночью, и даже въ дурную погоду валяющся по улицамъ и скрываются въ поршикахъ и подѣздахъ. Одинъ разъ, идучи въ *пеапръ*, подалъ я нищему полпалера; бывшій со мною Англинскій Офицеръ сказалъ; конечно вы не знаете, что сіи несчастныя существа не имѣють нужды въ подаяніи; я могу васъ увѣришь, потому что знаю это по опыту. Одинъ нищій казался мнѣ совсѣмъ умирающимъ; вынувъ Испанскій дуплонъ (32 палера) спросилъ я у него: если у тебя сдача, такъ вошь тебѣ палеръ. Казалось прежде едва могъ говорить онъ, а шупъ твердымъ голосомъ просилъ меня дойти до его жилища, и когда я согласился, то побѣжалъ впереди меня, хопя за минушу предъшѣмъ, ноги у него были ужасно скорчены. Еще болѣе удивился я, когда эптоу нищій вынесъ изъ своего подземелья чешыре довольно большихъ мѣшечка полныхъ червонцами. Здѣсь есть такіе, которые собирають по десяти тысячъ червонныхъ и болѣе: недавно одинъ изъ нихъ передъ смертію опказалъ своей дочери 10,000 палеровъ, а 5.000 положилъ на украшеніе церкви своего прихода.“

П л у т ы.

Здѣсь почти каждый день находятъ, по

убишыхъ, шо убійць. Воровство предоспавлено черни, а убійства производятся порядочными людьми. Плумы изъ сословія лазароновъ, составляютъ другой классъ нищихъ. Ихъ раздѣлить можно на плумовъ, убійць и такъ называемыхъ благоразумныхъ разбойниковъ. Первые, подъ именемъ Бароновъ безъ баронствъ, всегда хорошо одѣшы. Въ кофейныхъ и каршежныхъ домахъ, въ театрахъ и вездѣ смѣются обманывающъ они другъ друга, и если удася имъ выпашить часы у иностранца, шо похваляющся эпимъ шочно такъ какъ бы сдѣлали доброе дѣло. Дерзость ихъ не вѣроятна. Одинъ разъ когда шелъ я къ Министру обѣдашь, вспрѣтился со мною такой Баронъ верхомъ на прекрасной лошади, сказавъ, что онъ при дни не ѣлъ, просилъ у меня на шоколадъ; я предложилъ ему идти на мою кварширу, гдѣ не только могу накормить его, но надѣюсь сдѣлать ему нѣкоторую помощь; плумъ примѣшивъ, что одна рука была у меня ранена и на перевязкѣ, какъ бы въ знакъ благодарности, сжавъ крѣпко другую, началъ обыскивать мои карманы, выпашилъ шалеръ, далъ шпоры и ускакалъ.

Нищій, ожесточенный сердцемъ, еще имѣющій шѣлесную силу, среди дня не успѣвъ украсъ пошихоньку, часто убиваетъ человека, не находя у него въ карманахъ ни копѣйки. Кинжалы сихъ убійць служатъ тайному мщенію за весьма умеренную плату. Отъ нихъ должно очень остерегаться, и пошому

даже съ позволенія правительства, многіе носяшъ пистолеты и палки съ кинжалами. Здѣшняя чернь почиаетъ воровство проворствомъ; посторонніе, если и видяшъ, никогда не мѣшаютъ: это проворство стоило жизни лучшаго изъ мапрозовъ нашихъ. Воръ, выдернувъ изъ кармана плапокъ, побѣжалъ по улицѣ; другой, споявшій за угломъ дома, поразилъ мапроза кинжаломъ въ сердце. Убійца скрылся въ монастырь, имѣющій право салвогардіи. Полицеймейстеръ ничего не могъ сдѣлать, но по ходатайству Министра нашего, Король приказалъ выдать убійцу; а монахи выпустили его и дали способъ уйти, за что лишены сего права. Эша необыкновенная спросъ удивила духовенство, и Гвардія послѣ сраженія съ разбойниками привела всю шайку ихъ и съ Ашаманомъ.

Послѣдній классъ, благоразумные разбойники, сославляющъ многочисленное сословіе. Разсѣянные по всему острову, они повинуются Ашаману; нынѣшній, подъ именемъ Графа, скорымъ и неукоснительнымъ мщеніемъ приводилъ всѣхъ въ трепетъ. Онъ до того разпространилъ власть свою, что покупали у него предохранительные билеты, съ которыми въ городъ, въ дорогъ и въ замкахъ были уже безопасны. Пришѣсенные въ судахъ, доказавъ ему справедливость своего дѣла, также получали удовлетвореніе. Судью убивали на улицѣ или оправляли ядомъ; въ первомъ случаѣ обыкновенно приказывали къ кафану его за-

писку, за что онъ убитъ, и большею частію Лаконическимъ словомъ: *за взятки!* словомъ, излишняя власть дворянства, ненаказанность ихъ преступленій, медленность и трудность правосудія, воздерживалась карашельнымъ кинжаломъ его Ашамана. Правишельство, слишкомъ слабое и крошкое, кажется, не имѣетъ уже ни силы, ни воли испребитъ столь глубоко вкоренившееся зло. Хотя во всѣхъ округахъ содержица доспапучное число *Сбировъ*, такъ называемыхъ полицейскихъ сыщиковъ; но объ нихъ только при слова: они богаты, толсты и лѣнны.

Сады.

Флора, публичный садъ, составляетъ наилучшее украшеніе Палермы; двумя проспектами раздѣляется онъ на четыре куртины. Одна представляетъ нѣсколько острововъ съ бесѣдками, и разныхъ видовъ Кишайскими мостиками. Другая, Англинской садъ, гдѣ дубы, кипарисы, плашаны сочешаны съ плодови-тыми деревьями и благоухающими кустами розъ, лаванды, лилей и ясминовъ. Третья, насаждена рѣдкими деревьями другихъ частей свѣта. Последняя куртина еще не кончена, она назначена для развалинъ. Восемь проспектовъ выходятъ изъ центра и въ концѣ ихъ видны бѣседки или какое либо иное зданіе; по сторонамъ оныхъ крышыя померанцовыя аллеи, множество цитронныхъ и апельсинныхъ деревъ, вмѣстѣ съ душистыми цвѣтами, наполняютъ воздухъ благовоіемъ. Въ центрѣ

сада, на осьмиугольной площади, обставленной клепками пѣвчихъ птицъ, и прекраснѣйшими сшашуями, стойтъ прекрасный фонтанъ, въ мраморномъ бассейнѣ коего плаваютъ золотыя рыбки. Другой фонтанъ, въ концѣ аллеи представляетъ *Панорму* (древнее названіе Палермы) въ видѣ коронованной женщины, у которой внизу орелъ (гербъ Сициліи) и эмблема вѣрности въ подножіи; древняя превосходной работы группа.

Въ день рожденія Королевы, садъ и городъ былъ иллюминированъ. Померанцовые проспекты являли взору темнозеленаго цвѣта сѣну, усыпанную блестящими звѣздочками, между которыми чрезъ нѣкоторыя разстоянія поставлены были пирамиды, горящія бѣлымъ огнемъ. Крышыя аллеи, увѣшанныя разноцвѣтными фонарями, изображали какъ на декораціи перспективу аркадъ. Фонтаны въ чистыхъ хрусталяхъ дробили розовые, синіе и фіолетовые огни. Вдали духовая музыка, вблизи грустная гармоника, и дамы въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ тѣни гуляющія въ Елисейскихъ поляхъ, представляли прелестное разнообразіе, и Флора была въ такомъ видѣ и убранствѣ, въ какомъ Спихошворцы описали намъ волшебные сады. На набережной многолюдство кипѣло подобно волнамъ моря. Кареты, фаетоны кружились, и едва могли двигаться смѣшавшись съ народною толпою, дома на набережной горѣли соединеннымъ огнемъ. Прекрасная Толедо украшена была прозрачными картинами. Палерма, объ-

яшая пламенемъ, казалось погибала. На каждомъ шагу, взоръ останавливался; но зритель ошъ шъснопы волею и неволею долженъ былъ идти впередъ. Галантерейныя лавки, модныя магазейны и кофейныя дома, находящіеся въ нижнихъ этажахъ, столь разнообразно освѣщены были, что Толедо являлась въ блистательнѣйшемъ своемъ видѣ. Лампы, граненныхъ хрусталей люстры, зеркальные подсвѣчники, шары съ водою, бросали свѣтъ свой на бронзы, серебро, искусно развѣшенные шкани, и вмѣстѣ съ разноцвѣтными фонарями, помѣщенными на сводахъ воротъ и на колоннахъ крылецъ и подъѣздовъ, дробя, преломляя, отбрасывая множество лучей, распространяли блескъ, и представляли миллионы свѣтилъ, какъ бы силою чародѣйства сведенныхъ сюда съ небеснаго свода.

Королевскій Ботаническій садъ, находящійся сзади Флоры, не обширенъ; но всѣ лѣкарственныя произведенія чешырехъ часпей свѣта въ немъ помѣщаются.

Палерма славится садами, она окружена ими, ни одна столица не можетъ похвалиться лучшими; принадлежащіе вельможамъ не уступаютъ въ великолѣпіи царскимъ. Они всѣ регулярны, подстрижены, наполнены статуями, водомедами, и вообще представляютъ болѣе блистательности, нежели пріятности. Домъ Дюка де Бельмонте, занимающій дикіе утесы при подошвѣ горы Пеллегрино у моря, скоро садомъ своимъ, разводимымъ въ Ан-

глинскомъ вкусъ, лишитъ славы прочіе чрезмѣру правильные сады.

Бегарія.

Бегарія, славная своими садами, отсшопитъ отъ Палермы въ 12 верспахъ и занимаетъ всю длину мыса Собрано, образующаго къ востоку Палермскій заливъ. Сіе-то мѣсто богатѣйшіе дворяне, какъ бы по общему плану, украсили чуднымъ смѣшеніемъ палащъ, древнихъ замковъ, пріумфальныхъ ворошъ, мавзолеевъ, бесѣдокъ и домиковъ всѣхъ родовъ архитектуры. Въ счастливомъ климатѣ, подъ яснымъ небомъ, сады Бегаріи всегда покрышы зеленью, цвѣтами и плодами. Прекрасная природа, раскрытая рукою вкуса и искусства, предспавляется здѣсь въ полномъ великолѣпіи.

Монастырь молганія, которой прежде всего показывающъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ обнесенъ стѣною съ чешырьмя по угламъ башнями. Спукнули кольцомъ, является приврашникъ съ тяжелою связкою ключей и молча опираетъ. Воропа скрипнули, и мы пройдя дворъ, взошли на крыльцо къ кельямъ. Въ корридорѣ, босый монахъ, въ вѣшхой рясѣ, подпоясанный волосянымъ поясомъ, взявшисъ за веревку колокола въ намѣреніи звонитъ, при появленіи нашемъ оспановился и обрашя къ намъ голову, смотритъ съ любопытствомъ. На поворотѣ, въ другомъ концѣ

корридора, служка въ свѣтской одеждѣ подмешаетъ полъ; но когда насъ увидѣлъ, поднимаетъ голову, опирается на щепку, и, кажется, удивляется нашему одѣянiю. Опводряютъ первую келью. Молодой монахъ, сидя за столомъ съ рюмкою вина и съ веселою улыбкою, кажется, подчиваетъ и подноситъ. Хочу взять рюмку, но рука его не разжимается: она холодна какъ ледъ—очарованiе исчезаетъ, и я вижу предъ собою восковой испуганъ. Разрѣзанный апельсинъ, гранаты и финики возбуждаютъ аппетитъ: беру, и чувствую въ рукѣ одинъ только воскъ. Во второй кельѣ старый монахъ лежа чиститъ. При входѣ нашемъ онъ тихо опводитъ книгу отъ глазъ и усиливается подниматься; но какъ при семъ его движенiи не возможно, что бы не сказать ему: *не безпокойтесь*, то онъ и остается въ томъ же положенiи. Въ третьей, *Елиза*, въ глубокомъ и сладкомъ размышленiи, съ перомъ въ рукѣ, сидитъ за письменнымъ столомъ. Сiе положенiе и прелестныя умильные черты лица, изображаютъ несчастную ея страсть. Въ четвертой кельѣ *умирающій Абелардъ*. Блѣдность лица и томный взоръ показываютъ человека, уже сплывшаго одною ногою во гробъ. Блѣдственная любовь его, кажется, еще не угасла. Правая рука его приложена къ сердцу. Монахъ, стоящій на коленяхъ съ распятиемъ предъ постелью Абеларда, чиститъ ему съ набожнымъ видомъ опходную. Сii восковыя сна-

пуи столь превосходно отработаны, что не лзя не ошибиться и не принять ихъ за живыхъ. Механизмъ, который приводилъ ихъ въ движеніе и пѣмъ дѣлалъ обманъ совершеннѣе, къ сожалѣнію, большею частію испортился.

Домъ *Княгиня Паторне*, величественной наружности. Въ немъ есть хорошія и даже рѣдкія картины. Въ первой залѣ собраны портреты Государей, покровительствовавшихъ наукамъ и художествамъ. Пробѣгая ихъ глазами, взоръ мой остановился на лицѣ величайшаго изъ Царей. Вотъ нашъ ПЕТРЪ! невольно воскликнулъ я, и всѣ Рускіе, сколько насъ шутъ было, подошли къ портрету, усмотрѣли на него благодарные взоры, и ничего, кромѣ лица Его, не видали въ этой залѣ. Въ другой, три картины во всю длину и высоту стѣны, представляютъ сраженія при *Граникѣ*, *Иссѣ* и *Арбеллахъ*. Нѣсколько фигуръ въ настоящей росѣ изумляютъ своею живостию. Александра Великаго можно узнать по легкому шишаку; лошадь его имѣетъ жизнь; она скачетъ, хвостъ и грива летятъ въ воздухъ. Не лзя смотрѣть безъ содроганія какъ Скиѣская конница врубаются въ Греческіе ряды, и какъ Македонская фаланга опрокидываетъ Персидскую пѣхоту. Ужасное кровопролитіе изображено съ удивительною точностию. Потребно нѣсколько дней, чтобы разсмотрѣть всѣ картины со вниманіемъ. Я упомяну только о самыхъ лучшихъ. 1. *Венера* и

Марсѣ предспавлены въ то время, когда *Вулканѣ* намѣреваются покрыть ихъ сѣткою. Не возможно постигнуть какими красками живописецъ изобразилъ прелести богини любви. Алая уста ея, кажется, дышуть розами. Смѣсь снѣдливости и спраси видны во всѣхъ чертахъ лица ея; она слабо оппалкиваетъ опъ себя рукою *Марса*. *Марсѣ*, прекрасный мужчина, стоить передъ *Венерою* на одномъ колѣнѣ, и наклонившись. Шлемъ, сброшенный въ поропахъ, еще капится по правѣ. Не лзя не позавидовать этому счастливому богу. *Амурѣ*, прислонившись къ дереву и слегка опершись правою рукою на колѣно, съ хитрою улыбкою указываетъ пальчикомъ лѣвой руки на уголь картины, и въ тѣни показывается голова ревниваго *Вулкана*. Стоишь и ожидаешь, чѣмъ кончится такая неприятная встрѣча. 2. *Арлида* подъ тѣнію дерева покоится съ *Ринальдомъ*. Картина небольшая, но прекрасная. Въ жаркой день пожелаешь бытъ въ этой прекрасной рошѣ и на берегу этого ручья. 3. *Спящая красавица*, неосторожно раскрывшаяся, всегда будешь привлекать взоры, а можешь бытъ и руки зрителей. 4. Въ *Вернетовой* картинѣ море волнуется, пучи бѣгутъ; но безобразные его корабли почти неподвижны. 5. *Виргилій* напрягаетъ послѣднія силы души и пишетъ себѣ эпитафію. 6. *Взятіе Мессины*, большая картина. Буря, утопающіе и горящіе корабли представлены столь естественно, что кажется

самъ находишься въ опасности. 7. *Мазаньелло*, простой рыбакъ, предводителъ недовольныхъ, въ красномъ колпакъ своемъ, опличается отъ прочихъ бунтовщиковъ. Испупленіе въ его глазахъ и кинжалъ въ рукѣ показывающъ чего ожидать отъ него должно.

По близости дома Княгини Папорне увидѣли мы принадлежащее *Князю Палагонію* чудное зданіе или лучше замокъ, окруженный невысокими стѣнами, на коихъ поспавлены уродливыя спашуи; не возможно пройши мимо ихъ и не разсмѣяшся. Лошадь съ бычачьею головою, осель съ головою Индѣйскаго пѣпуха, Арлекинъ, Квакеръ и Французъ въ модной одеждѣ; Царь Мидасъ съ ослиными ушами; и наконецъ человѣческая фигура съ волчьимъ рыломъ, въ мундирѣ и въ преугольной шляпѣ, споль похожая (*), что не лѣзя ошибиться чье это изображеніе. Ворота замка сего и площадка предъ домомъ успавлены уродливыми изображеніями всякихъ живошныхъ, какихъ нѣтъ въ природѣ. Парадная лѣспница прекраснѣйшаго Сицилійскаго мрамора, ведущая въ домъ, украшена фамильными бюспами. Въ первой комнатѣ пошолокъ составленъ изъ чепырехъ большихъ зеркалъ, соединенныхъ

(*) На того волка, который лютостію своею и смѣлымъ хищничествомъ наводилъ тогда многимъ народамъ страхъ и ужасъ, а теперь пойманъ и лишенъ средствъ вредить.

углами, шакъ что когда войдутъ пять человѣкъ, то вверху показывается ихъ двадцать. Всѣ двери дома выложены битыми зеркалами, перемѣшенными съ хрусталемъ; всѣ стекла разноцвѣшныя: синія, зеленыя, красныя, желтыя и фіолетовыя. Другая комната украшена Кишайскаго фарфора колоннами; нѣкоторыя изъ нихъ соспавлены изъ разбишыхъ чайниковъ, кофейниковъ, чашекъ и даже горшковъ. Мраморные столы распещрены стекломъ, черепахою, перламутромъ и даже дорогими камнями. Весь домъ наполненъ пресмыкающимися, демонами, уродливыми куклами, изъ фарфора и разныхъ цвѣтовъ мраморовъ сдѣланными. Словомъ, волшебный сей замокъ представляетъ не только Овидіевы превращенія и любовныя приключенія языческихъ боговъ, но чудныя мечты разспроеннаго воображенія и наконецъ одну изъ нихъ самую нелѣпую: большая голова на пощемъ шуловищѣ, верхомъ на крокодилѣ, плыветъ чрезъ проливъ къ острову, и тащитъ за собою на веревкахъ флопилю уродливыхъ лодокъ! Но что меня болѣе всего удивило, то это церковь сего чудака хозяина. Первый предметъ, который изумитъ вошедшаго въ оную, есть представленіе ада, гдѣ изуродованные болваны валяющся, жарящся на огнѣ или повѣшены за ребра. Въ раю Св. Розарія представляетъ главную фигуру, по сторонамъ ея Христось и Богородица, а выше полуангелы и полудемоны. Посреди церкви поспавлены чешыре крылашыхъ живошныхъ, озна-

чающихъ какъ мнѣ сказывали четырехъ Эвангелистовъ. На плафонѣ, къ деревянному Распятію, повѣшенъ на веревкѣ Св. Францискъ, а къ ногамъ Свяшаго поддѣлано паникадило. Не понятнo, какъ такія вольности, особенно между Каполиками, терпитъ правительство.

Осваивая домъ странностей, садъ, въ которомъ мы вошли, начинается виноградною крышею аллею, гдѣ по бюстамъ можно познакомиться съ знаменитыми Греками, Римлянами, Папами и Королями. Обширный садъ сей представляетъ чудную роскошь, великолѣпіе и порядокъ. Вездѣ аллеи идутъ прямыми линіями. Бесѣдки, сдѣланныя изъ кипарисныхъ деревьевъ, лѣтніе домики, искусственныя развалины, грошны и подземелья, все сходящее въ симметріи. Узорчатые цвѣтники съ фонтанами, шары, конусы, пирамиды изъ обсприженныхъ деревьевъ упоминаютъ взоръ. Цѣлыя шпалерныя аллеи вырѣзаны гирляндой. Единообразіе и неестественный видъ предметовъ дѣлаютъ то, что въ регулярномъ саду, сколь бы онъ великъ ни былъ, стоишь только взглянуть на одну сторону и все увидишь; стоишь сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и не зачѣмъ идти далѣе. Въ такомъ саду не лѣзя наслаждаться удовольствіемъ прогулки; ибо утонченное искусство, обезображивающее природу, не можетъ поражать воображенія, когда на всякомъ шагу видишь одинъ великой и бесполезной трудъ.

Ворота, которыхъ сводъ началъ уже разрушаться, обращающъ на себя вниманіе своею древностію. Два изъ чернаго мрамора льва лежащъ по обѣимъ сторонамъ ворошъ, и изъ отверстныхъ ихъ наспей обширнымъ жерломъ течетъ вода. Чрезъ сіи ворота входимъ мы въ Англинскій садъ. Множество дорожекъ, усыпанныхъ пескомъ и пробитыхъ на травѣ, сѣпляясь и пересѣкаясь во всѣхъ направленіяхъ, идутъ по долинамъ и холмамъ. Плодовитыя деревья, до которыхъ не прикасались ножницы, въ смѣшеніи съ дубами и пополами, представляли для насъ, жишелей сѣвера, такое зрѣлище, что мы почтили себя перенесенными въ страну очарованія. Лимонныя и апельсинныя деревья наполняютъ воздухъ своимъ ароматомъ; фиговые и миндальныя обременены плодомъ. Перешедъ ручеекъ, едва текущій по песку, увидѣли мы шумящій ключъ, который бьетъ съ стремленіемъ изъ подъ корня утлаго пня. Въ этомъ саду, кажешся, нѣтъ ничего поддѣльнаго; природа, въ полномъ своемъ величествѣ, щедрою рукою предлагаетъ дары свои, и душа, теряясь въ наслажденіяхъ, встрѣчаетъ каждый предметъ съ новымъ удовольствіемъ. Тутъ на каждомъ шагу думаешь остановиться и все идешь далѣе.

Взошедъ на горку, покрытую дубами, кедами и орѣшникомъ, увидѣли мы овощникъ, а за нимъ прямой померанцовой проспектъ, въ концѣ котораго, какъ въ волшебномъ фо-

нарѣ, показываепися маленькой съ зеленою крышею домикъ. Мы спустились съ горы и пробѣжали проспектъ. Домикъ свѣтлой, чистой, стойишь на площадкѣ, испещренной цвѣтами. Предъ скромнымъ его фасадомъ фонтанъ бьетъ воду въ видѣ снопа. Нѣсколько проспектовъ отъ домика, какъ отъ центра, ведутъ въ разныя стороны. Мы избрали яминную аллею и пришли къ мраморному бассейну. Четыре обнаженные *Нилфы*, замѣшивъ Сапира, выглядывающаго на нихъ изъ за розоваго куста, погружающся въ воду; но въ робкомъ замѣшательствѣ, становясь одна за одну и какъ бы чувствуя, что прозрачная вода не можетъ скрыть ихъ, обращающся къ Сапиру спиною и тѣмъ еще болѣе ракрывающся съ переди. Это прелестное замѣшательство изображено такъ хорошо, что кажется самый мраморъ краснѣетъ. Въ другомъ бассейнѣ прекрасная *Вакханка* подаетъ въ раковинѣ пить чудовищу. Весь этотъ садъ наполненъ фонтанами, въ которыхъ не игра воды, но прекраснѣйшія статуи обращающъ на себя вниманіе. Тутъ цѣлая Миѳологія Боговъ и Богинь; отъ множества ихъ и воды и лѣса кажущся одушевленными. Тамъ Трифоны, Сирены и Наяды плещущся въ кристаллахъ; тутъ Панъ, Нимфы и Амуры покоящся въ тѣни или играютъ на муравѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлали бы честь и Греческому рѣзцу. Я упомяну о тѣхъ только, кои болѣе мнѣ понравились. 1. *Далфна*, преслѣдуемая *Аполонои*, бѣжитъ

между лавровыхъ и миртовыхъ кустовъ, цѣпляется и падаетъ. Аполлонъ спѣшитъ и скоро еена спигнетъ. Бѣдная Дафна! по страху, изображенному на лицѣ швоемъ, вижу, что еслибы ты была живая, то лучше бы выбрала эту бѣдную дорожку, а не бросилась бы въ кусты, которые изорвали швое плашье и такъ немилосердно исцарапали ноги. 2. *Дѣвушка*, въ корешкомъ и легкомъ плашѣ, танцуя съ бубномъ въ рукахъ, оспановилась въ самомъ лучшемъ положеніи. Мраморъ. эпошъ кажется прозрачнымъ. Складки плашья и покрывала такъ хорошо опускаются, что, раскрывая всю стройность спана, показываютъ и всю гибкость шѣла. 3. *Леда и лебедь*. Работа, искусиво чрезвычайное! взглянувъ на Леду, захочешь обратишься въ лебедя.

По шуму воды пришли мы къ прекрасному водопаду. Онъ пущенъ съ дикой скалы, на которой видны изрѣдка кривыя деревья. Низвергаясь съ ужаснымъ спремленіемъ, раздробляется онъ въ брызги, кипитъ, несетъ одною пѣною; но протекая далѣе, кашитъ съ тихимъ журчаніемъ. Пробираясь по берегу сего ручья, на каждомъ шагу встрѣчали мы новые предметы. Тутъ полусохшая маслина стояла надъ вросшими въ землю развалинами; тамъ *Нептунъ* плылъ въ своей раковинѣ, а тамъ на холмѣ густая шумба деревъ осыпала гробницу; плачущій Геній осыпалъ ее цвѣтами.

Уже солнце зашло, и мы, не осмошрѣвъ и преша садовъ, принуждены были оставишъ прогулку. Возвращаясь къ коляскамъ, прошли сахарную плантацію и поле хлопчатой бумаги; перебрались чрезъ Китайской мостикъ, которой соединяешъ двѣ искусственныя горки одною аркою, и наконецъ взглянули на храмъ славы, стоящій на обрывистой скалѣ мыса Собрано, у подошвы коего шумишъ море.

П л а в а н і е о т ъ П а л е р м ы д о М а л ь т ы.

6-го Ноября, не безъ сожалѣнія оставили мы столицу, гдѣ богатство, роскошь, празднoлюбіе и нищета, представляюща въ спрaнной совокупности. Въспры переменныя и тихіе благопріятствовали нашему плаванію. 7-го въ вечеру, мы находились въ проливѣ между Египтскими островами и Сициліею. Островъ Маришмо съ замкомъ, куда ссылающа преступники, напоминаетъ о казняхъ ужаснѣйшихъ, о мученіяхъ лютейшихъ. Одни, какъ увѣрять нашъ лоцманъ Неаполишанецъ, осуждены сидѣшъ на бревнѣ и надъ водою, другіе опускающа въ подземелье; иныя, опредѣленные къ голодной смерти, закладываются живые въ спѣну; опщевубійцы бросаются въ море на растерзаніе Акуламъ. Чадъ Французской революціи, заразившій Неаполишанцевъ, наполнилъ замокъ Маришмо цѣлыми семействами Якобинцевъ, изъ коихъ большая часть погибла,

и не многіе, по возстановленіи порядка, возвращились въ свѣтъ. Мученіе пытки, четвертованіе, колесованіе, расперзаніе на хвостѣ лошади, не уменьшали преступленій. Приговоры Уголовнаго Суда Неаполитанскаго Королевства представляютъ злодѣянія неимовѣрныя. Одна Палермитанка, извѣстная подъ именемъ *Адской вѣдьмы*, изъ бѣлиль извлекала ядъ, не оставляющій на тѣлѣ никакихъ признаковъ. Она торговала онымъ въ продолженіи 40 лѣтъ, наконецъ открылось ея злодѣяніе. Жена, желая оправдать мужа, положила ядъ въ макарони, посшавила ихъ на столъ, и сказавъ, что она уже опобѣдала, пошла въ другую комнату. Оставшись наединѣ ужаснулась она преступленія и хотѣла предупредить оное; но вбѣжавъ въ залу, увидѣла, что единственныи сынъ ея, 10 лѣтнее дитя, съѣлъ уже половину тарелки, она схватываетъ ребенка, падаетъ на полъ безъ чувствъ, открываетъ глаза и видитъ сына, въ мучительныхъ конвульсіяхъ, испустившаго духъ на рукахъ ея. Несчастная мать признаетъ свое злодѣяніе и пребываетъ смерти. Старуха, давая ей ядъ, въ судъ подала списокъ 5,000 человекъ, такимъ образомъ оправленныхъ ею.

Городъ Трапани, гдѣ Еней лишился отца своего Анхиза, споймъ на низкомъ мысѣ, за нимъ Марсала и Мадара, окруженные зелеными горами, и моремъ, изобилующимъ кораллами и жемчугомъ, представляютъ взору пріятныя виды, гдѣ рѣдкое изобиліе земли соединено съ

чуднымъ богатствомъ моря. 9-го Ноября крѣпкой ошъ юго-востока вѣтръ принудилъ насъ лавировать, и бысть въ оспорожности ошъ весьма опасныхъ подводныхъ камней, Сквересбъ называемыхъ, лежащихъ посреди моря между Сициліею и Африкою и невѣрно положенныхъ на карту. На камняхъ сихъ 11 футовъ глубины, по чему въ тихую погоду малыя суда проходяшъ чрезъ нихъ безъ вреда. 11-го Западный горизонтъ покрылся тучами, облака обратились къ намъ, два сильныхъ вѣтра сражались; во ожиданіи, чѣмъ оное кончится, мы убавили парусовъ; скоро попутный съ дождемъ и громомъ вѣтръ превозмогъ, и обратился въ бурю. Какъ мы уже были близко Мальты, то на ночь легли въ дрейфъ. На разсвѣтъ же 12-го Ноября, когда не имѣли надежды войти въ гавань, вѣтръ утихъ и мы подъ всѣми парусами прибыли въ Мальту. Лишь бросили якорь и привязались канатомъ къ спѣнамъ Валетты, вѣтръ съ прежнею жестокостію началъ душь. Если-бъ мы не успѣли войти въ портъ, то принуждены были бы на морѣ выдерживать бурю, продолжавшуюся двое сутокъ.

М А Л Ь Т А.

Портъ и укрѣпленія.

Мальтійскій портъ состоитъ изъ двухъ заливовъ: первый, на востокъ отъ города Валетты, раздѣляется на многія малыя бухты,

гдѣ на глубинѣ отъ 6 до 12 сажень, корабли спояшъ безопасно отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ однакожъ тѣхъ, кои спояшъ у Валешты, ибо шумъ сѣверный вѣтръ разводитъ большое волненіе, а отъ запада бывають жестокіе порывы; другой заливъ, на западъ отъ города, называемый *Марца-музетто*, имѣетъ посреди оспровъ съ крѣпостью Мануель, служащею для очищенія поваровъ, пришедшихъ изъ зараженныхъ мѣстъ. Въ семъ заливѣ корабли совершенно отдѣльно отъ прочихъ выдерживають карантинъ. При входѣ въ Мальшу, должно придерживашься правой стороны, ибо у лѣваго мыса естъ небольшой каменной рифъ. Ширина входа не болѣе 125 сажень.

Мальша почищается одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ свѣтѣ. Она состоитъ изъ слѣдующихъ 9 крѣпостей, окружающихъ заливъ: 1. *Валетта*, названа по имени Магистра Жана ла Валешты, построившаго ее въ 1566 году; 2. Крѣпость *Санто-Ельмо* на оконечности полуострова, гдѣ стоитъ городъ Валешта, защищаетъ входъ въ гавань. 3. *Флоріана*, на томъ же полуостровѣ сзади города. 4. *Витторіоза*, то естъ побѣдоносная, названа такъ въ ознаменованіе упорной битвы противу Турокъ; прежде называлась Борго. 5. Цитадель *Санто Анжело*, защищаетъ входъ въ портъ трехъ ярусною батареею. 6. Крѣпость *Санъ Маргаретъ*. 7. Городъ *Сингелъя*. 8. Крѣпость *Котонера* стѣнами своими ограждаетъ съ сухаго пунти послѣднія пять крѣпо-

сшей. 9. Крѣпость *Риказоли*, лежишь по лѣвую сторону при входѣ въ гавань, по другую же сторону построены сильныя башарей. Стѣны песанаго камня, и всѣ укрѣпленія въ наилучшей исправности. При входѣ въ гавань видѣ такого множества крѣпостей удивишь cadaго; но судя по обширности едва ли 40,000 гарнизона будетъ доспапочно для защищенія оныхъ, и попому всѣ сіи башни и бастіоны кажешя почти бесполезны, и весь островъ не спѳишь издержекъ, попребныхъ для содержанія гарнизона и починокъ стѣнъ и другихъ зданій. Магиспръ Виньякуръ провель воду опъ Чипша Веккіа. Славный сей водопроводъ сущесшвуешъ съ 1616 года. Мальша непреодолима; ее покоришь можно только пому, кто возмешъ Лондонъ. Безъ сильнаго флоша и осадить ее не возможно. По выгодному своему положенію, въ рукахъ Англичанъ Мальша сдѣлалась средопочіемъ торговли Средиземнаго моря. Имѣя въ ней безопасное пристанище, Англинскій флотъ, опрядивъ эскадры въ Мессинской проливъ и къ острову Фавоньяно, пресѣкаешъ сообщеніе Францускихъ и Испанскихъ поршовъ съ Левантомъ. Въ Валештѣ, для сохраненія хлѣба въ зернѣ, сдѣланы въ горѣ, состоящей изъ мягкаго камня, обширныя подземныя магазейны, въ копорыхъ чрезъ посредство трубъ, выведенныхъ на поверхность, нѣтъ никакой сырости. Правительсшво скупаешъ весь хлѣбъ, идущій изъ

Сициліи и Россіи, и уже на неутральныхъ судахъ опускаешъ въ Италію

Валетта.

Городъ Валешша, или какъ обыкновенно называютъ его Мальша, имѣетъ опличной видъ отъ всѣхъ, какіе видѣлъ я доселѣ. Въ немъ нѣтъ улицъ, кромѣ только одной съ площадью находящеюся на хребтѣ горы, прочія суть лѣстницы, по крупому скашу высѣченныя изъ камня. Дома высоки безъ крышъ и вообще старой Италіанской Архитектуры; окна всѣ съ балконами, и деревянными рѣшешками, выкрашенными красною краскою. Стѣны кладутся здѣсь очень толсто; ибо камень такъ мягокъ, что его топорами вырубаятъ изъ горы и оный уже послѣ на воздухѣ швердѣетъ. Лавки наполнены колониальными товарами и городъ такъ чистъ, что легко догадаться можно, что шутъ владычествуютъ Англичане.

Лишь положили мы якорь, Капитанъ надъ порпомъ съ Адьюшанпомъ Генерала Балла, поздравили насъ съ прибытіемъ, послѣдній отъ имени своего Генерала и Коменданша Мальшы пригласилъ Капитана съ Офицерами къ обѣду. Хоша мнѣ и очень не хотѣлось, однакожъ долженъ былъ пудриться, надѣвать башмаки и ѣхать терпѣть скучную принужденность. Сверхъ чаянія не долго сидѣли мы за столомъ, но это было только для того, чтобы

вывести дамъ въ другую залу, кавалеры возвращались, слуги вышли и начали пить. Если Англичане исключаютъ изъ общества своего дамъ, когда не желаютъ быть презвыми, то конечно избавляютъ они ихъ самаго непріятнаго препровожденія времени. Вставши изъ за стола, дамы занимали особыя комнаты, куда кавалеры входили только по позыву. Меня ввели туда, представили Миледи Еіотъ, которая хотѣла, чтобы я съ дочерью ея поговорилъ по Руски. Я обратился къ ней, взглянулъ, смѣшался, и позабылъ по Руски. Миссъ Еліотъ покраснѣла, и подымая и опуская глаза, кажется хотѣла сказать: „пожалуйста начинайте говорить.“ Наконецъ нѣсколько словъ, довольно хорошо произнесенныхъ ею, удовлетворили мамъ и прочихъ. Разговоръ прервался приглашеніемъ въ театръ. Дамы встали, оставили рукодѣлія, которыми онѣ занимались, и отправились въ театръ, который малъ для здѣшной публики, но очень чистъ для Италіи, музыка превосходна, балетъ прекрасный. Буфъ, настоящій шутъ, актрисы и танцовщицы, не искусствомъ, а красою заставляли рукоплескать партеръ.

Первое, что мы пошли на другой день осматривать, была церковь Святаго Іоанна Іерусалимскаго. Наружность ея готическая и ничего не имѣетъ привлекательнаго, внутренность же оной такова, что не лзя не отдать

справедливости искусству зодчаго и вкусу богатыхъ украшеній. Мозаическій полъ достоинъ особливаго вниманія и почитается богатѣйшимъ въ свѣтѣ. Оный представляетъ надгробные камни съ надписями и изображеніями подвиговъ кавалеровъ, умершихъ въ Мальтѣ. Драгоцѣнный порфиръ, мраморъ, лаписъ-лазури, агапъ, яшма и другіе не малой цѣны каменья, входящъ въ составъ мозаики, кою рой работа конечно стоила великихъ суммъ. На одномъ представлено морское сраженіе, на другомъ переломленная пирамида, на иныхъ гербы и профей, словомъ, всю различность мозаиковъ, коихъ число простирается до двухъ тысячъ, трудно выразишь. По сторонамъ церкви восемь алтарей украшены памятниками Гроссъ-Мейстеровъ, наиболѣе оказавшихъ услугъ ордену. Замѣшимъ лучшіе изъ нихъ: въ предѣлѣ Св. Георгія два Арапа поддерживаютъ бѣлаго мрамора гробницу, на которой поставленъ бюстъ, не помню какаго Магистра; чистоша мрамора, форма сего монумента и работа во всѣхъ отношеніяхъ превосходны. Въ предѣлѣ Св. Екатерины мозаическій портретъ другаго Гроссъ-Мейстера ни какъ не лѣзя ошлчить опъ живописнаго, цвѣты камней и шѣни подобраны весьма искусно. Изъ церкви спустились мы въ подземелье, гдѣ покоятся кости Гроссъ-Мейстеровъ, ошлчившихся мирными подвигами. Небольшая зала получаетъ свѣтъ съ верху, по обѣ стороны оной споятъ гробницы. На кры-

иѣ первой выстѣчена изъ того же куска мрамора спапуя въ монашеской одеждѣ. Оный памятникъ поставленъ Филиппу Лислей Адаму (Philip Lislei Adam), основателю братства кавалеровъ Іоанна Іерусалимскаго. Гробница Жана де Валепша вылита изъ мѣди. Онъ представленъ въ Рыцарской одеждѣ съ сложенными на крестъ руками, копорыя прясупся, еспли къ онымъ коснешься. Жанъ де Кагьера (Juan di Cachiera) въ кардинальской одеждѣ сдѣланъ изъ глины и также на крышкѣ гроба. Первый, какъ извѣстно, основалъ городъ, а послѣдній поспроилъ сію церковь; другимъ Гроссъ-Мейстерамъ поставлены бюсты съ надписями. Изъ подземелья привели насъ въ настоящую церковь Іоанна Іерусалимскаго. Она со-стоишъ изъ зала съ окнами вверху. Большія картины, представляющія опличныя дѣянія кавалеровъ, украшають стѣны оной; лучшій изъ образовъ мнѣ показался усѣкновеніе главы Іоанна Предпечи. Звѣрство Іезавели и ужасъ служанки, держащей блюдо съ опсѣченною главою, изображены съ опмѣннымъ искусвомъ. Богатѣйшій изъ всѣхъ придѣлъ Магдалины украшенъ серебреною лишою рѣшешкою выше человѣческаго роса и огромнымъ паникадиломъ; другіе же шри золошые и всѣ упвари изъ сего мешалла и серебра, *набож-ными* Французами опправлены во Францію. Сей великой народъ повсюду оставляешъ по себѣ подобную память. Въ семъ же придѣлѣ показывають образа Греческой живописи

весьма плохой работы, все ихъ достоинство въ томъ, что они рисованы тому 500 или 500 лѣтъ.

Къ вечеру пошли мы за городъ въ садъ, вновь разводимый; онъ не великъ, состоишь изъ двухъ аллей, трехъ бесѣдокъ и кажется назначенъ только для цвѣповъ. Сильный вѣтръ и тучи понудили насъ поспѣшить возвращеніемъ. Едва вошли въ улицу, пошелъ проливной дождь, вода спремилась внизъ съ чрезвычайнымъ шумомъ и несла опрокинутыя на рынкѣ скамейки, лопки, зелень и плоды. Мы вошли въ Англинской пракширь, развели въ каминѣ огонь, спросили кофе и трубки и смѣялись приключенію поварища, на скользскомъ прощуарѣ споткнувшагося и упавшаго въ воду. Отворяющіяся двери и съ такимъ же смѣхомъ входящъ нѣсколько Англинскихъ морскихъ Офицеровъ. У одностороннихъ знакомство дѣлается въ одну минуту. Мы предложили имъ обсушиться, подали чай, разговоръ начался, подали пуншъ и оный не прерывался. Вѣтръ шумѣлъ, дождь билъ въ окна и мы, положивъ провести время вмѣстѣ, не безъ спора согласились издержки заплащать каждому за себя. Одни пошли въ театръ, другіе оспались приготовить хорошій ужинъ. Театръ кончился, пракширь наполнился посѣпителями, поварищи наши собрались и мы пошли въ залу, гдѣ особенно для насъ накрытъ былъ столъ, и къ удивленію нашли его занятымъ. Театральной Царь, въ коронѣ и мантіи, Діана

съ Нимфами, громко повелѣвали слугѣ подавать кушанье. Хозяинъ вошелъ и объявилъ имъ, что столъ не для нихъ, актеры встали извиняясь, намъ вздумалось пригласить ихъ. Ловкость и изученныя выраженія актеровъ, скоро умѣли оживить разговоръ. Скромность актрисъ, скоро обратилась въ непри-
нужденную веселость. Раздалась музыка, чѣмъ содержатель театра желалъ заплашить учтивость за учтивство и сдѣлать намъ пріятную нечаянность. Послѣ ужина актеры съ своей стороны предложили услуги. Танцовщицы легкія какъ зефиръ, стройныя какъ граціи, танцовали Тараншелу, Еспаньолу и другія національныя пляски. Пѣвцы пѣли нѣсколько лучшихъ арій. Между тѣмъ стаканы звенѣли, вино лилось, и многіе повѣся голову разсуждали сами съ собою; наконецъ тѣмъ, у коихъ голова была не такъ тяжела, захопѣлось опдохнуть. Тутъ начался споръ: кому какую занять комнату, бросили жеребій и не были довольны. Предоставили хозяину назначить каждому спальню, и на это не согласились. И такъ кто могъ идти, занялъ лучшую. Мнѣ досталась прекрасная, полъ парке, одѣяло апласное, зеркало надъ постелью, и бѣдный амуръ, безжалостно прибитый къ потолку, держалъ надувши щеки, шелковой занавѣсью. Я бросился въ постель; но сонъ уже прошелъ и вспалъ не уснувъ и часу.

Ч и т т а - В е к к і а.

По приглашенію нашего Консула Каркаса, опобѣдавъ у него на дачѣ, поѣхали въ Чипша-Веккію, отстоящую отъ Малыны въ 15 верстахъ. Мы не ѣхали, а капились по прекрасной высѣченной въ камень дорогѣ, спѣнки огораживающъ ее съ обѣихъ сторонъ. По положенію острова, отъ середины къ берегу покашаго, спѣнки сіи, возвышаясь одна за одною, представляющъ Малышу съ моря, кучею бѣлыхъ камней. Въ самомъ дѣлѣ почва состоишь изъ мѣловашаго камня, во многихъ мѣстахъ покрышаго землею не толще двухъ вершковъ. Трудолюбіе 100,000 жителей, населеніе по пространству чрезмѣрное, землю, по видимому, осужденную на вѣчное безплодіе, обрашило въ сады. Обрабашываніе земли пребуешъ необыкновенныхъ трудовъ. Камень сначала разбивающъ на мѣлкіе куски, потомъ толкушъ и мѣшающъ съ землею, для деревьевъ высѣкающъ ямы. Малпійскій камень имѣешъ въ себѣ шакую влажностъ, что не смотря на большіе жары, всѣ растенія прозябающъ лучше нежели въ Сициліи. Для обрабашыванія хлопчашой бумаги, роспущей здѣсь въ изобиліи, заведены фабрики. Кромѣ апельсиновъ (*), предпочитаемыхъ Поршу-

(*) Здѣсь апельсины прививаютъ къ гранатовому дереву, отъ чего они имѣютъ краснаго цвѣта внутренностъ.

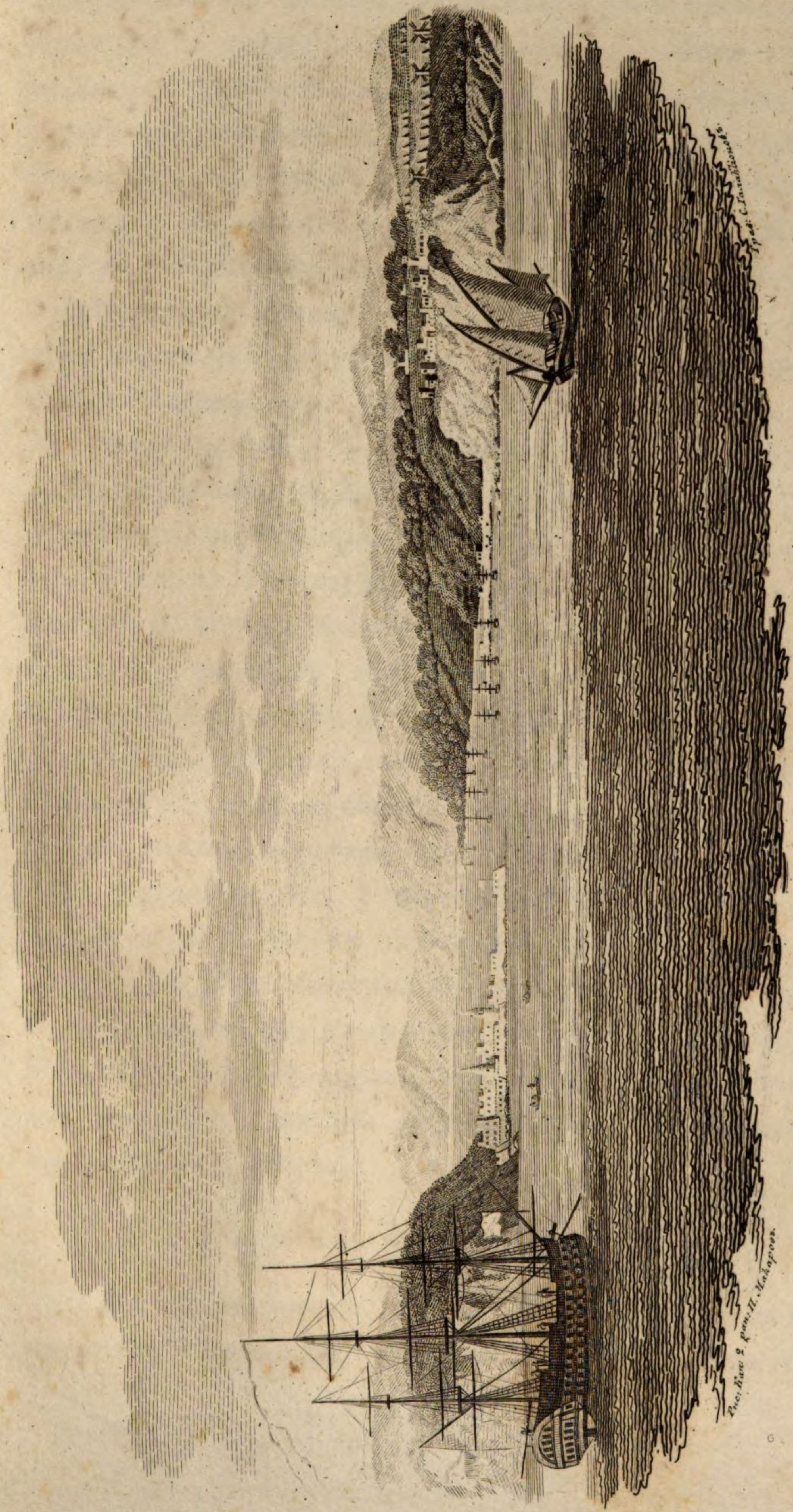
гальскимъ, другіе плоды, особенно дыни, на землѣ, привозимой изъ Сициліи, растутъ самыя вкусныя. Жишели Мальты большую часть съѣстныхъ припасовъ получаютъ изъ Сициліи. Проѣхавъ нѣсколько загородныхъ домовъ, построенныхъ въ Англинскомъ вкусѣ, которые мнѣ болѣе нравятся, что здѣсь ихъ мало, мы увидѣли Чипта-Вежкію, споящую на горѣ не высокой, но крупной. Городъ обнесенъ стѣною, уже совсѣмъ запущенною, на воротахъ показывали намъ Арабскую надпись, въ городѣ же въ одномъ домѣ, называемомъ Palazzo de Giurati, сохранилась надпись Пунического языка; но ни шу, ни другую никто исполковать мнѣ не могъ. При владычествѣ Арабовъ, онъ назывался *Медина*, а когда принадлежалъ кавалерамъ и былъ столицею острова, *Чипта-Нотабиле*. Въ городѣ было тихо, улицы заросли правою, не встрѣчая ни одного по нимъ идущаго человѣка, дома казались пустыми. Насъ привезли къ соборной церкви Св. Павла, при которой хранятся древніе сосуды и одежды. Къ сожалѣнію смотрителя не было дома, и мы должны были удовлетворишь любопытство одною церковью. Врата оной оплѣты изъ мѣди, дурныя изображенія изъ исторіи Священнаго писанія показываютъ, что оныя сдѣланы въ среднихъ вѣкахъ, при упадкѣ наукъ и художествъ. Церковь, огромная, въ два яруса, стѣны обиты парчею уже очень вѣхою. Алтари украшены кривыми колоннами, два образа древней Греческой ра-

боты обращаютъ на себя вниманіе. Настоятель монастыря вызвался показать намъ пещеру Апостола Павла. Въ верстѣ отъ города посреди кладбища стоить часовня, закрывающая входъ въ нее. Сошедъ нѣсколько ступеней внизъ, мы вошли въ святое жилище. Оно состоитъ изъ трехъ комнатъ, въ одной высѣчено на стѣнѣ распятіе, въ другой видно подобіе одра, прешья не dokonчана и кажется служила кухнею; ибо одна стѣна черна отъ дыма. Апостоль Павелъ, претерпѣвъ кораблекрушеніе у остр. Мальшы, вышелъ въ пристани *Деталасусъ* и копая сію пещеру былъ уязвленъ змѣею, которую сопрявши съ руки въ огонь, благословилъ землю, покрылъ ею рану, и съ ихъ поръ, какъ увѣрялъ насъ монахъ, нѣтъ на островѣ змѣй, а земля имѣетъ силу излѣчать отъ ядовитыхъ угрызеній. То и другое справедливо, ибо въ самомъ дѣлѣ въ Мальшѣ нѣтъ никакихъ пресмыкающихся, а Мальшійская земля, мягкая, желтая, подобная мѣлу, на пальцахъ линнущая, производитъ пошъ и укрѣпляетъ желудокъ. Грошъ, который называютъ *Калипсинъ*, находящійся на восточной сторонѣ острова, мы не успѣли осмошрѣть. И такъ пещера Апостола Павла и грошъ Калипсинъ, по мнѣнію ученыхъ, вѣроятно сличавшихъ положеніе мѣстъ съ описаніями древнихъ, находящаяся на островѣ Мальшѣ, а не на островахъ Меледо и Фано, какъ другіе думаютъ.

Исторія Мальты.

Въ отдаленные вѣки, Мальта управляема была Африканскимъ Княземъ *Баттлю*. Гомеръ упоминаетъ о семъ островѣ подъ именемъ *Гиперіи*, и говоритъ, что на немъ обитали Феакійцы. Финикіане, поселивъ на немъ колонію, назвали его *Огигією*. Греки завладѣли онымъ въ 756 году до Р. Х. и дали острову имя *Мелипы* или по тому, что на немъ находили иногда медь, или же въ честь Нимфы Мелипы, дочери Дорисы и Нерей. Опъ Грековъ островъ сей достался Карфагенянамъ, многія надписи Пуническаго языка, найдены на немъ Родоскими кавалерами. Въ продолженіе войны за Сицилію, Римляне выгнали Карфагенянъ, и подчинили Мальту Препору Сициліи. Послѣ паденія Римской имперіи въ половинѣ пятаго вѣка по Р. Х. владѣли имъ Вандалы, потомъ Готы. Въ концѣ девятаго столѣтія, Арабы сдѣлались ея обладателями. Въ концѣ одиннадцатаго вѣка, Норманны, подъ предводительствомъ Графа Рожера, выгнали Аравишянъ, и Мальта съ 1190 года принадлежала Сициліи. Карль д'Анжу, братъ Св. Людовика, присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Думаютъ, что Жанъ Порцида положилъ на семъ островѣ основаніе заговору, слѣдствіемъ котораго была Сицилійская вечеря. Послѣ сего Мальта досталась Королямъ Каспильскимъ и Аррагонскимъ, и Карль V, Испанскій Король, въ 1650 году

подарилъ ее изгнаннымъ изъ Родоса кавалерамъ Іоанна Іерусалимскаго. Съ помощію христіанскихъ державъ кавалеры укрѣпились, храбро защищались отъ Турковъ, и въ послѣдствіи флотъ ихъ съ успѣхомъ защищалъ торговлю отъ хищничества Варварійскихъ морскихъ разбойниковъ. Въ 1798 году, Генераль Бонапарте на походъ въ Египетъ, какъ вѣроятно по тайному условію, высадилъ часть войска, и послѣ нѣсколькихъ выспрѣловъ, столь сильныя крѣпости сданы Французамъ. Англинская и Россійская эскадры блокировали Мальпу два года. Въ продолженіи блокады, кавалеры, желая пріобрѣсть поперянную независимость, послали депушатовъ въ С. Петербургъ. Императоръ ПАВЕЛЪ I, принявъ, по желанію кавалеровъ, шло Гросс-Мейстера, имѣлъ въ виду благія намѣренія. Изгнанные изъ Франціи Роялисты, въ званіи рыцарей, нашли бы въ Мальпѣ убѣжище и будучи такимъ образомъ опчужденны своего отечества, моглибы сопровивляясь честнлюбивымъ видамъ революціоннаго правительсва. Обѣтъ кавалеровъ покровительсвавать мореходсву Христіанскихъ державъ прошиву Турокъ, вѣроятно перемѣнилъ бы свое назначеніе. Введеніе Греческаго языка возстановило бы упавшій орденъ, а Греція и Славонія, получа сильное въ Европейской полишкѣ содѣйствіе, конечно скоро возникли бы изъ своего ничтожества. Сильный Россійской флотъ содѣлалъ бы Мальпу не-

Видъ Дурдинель отъ Арминелла.

преодолимою твердынею, свобода Италіи въ ней имѣла бы всегда готовыхъ защитниковъ правды, и если бы свершилось то, чего предвидящій Монархъ желалъ, то съ досповѣрностію сказать можно, что Европа избавлена была бы отъ многихъ бѣдствій, которыя она испытала въ наше время. Какъ извѣстно, Мальта за недоспашкомъ съѣстныхъ припасовъ, принуждена была сдаться Англичанамъ прежде нежели депутаты могли увѣдомить о снисканномъ ими высокомъ и надежномъ покровительствѣ. Орденъ короткое время пользовался своими преимуществами, попомъ уничтоженъ, и теперь хотя сохранилъ еще своего Гроссъ-Мейстера, но оный кромѣ титула не имѣетъ никакой власти и какъ частный человекъ живетъ въ Палермѣ. Мальтійцы опличаются нравами и обыкновениями, которыхъ не измѣнили ни время, ни обстоятельство; они храбры, трудолюбивы, и хотя съ неудовольствіемъ, но терпѣливо сносятъ свое порабощеніе. Учивы къ иностранцамъ и въ образѣ жизни сходствуютъ съ Сициліянами. Народъ говоритъ испорченнымъ Арабскимъ языкомъ, дворянство же употребляетъ Италіянскій. Воздухъ, прохлаждаемый вѣтрами, здоровъ, но въ городѣ льтомъ бывающъ чрезмѣрные жары.

Россійскіе плѣнные.

Не малое число нашихъ плѣнныхъ и дезертировъ, большею частію принужденно слу-

жашъ, почти во всѣхъ государствахъ, болѣе же въ Австріи. Не взирая на прахшаты, заключенные для освобожденія ихъ, великое еще число оспается въ неволѣ; ибо Бонапарте силою помѣщаетъ ихъ въ свои Польскіе легіоны, Австрійцы въ Кроатскіе полки, Англичане опсылаютъ въ свои колоніи, Шведы и Данчане дѣлаютъ поже, и можно сказать, что сіи несчастные разсѣяны по всему земному шару. Англичане въ особенності употребляютъ всѣ средства удержатъ въ своей службѣ Рускихъ; но кому не любезно опечесство? При удобномъ случаѣ они бѣгутъ, въ опвращеніе чего, лишь только приходитъ въ портъ Россійскій военной корабль, Рускіе смѣняющіеся съ карауловъ и не выпускаются изъ казармъ; но при нашемъ прибытіи видно не успѣли взять сей опсторожности и 8-мъ чело-вѣкъ явились на фрегатъ. На другой день Адьюпантъ Губернашора, просилъ безъ дальнаго неудовольствія и розысковъ возвратитъ ихъ бѣглыхъ солдатъ. По препорученію Капитана я отвѣчалъ ему, что у насъ нѣтъ обыкновенія приниматъ иностранцевъ, и можемъ поручиться, что на фрегатъ нашемъ нѣтъ ни одного Англичанина; но можете быть прошиву того числа какое вы объявили при входѣ на бранвахтѣ, вы имѣете лишніхъ, сказалъ Адьюпантъ. Если и есть, то развѣ въ полкахъ вашихъ, вы удерживаете Рускихъ? Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Адьюпантъ; уѣхалъ и послѣ ни слова о семъ не упоминали. Та-

кимъ же образомъ и въ Мессинѣ взяли мы нѣсколько человекъ. Къ сожалѣнію не лѣзя шутъ умолчать, что Консулы наши, въ силу договоровъ и данной имъ власти, будучи гражданами тѣхъ городовъ, гдѣ они представляють столь важное лице, по имуществамъ своимъ завися отъ правишельства, не зная языка, а что всего важнѣе не будучи Русскими, какъ кажется слабо домогаются о освобожденіи плѣнныхъ, которые переходя изъ службы въ службу, въ намѣреніи приближиться къ границамъ опечесива, вездѣ задерживаются, и не находясь должнаго покровишельства. Напрошивъ того гдѣ Консулы были Рускіе, или по крайней мѣрѣ изъ подданныхъ иностранцевъ, не имѣющихъ тамъ собственности, мы не рѣдко получали отъ нихъ законнымъ образомъ освобожденныхъ, и вообще въ ихъ городахъ не находили плѣнныхъ; а въ 1807 году, какъ всѣмъ извѣстно, полкъ, составленный въ Мальтѣ изъ Русскихъ, Славянъ, Поляковъ и Грековъ, при оправленіи ихъ въ Остѣ-Индію, взбунтовался, заперся въ одной крѣпости, и послѣ храбраго защищенія зажегъ пороховой магазейнъ; вмѣстѣ съ ними нѣсколько жишелей и одинъ корабль взлетѣлъ на воздухъ.

П л а в а н і е д о К а л і а р и.

19-го Ноября мы оставили Мальту; въ самомъ узкомъ мѣстѣ входа, вѣсртъ пере-

мѣнился, зашелъ, и фрегатъ чуть не бросило на берегъ, однакожь сдѣлавъ два поворота вышли въ море. Вѣтры крѣпкіе и проливные продолжались во все плаваніе до Каліари. Лавируя вдоль Сициліи къ западу, тихо подвигались мы впередъ, но имѣли удовольствіе обогнавъ военный Американскій бригъ, который славился легкостію хода. Въ Мальшѣ я нарочно ѣздилъ на оный. Въ Мессинѣ видѣлъ шкуну. Не только наружный видъ Американскихъ военныхъ судовъ, но удобное расположеніе, механизмъ оснастки, прочность и даже чистота много преимуществуютъ надъ Англинскимъ. Кажется не далеко уже то время, когда повелители морей найдутъ опасныхъ соперниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Зеленые берега Сициліи представляли намъ на каждомъ шагу прекрасныя мѣста. *Жерженти*, стоящій на мѣстѣ древняго *Агригента*, и нынѣ отправляетъ значительную торговлю хлѣбомъ и солью; на горѣ предъ городомъ, видно нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, а между ими ошашки спѣнь Юпитерова храма. При проходѣ пустаго и необитаемаго острова *Пантеларіи*, посреди моря между Сициліею и Африкою, предъ опаснымъ мѣстомъ *сквересбъ*, вѣпръ къ вечеру 22-го Ноября усилился, черныя облака неслись съ чрезвычайною скоростію, солнце опустилось въ море въ пурпуровомъ заревѣ и ночь наступила самая шемная. Вдали блистала молнія, въ 9 часовъ, когда вѣпръ былъ очень крѣ-

покъ, вдругъ съ дождемъ съ подвѣтру, ударилъ другой, паруса легли на мачты, фрегатъ съ одной стороны опрокинулся на другую, въ тоже время началась гроза, молніи одна за одною сходили по опводу въ море, электрическія искры рассыпались по палубамъ. Весь экипажъ выскочилъ на верхъ, всею силою на силу могли обрасопишь рей (*). Сильной смрадъ и сѣрной запахъ показалъ, что фрегатъ гдѣ нибудь долженъ загорѣться, опасность сія увеличивалась тѣмъ, что 200 пудовъ пороха, взятаго въ Мальшѣ, за неумѣщеніемъ въ пороховомъ погребѣ, лежало въ шрюмѣ. Капитанъ и Офицеры съ фонарями въ рукахъ, бѣгали, осматривали вездѣ и къ щасію нигдѣ не открыли огня. Гроза прошла, но небо горѣло еще молніями, впереди насъ была непроницаемая мрачность, сзади пламенѣлъ небесный сводъ, море кипѣло какъ въ кошлѣ, и бѣлыя на краю горизонта болѣе освященныя вершины валовъ воздымаясь, казалось, заливали пожаръ небесный. Чрезъ часъ проливной дождь угасилъ сіе величественное огнесіянне, наступила ужасная темноша, и фрегатъ въ полвѣтра лешѣлъ по 17 вершъ въ часъ; но какъ Сквересъ на каршѣ былъ близокъ, почему до свѣту легли въ дрейфъ, и тѣмъ пошеряли очень много, ибо ушромъ вѣтръ сдѣлался опяшъ прошивной.

(*) Перевести на другую сторону.

Наконецъ 26-го Ноября, предъ восхожденіемъ солнца, при томъ же Сѣверо-западномъ вѣтрѣ, всѣ шучи, омрачавшія сполько дней небо, обратились назадъ и мы быстро мчались на встрѣчу солнца, которое проникая ихъ своими лучами, мало помалу показывалось яснѣе, облака скрывались за горизонтъ, мракъ исчезъ, небо прочистилось, и солнце въ полномъ великолѣпіи освѣщило вдали на правой рукѣ берега Сициліи. Высокія горы казались небольшими синими холмами, колеблемыя волны то скрывали, то открывали ихъ. Вѣтръ началъ упадать, и скоро замѣнился тихимъ и попутнымъ оутъ востока. Море успокоилось, чрезъ часъ все приняло веселый видъ, день сдѣлался прекрасный, къ вечеру открылась Сардинія, и 27-го Ноября прибыли мы въ Каліари.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ плѣннаго Рускаго Офицера.

Лишь только положили якорь у стѣнъ Каліари, какъ нѣкто бѣдно одѣтый, изтомленный пріѣхалъ съ берегу и взошедъ на шканцы, съ радостнымъ взоромъ перекрестился и дурнымъ Рускимъ выговоромъ сказалъ: Слава Богу! кончились наконецъ мои несчастія. Послѣ сего онъ спросилъ о Капитанѣ и подалъ ему бумагу. Министръ нашъ предлагалъ оною, явившагося изъ плѣна Санкшпешбургскаго драгунскаго полку Поручика Степана Яши-

мова, приняты на фрегатъ, для доставленія его къ Адмиралу. Я ввелъ его въ каютъ-компанію и представилъ бывшимъ тамъ Офицерамъ. Будучи родомъ изъ Кизляра, онъ почти забылъ и съ большою трудностію объяснялся по Руски, мѣшая слова Турецкія, Французскія и Италіанскія. Мы старались его обласкать и въ первой же день общими силами снабдили его всѣмъ нужнымъ. Яшимовъ скоро ознакомился съ нами и съ новымъ родомъ своей жизни; въ короткое время опличною оспрошою ума и веселымъ расположеніемъ духа заслужилъ онъ опъ всѣхъ любовь и почтеніе. Служа при главной кварширѣ Князя Репнина, Пошемкина, и бывъ покровительствуемъ Гр. Орловымъ, онъ хопя и не имѣлъ порядочнаго воспитанія, но особенный навыкъ въ обхожденіи дѣлалъ его весьма пріятнымъ въ бесѣдахъ. Продолжительное несчастіе не помрачило его любезности, и опытъ 50 лѣшняго спарика привлекалъ къ нему общее уваженіе. Приключенія его въ печеніи семи лѣтъ, которыя рассказывалъ онъ намъ со всею откровенностію, хопя имѣютъ нѣчто въ своемъ родѣ необыкновенное, но судя по характеру его оныя конечно не выдуманы имъ, и пошому я предлагаю ихъ въ шомъ видѣ какъ слышалъ опъ него.

Яшимовъ служилъ въ первую Конфедерацкую войну, въ обѣ Турецкія и послѣднюю Польскую, наконецъ 10-го Сеншября 1799 года подъ Цирихомъ, получа двѣ раны взявъ былъ въ плѣнъ

и опведенъ въ Марсель. Не стану повторять того, что онъ претерпѣлъ на дорогѣ; кто по несчастію былъ въ рукахъ Французовъ, тотъ знаетъ какъ они обращающся съ плѣнными. Генераль Д прибылъ въ Марсель для пополненія своего Польскаго легіона Русскими солдатами. Для сего не давали имъ положенной порціи хлѣба, изъ казармъ или лучше изъ тюрьмы никуда не выпускали. Убѣждая, угрожая, обѣщая и благовиднымъ способомъ муча и помя голодомъ принуждали, какъ благодѣяніе, принимать службу. Непокорныхъ же продавали какъ невольниковъ въ Испанію. Не щадили даже и Офицеровъ; Яшимову также предложено было вступитъ въ Польскій легіонъ. Онъ нашелъ случай видѣть Генерала Д, жаловался на дурные поступки, смѣло сказалъ ему правду, и будучи огорченъ опвѣщаніями Генерала, назвалъ его измѣнникомъ опечесыва, былъ брошенъ въ тюрьму и опданъ подъ военный судъ. Не ожидая слѣдствій своего неблагоразумія и неумѣстной горячности, Яшимовъ рѣшился бѣжать. Предлагаешь бывшимъ въ одной съ нимъ тюрьмѣ 30 Австрійскимъ солдатамъ, въ томъ числѣ былъ одинъ Руской, и всѣ съ радостію соглашались. Яшимовъ успѣлъ убѣдить тюремнаго спража, который изъ единого состраданія, не только далъ имъ способъ къ побѣгу, но въ приспани приготавилъ имъ лодку, и несчастные въ полночь при проливномъ дождѣ на рыбацкѣй лодкѣ, сами не зная куда, пускаются въ море.

Боясь погони, усердно гребли во всю ночь; по утру когда разсвѣло, Марсель чуть уже была видна. Тутъ начали думать какъ и куда править. Не имѣя никакого понятія о мореходствѣ, не зная даже географическаго положенія земель, окружающихъ Францію, долго спорили они куда держаться; наконецъ отдавшись на волю и благоразуміе Яшимова, положили идти по той чертѣ, которая наиболѣе удаляла ихъ отъ Франціи. Невѣденіе нѣкоторыхъ просширалось до того, что они видя небо, касающееся моря, говорили: конечно тутъ уже край свѣта. Въ управленіи лодки они находили многія затрудненія, однакожь подобно Робинзону Крузе и наши плаващели скоро научились, какъ поворачивать рулемъ и держать парусъ полный вѣтра. Впрочемъ не видя вокругъ себя никакихъ предметовъ, они не могли знать въ какую сторону вѣтръ перемѣнялся и пошому правили всегда по оному, Къ счастію ихъ въ Средиземномъ морѣ вѣтры лѣтомъ постоянно дуютъ отъ сѣвера и всегда почти тихіе. Въ одинъ день, вѣтръ нѣсколько усилился, лодку начало качать, неопытные плаващели убрали парусъ, спали грести; но весла выбивало изъ рукъ и лодка колебалась еще болѣе, такъ что краями стало черпать воду. Яшимовъ, не болѣе прочихъ свѣдущій, но болѣе смѣлый, не смотря на противорѣчіе, поднялъ парусъ, лодка полетѣла и качка уменьшилась. Единообразный видъ неба и воды, неизвѣстность,

ненадежнось на самихъ себя, мало по малу и самыхъ бодрыхъ привело въ уныніе. На четвертые сутки не спало воды и кончился малый запасъ хлѣба, который добрый шюремщикъ не забылъ положить для нихъ въ лодку. Въ семъ положеніи, вдали показывается нѣчто бѣлое; смотрявъ, узнають на всѣхъ парусахъ плывущій корабль, произносятъ радостный крикъ, принимаются за весла, усиливаясь догнать корабль, кричатъ всѣ вдругъ и изо всей силы, машутъ шляпами и плашками; но все напрасно; съ корабля не видявъ ихъ, онъ проходитъ мимо, удаляется и скрывается за горизонтъ. Всѣ хопявъ ищи за кораблемъ; одинъ Яшимовъ думаетъ, что благоразумнѣе держатъ по прежней чертѣ, спорявъ; не могутъ согласиться, Яшимовъ убѣждаетъ, грозитъ, наконецъ самъ подымаетъ парусъ и лодка плыветъ по прежнему пути. Голодъ, жажда и истощеніе силъ привело всѣхъ въ отчаяніе; одинъ Яшимовъ сохранивъ присутствіе духа, ободряетъ прочихъ и безсмѣнно управляетъ лодкою. По отплытіи изъ Марсели въ седьмые сутки, къ неизъяснимой всѣхъ радости показался берегъ и Богъ невидимою рукою привелъ несвѣдущихъ плаващелей въ пристань спасенія. Имъ представился большой городъ, высокая крѣпость, на стѣнахъ коей развѣвалъ кровавый флагъ съ изображеніемъ руки вооруженной мечемъ. Упомленные плаващели выходятъ на пристань, хопявъ облобызать землю; но имъ

предстоятъ брадашые люди, въ длинныхъ плашьяхъ и чалмахъ. Гдѣ мы? спрашиваютъ они другъ друга: въ Африкѣ, въ Алжирѣ! опвѣчаешъ Яшимовъ и всѣ отъ спраха цѣпенѣюшъ и пошупляюшъ взоры. Ихъ оступаешъ толпа вооруженнаго народа, любопытствуюшъ, откуда они пріѣхали, и какъ Яшимовъ, будучи родомъ изъ Кизлярскихъ Ташаръ, зналъ нѣсколько по Турецки, то онъ и опвѣчалъ за другихъ. Варварійцы, которыхъ намъ описываютъ столь черными красками, услыша, что несчастные пришлецы шрое суюшъ не пили и не ѣли, одни вынимаюшъ деньги, другіе подаютъ хлѣбъ и плоды; даже споряшъ, кому сколькихъ пригласишъ въ свой домъ. Спрахъ, что попали къ разбойникамъ, скоро миновался; всякой нашелъ гостепріимство въ домѣ, куда былъ приведенъ.

На шрепши суюшъ Яшимовъ представлень былъ Янычаръ-Агъ, а послѣ и самому Дею. Боясь сказахъ Рускимъ, назвалъ онъ себя Ташариномъ, и въ слѣдствие сей лжи, принужденъ былъ вступишъ въ гвардію Дея Янычаромъ, скоро попомъ сдѣланъ былъ Чаушемъ и начальникомъ небольшой крѣпости, въ недалнемъ разстояніи отъ Алжира лежащей. Подчиненные его, имѣя свою шебеку, взяли христіанскую бриганшину, принадлежавшую Далмашскимъ Славянамъ. Яшимовъ услышавъ поняшный для него языкъ, обрадовался и пришворившись ихъ не понимающимъ, тошчасъ рѣшился освободишъ ихъ и себя. На

бригантинъ, стоявшей близъ берега, былъ только одинъ часовой. Руской солдатъ, раздѣлявшій нещастія Яшимова отъ самаго плѣна, уговаривается съ шхиперомъ и людьми, и ночью, когда самъ споялъ на спражѣ, не бывъ замѣченъ ни кѣмъ, выводитъ ихъ изъ пюръмы и перевозитъ на бригантину, часовой былъ схваченъ и связанный спрятанъ въ трюмъ. Когда бригантина была подъ парусами, въ крѣпости дѣлается тревога, и какъ въпрѣ былъ тихъ, Алжирцы на двухъ лодкахъ догоняютъ, и хотятъ взять ее абордажемъ. Яшимовъ ободряетъ Славянъ, рубится впереди всѣхъ, пѣснитъ нападающихъ и прогоняетъ ихъ съ судна. Алжирцы удаляются. Солдатъ товарищъ его и другъ, былъ въ семъ случаѣ убитъ, самъ онъ получилъ легкую рану. Славяне увидѣвъ нѣсколько лодокъ отвалившихъ отъ берега, робѣютъ, не слушаютъ Яшимова и поспѣшно сѣвши на барказъ, оставляютъ его на бригантинѣ одного; къ щасцію оставался еще маленькій яликъ; Яшимовъ бросается въ него, отваливаетъ, распускаетъ парусъ и вышедъ изъ залива держитъ близъ берега. Турки задержавъ бригантину, не разсудили гнасться за бѣжавшими. На другой день, когда въпрѣ сдѣлался Яшимову противный, онъ присталъ въ одномъ пустомъ мѣстѣ, и дождавшись вечера, оставя яликъ пошелъ искать селенія. Оно было не далеко отъ берега, онъ вошелъ въ первый домъ, выдумалъ причину своей раны и былъ принятъ

съ состраданіемъ. Навѣдавшись далеко ли Тунисъ и гдѣ къ нему дорога, онъ купилъ тушь лошадь и рано по утру пустился въ путь. На четвертые сутки, не бывъ ни кѣмъ обезпокоенъ, благополучно достигнулъ Тунискихъ границъ.

Въ Тунисѣ никто не спрашивалъ, кто онъ такой и имѣетъ ли паспортъ. Пользуясь свободою и живучи по ханамъ (*) Яшимовъ скоро принужденъ былъ продать свою лошадь. Деньги, которыми успѣлъ запасшися, будучи Чаушемъ, также вышли и ему должно было помышлять о дневномъ пропитаніи. Не могли сыскать случая опредѣлившись на какой либо христіанской торговой корабль, онъ принужденъ былъ для куска хлѣба заниматься поденною работою, сдѣлался боленъ и доведенъ до униженія просить помощи у сострадательныхъ людей. Въ такомъ положеніи, ему предлагаютъ записаться въ мапрозы на шебеку о 16 пушкахъ, отправлявшуюся въ море. Прошиву воли, по спеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сдѣлавшись морскимъ разбойникомъ, и боясь болѣе всего обогрѣть руки въ крови Христіанъ, набожный Яшимовъ, отъ глубины души въ тайнѣ молилъ Бога, избавить совѣсть его отъ сей необходимости. Искренняя его молитва была услышана; корсеры, цѣлой мѣсяцъ крейсеруя въ морѣ, не видали ни одного судна и наконецъ

(*) Въ Турціи такъ называются постоянные дома.

въ пустомъ мѣстѣ приспали къ одному острову. Ужасаясь имени разбойника, и не могли ничѣмъ себя успокоить, Яшимовъ сыскалъ случай ночью съѣхать на берегъ, и уклонившись отъ товарищей пустился по дорогѣ. Скоро увидѣлъ огонекъ, по оному пришелъ въ хижину, гдѣ Турецкая его одежда привела всѣхъ въ трепень. Яшимовъ, чшобы успокоить ихъ, отдалъ свое оружіе и просилъ опвесити его въ городъ. Тутъ онъ узналъ, что находится въ Корсикѣ.

Чрезъ нѣсколько дней, Яшимовъ представленъ былъ Коменданту крѣпости Бонифачьо, который сдѣлавъ ему вопросъ, и не смотря, что онъ объявилъ себя Рускимъ Офицеромъ, приказалъ надѣть на него солдатской мундиръ. Спустя годъ, Генераль Д..... прибылъ въ Корсику для осмотра полковъ. Испугавшись такой вѣсти и боясь быть узаннымъ, Яшимовъ переодѣвается въ крестьянское платье, нанимаетъ лодку, и чрезъ проливъ достигаетъ въ Сардинію. Тамъ, также не повѣрили ему, что онъ Руской Офицеръ, и также записали въ гарнизонной полкъ, который употребляется былъ для поиску надъ разбойниками. 20 разъ, Яшимовъ сражался съ сими опчаянными головорѣзами и наконецъ судьба его переменилась, полкъ его получилъ повелѣніе идти въ Калиари. Онъ пошчасъ явился къ нашему Министру Г. Лизакевичу и семь лѣтъ непрерывныхъ бѣдствій, нуждъ и несчастій Яшимова кончились.

Несчастія кончились, но неумолимая судьба не допустила старика умереть въ своемъ Опечесствѣ. Яшимовъ былъ принятъ Главнокомандующимъ благосклонно. Когда флотъ отправлялся въ Архипелагъ, ему должно было оспаться въ Корфѣ, дабы при первомъ случаѣ ѣхать въ Россію. Будучи внѣ себя отъ радости, однакожъ по движенію благороднѣйшаго чувства, Яшимовъ рѣшился опказаться отъ милости Адмирала, и просилъ взять его въ Архипелагъ, дабы онъ могъ заслужить его вниманіе и ласки. При взятіи Тенедоса, въ Дарданельскомъ сраженіи и защищеніи крѣпости Тенедоской, Яшимовъ оказалъ отличную храбрость, дѣятельность и можно сказать искалъ смерти. Онъ во все время оспавался на нашемъ фрегатѣ, перпѣлъ съ нами равную участь, изъ Лисабона былъ съ нами въ Палермѣ и наконецъ изъ Тріеста отправился сухимъ путемъ въ Россію. Въ Лембергѣ, когда колоннѣ должно было выходить, Яшимова не нашли на его кварширѣ, искали по всему городу и не было ни какого о немъ слуха. Хозяинъ дома сказывалъ, что онъ, ночевавъ у него одну ночь, на другой день упрямъ просилъ какъ можно скорѣе исправить его писшолеты и въ полдень получа оныя болѣе не возвращался. Въ городѣ же носился слухъ, что одинъ Руской Офицеръ въ пракширѣ поссорился съ двумя Польскими Уланскими Офицерами, пріѣхавшими въ оппускъ изъ Варшавы. Ипакъ весьма вѣроятно,

что несчастный Яшимовъ убитъ на поединкѣ. Въ недалекомъ разстояніи отъ Родзивиловы, въ селеніи Колки, квартировалъ С. Петербургскій Драгунскій полкъ, я любопытствуя знать точно ли онъ служилъ въ семь полку, нашелъ одного рейтара, который очень его помнилъ и служилъ 5 лѣтъ въ его эскадронѣ.

К а л л а р и.

Посланникъ Лизакевичъ посѣтилъ фрегатъ и послѣ представлялъ Капитана и Офицеровъ Королю. Его Величество имѣлъ на себѣ орденъ Андрея Первозваннаго; при входѣ нашемъ въ пріемную залу онъ взялъ со стола шляпу, сдѣлалъ навспрѣчу къ намъ нѣсколько шаговъ, и весьма милоспиво удостоилъ каждого нѣсколькихъ словъ. По его повелѣнію опущено на фрегатъ 500 пудовъ пороху, и какъ оный былъ лучше Англинскаго, то по прошенію Капитана, перемѣнили взятый въ Мальшѣ. Порохъ привозили къ намъ тайно ночью. Сія оспорожность задержала насъ въ скучной столицѣ болѣе двухъ недѣль. Кромѣ бульвара длиною во сто шаговъ, огражденнаго кольями, отъ которыхъ давно ожидаютъ шѣни, и театра весьма малаго, гдѣ конопъ отъ деревяннаго масла скрывала дурныхъ акшеровъ, и заставляла зрителей выходить съ головою болью, не было никакихъ другихъ предметовъ, достойныхъ любопытства, ниже какого другаго пріятнаго занятія.

ПЛАВАНІЕ ДО ПАЛЕРМЫ.

Принявъ сколько пороху, сколько можно было помѣстить, 13 Декабря оставили Каліари. Вѣтръ былъ тихій, погода прекрасная. Но лишь только вышли мы въ море, то оный нѣсколько посвѣжѣлъ. Сардинія начала скрываться, а Сицилія возникатъ изъ моря. Напрасно думаютъ, что плаваніе моремъ исполнено однихъ бѣдствій, могущихъ и самого любопытнаго путешественника повергнуть въ скуку и утомленіе. Любящій созерцать величественныя, пріятныя, грозныя и ужасныя явленія, долженъ преплыть океанъ, чтобы видѣть ихъ въ полномъ великолѣпіи и блескѣ. Если буря приводитъ въ препеть, то легкій умѣренный вѣтръ и ясная погода сколько напрошивъ представляетъ прелестнѣйшихъ картинъ. Корабль разсѣкаетъ тогда волны, одушевленные милліонами рыбъ и воздухъ наполняется множествомъ пернатыхъ. Послѣ долгаго, безпокойнаго плаванія, когда нѣсколько дней и мѣсяцовъ не видишь земли, что можешь сравниться съ восторгомъ мореходца при незапномъ оной появленіи, которая, какъ бы для его удовольствія, представляетъ ему различные виды и положенія. Какъ медленно кажется плывешь тогда корабль, горы и доли едва движущіяся, и самое нетерпѣніе, рождая новыя мысли, увеличиваетъ удовольствія, которыми наслаждаются гораздо въ высшей степени, по тому единственно, что рѣдко и не-

продолжительно они ему представляются. При шихомъ обходѣ нѣсколькихъ высокихъ мысовъ, „вопъ Палерма“ вскричали нѣсколько голосовъ. Прелестная столица, окруженная садами, въ очаровательномъ положеніи, явилась взорамъ нашимъ; забывъ шруды, заботы службы, каждый спѣшилъ обдумать, расположить свои занятія, и прежде нежели бросили якорь, пошли переодѣваться и готовиться ѣхать на берегъ.

ПАЛЕРМА.

Спасеніе Американскаго корабля.

21-го Декабря, при ясномъ небѣ, вдругъ нашелъ шквалъ отъ сѣвера; въ полчаса развело такое волненіе, что фрегатъ качало гораздо болѣе, нежели въ морѣ. Ночью вѣпръ обратился въ бурю, а по разсвѣтѣ Американское трехъ мачтовое судно, пришедшее изъ Бразиліи съ богатымъ грузомъ, потерявъ при якоря въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега остановилось на одномъ. Американцы палили пушка за пушкой, просили помощи, махали шляпами, подымали руки къ небу; но казалось, не возможно было спасти ихъ. Въ гавани толпился народъ и полиція уже готовилась спасать людей, но съ нашего фрегата спваливаетъ барказъ съ якоремъ. Боцманъ Васильевъ съ 20 лучшими машпрозами, удерживаясь на бакшповѣ (*) фрегата, бросаетъ

(*) Канатъ, которымъ гребныя суда держатся за кормою корабля.

якорь передъ носомъ Американскаго судна, и съ крайнею опасностію передаетъ канашъ. Американцы были не въ силахъ вытянуть его, а нашимъ людямъ по причинѣ великаго волненія къ борту судна пристать было не возможно. Опытный боцманъ придумываетъ средство. Спустившись на бакштовѣ какъ можно ближе къ носу судна, перебуешь шонкую веревку, опускается ею, и давъ знаками понять, что намѣренъ дѣлать, отважно бросается въ воду. Американцы догадываясь, тянутъ, и такимъ образомъ, одного за другимъ, всѣхъ нашихъ людей поднимаютъ на корабль. Шхиперъ былъ въ городѣ, почему Васильевъ вступаетъ въ распоряженіе какъ начальникъ. Вытягиваетъ на шпиль канашъ, крѣпко его за мачту, и не взирая на ужасное волненіе спускаетъ спеньги и реи.

На третій день буря умолкла, шхиперъ спѣшилъ на корабль. Жметъ руки мажорамъ, подаетъ боцману большой кошелекъ съ червонцами, но къ тещи Васильева, онъ опозвался, что не можетъ принять безъ позволенія начальника. Шхиперъ, вмѣстѣ съ нашими людьми прѣзжаетъ на фрегатъ, благодаритъ Капитана и предлагаетъ за спасеніе двойную сумму, слѣдующую по ихъ закону. Капитанъ увѣряетъ его, что у насъ нѣтъ этого закона, и за данную помощь шерпящему бѣдствію ничего не пребуютъ. Шхиперъ удивленный, пронушый, упрашиваетъ; но когда онъ увѣрился, что ничего не примутъ, сходитъ на

палубу, видишь образъ, и священника, отправляющаго службу, останавливаешься, дожидаясь окончанія, тогда по нашему обыкновению кладешь три земныхъ поклона, и высыпашъ въ церковный ящикъ 600 червонцевъ. Боцманъ и матрозы съ позволенія Капитана награждены имъ щедро, и опущены къ нему на корабль на шрое сутокъ. Потомъ приглашаешъ онъ Капитана съ Офицерами обѣдать. По приѣздѣ нашемъ выкинули на мачтахъ Россійскіе флаги, всѣ Американскія суда, бывшія въ гавани, разцвѣтились оными, и палили во весь день изъ пушекъ. Съ нѣкоторымъ обрядомъ, шхипера Американскіе прибили на кормѣ слѣдующую золошную надпись: „Трифонъ спасенъ 1806 года Декабря 21-го дня.“

*Кораблекрушеніе Англинскаго 80-ти пушечнаго
корабля Виліамъ-Теля.*

Сколь мореходцамъ необходимо нужно брать всѣ оспорожности, не надѣясь на удачу, и не полагающъся на самое вѣрное счисленіе, доказываетъ несчастіе Виліамъ-Теля. Капитанъ сего корабля, извѣстный въ Англинскомъ флотѣ своими познаніями и опважноспію, самъ прошедшаго лѣта описалъ и опвердилъ на картѣ положеніе подводныхъ камней Сквересъ, и прошедшаго мѣсяца, при крѣпкомъ западномъ вѣтрѣ, идучи въ Маъпу, не успѣвъ за туманомъ по берегу Сициліи опредѣлить мѣсто по пеленгамъ, положась на вѣрность сво-

ей каршы, и думая, что находится въ 20 миляхъ отъ Сквересь, въ темную ночь при то узлахъ хода, нашель на нихъ и погибъ, только 2 Офицера и 137 матрозовъ спаслись. Обѣдая у Адмирала Сиднея Смиша, я познакомился съ лѣкаремъ, чуднымъ образомъ избавившимся отъ сего кораблекрушенія. Въ 9 часовъ, сошелъ онъ въ свою каюту на кубрикъ, легъ спать, какъ вдругъ въ самомъ глубокомъ снѣ выбрасывается изъ койки, чувствуетъ себя въ шумящихъ волнахъ, хватается за нѣчто плавающее, и видитъ себя на обломкѣ юта, на которомъ вмѣстѣ съ другими, на другой день прибивается къ Сициліи близъ Марсалы. Достойно замѣчанія, что спавшіе въ нижнихъ палубахъ и кубрикъ, нѣкоторые спаслись, а бывшіе на верху у управленія парусовъ, всѣ пошонули.

Т е а т р ъ.

Въ Палермѣ чешыре театра. Извѣстно, что Неаполитанской дворъ имѣлъ лучшихъ актеровъ въ Европѣ, но здѣсь ни славнаго огромностью Санъ-Карло, ниже пѣвцовъ и пѣвицъ нѣтъ, однакоже опера Буфо и Арлекинъ превосходны, балетъ также хорошъ, но трагедій, особенно трагическихъ оперъ можно сказать нѣтъ. Въ Королевскомъ театръ, называемомъ Санъ Фердинандо, я видѣлъ Дидону, сочиненія славнаго Метасназія. Актриса, въ первыхъ дѣйствіяхъ играла

слабо, но въ послѣднемъ, превзошла себя и столь разительнѣе представила опчаяніе оставленной Енеемъ Царицы Карѳагенской, что всѣ зрители раздѣляли съ нею ея спрдаіе. Особливо же съ великимъ выраженіемъ и жаромъ произнесла она послѣдній монологъ, когда опчаянная Дидона восклицаетъ *che dei!* (какіе боги!), и потомъ, укоряя себя за нечестивое изреченіе, продолжаетъ:

*Ah che dissi, infelice! a qual eccesso
mi trasse il mio furore?*

*Oh dio, cresce l'orrore! ovunque io miro,
mi vien la morte, e lo spavento in faccia:
trema la reggia, e di cader minaccia.*

*Selene, Osmida! Ah! tutti,
tutti cedeste alla mia sorte infida:
non v'è che mi soccorra, o chi m'uccida.*

Vado... ma dove? oh dio!

Resto... ma poi.... che fo?

*Dunque morir dovrò
senza trovar pietà?*

E v'è tanta viltà nel petto mio?

*No no, si mora; e l'infedele Enea
abbia nel mio destino
un augurio funesto al suo cammino.*

*Precipiti Cartago,
arda la Reggia; e sia
il cenere di lei la tomba mia (*).*

(*) Вотъ слабый сего переводъ:

„Увы! что я сказала, несчастная! къ какой крайности по-
двигло меня мое неистовство? о Боже, ужасъ растеть! куда

Сказавъ сіе, бѣжишь въ черпоги, обьяшые пламенемъ, и въ искрахъ, огнь и дымъ, падаешь и исчезаешь.

Декораціи вообще превосходны, но послѣдняя удивительна. Грозное движеніе волнъ, шумъ и бѣлющіяся ихъ вершины, пожаръ, громъ и молнія, жестокое дѣйствіе воды и огня, столь близки къ природѣ, что мнѣ казалось видѣть ихъ на самомъ дѣлѣ. Наконецъ, громкая симфонія перемѣняется на тихую музыку, Нептунъ въ блестящей колесницѣ, окруженной плавающими Сиренами и Трифонами, показывается и занавѣсъ опускается. Выхожу изъ театра и вижу въ природѣ представленное декораціями. Дождь, вѣпръ, громъ, молнія и колеблемые въ порть корабли представились точно въ томъ видѣ, какъ я ихъ сей часъ видѣлъ на сценѣ.

Импровизаторъ.

Молодой, бѣдной человѣкъ, воспитанный въ Академіи музыки, прославился здѣсь не-

ни обращаюсь, вездѣ вижу страхъ и смерть предъ собою: чертоги колеблются и грозятъ паденіемъ. Селена, Осмида! ахъ всѣ, всѣ оставили меня въ злой участи: нѣтъ ни кого, кто бы меня спасъ, или убилъ. Пойду... но куда? о Боже! останусь... но потомъ... что сдѣлаю? И такъ должно умереть, не находя никакой жалости. Но не ужели столько въ груди моей малодушія? нѣтъ нѣтъ, умру; пусть смерть моя бѣгущему отъ меня вѣроломному Энею предвѣститъ злощастіе. Разрушайся Карфагенъ, пылайте чертоги; и да будетъ цѣль ваша моею гробницею.»

обыкновенною способностію говорить стихи безъ приуготовленія. Я имѣлъ случай его слышать. Ему задали, чѣмъ послѣдовало съ обществомъ людей, еслибъ женщины лишены были скромности, смѣлливости и должны бы искасть любви въ мужчинахъ. Онъ взялъ гитару, началъ громкою симфоніею, потомъ пропѣлъ куплетъ о сотвореніи Адама и Евы, послѣ онаго продолжалъ играть, и сіе служило ему пособіемъ для образованія многихъ мыслей, кои ясно изображались на его лицѣ. Подобно Пинѣи, онъ приходилъ въ восторгъ, стихи вмѣстѣ съ музыкою, только что составленные, измѣнялись, переходили изъ тона въ тонъ, иногда выраженія его были пропонародныя, означающія природнаго поэта безъ воспіянія, иногда же они были сильны и пріятны, наконецъ онъ кончилъ всякою смѣсью и смѣшными стихами; ибо для Испаліянцевъ какъ воздухъ, такъ и смѣхъ равно нужны. Онъ пѣлъ полчаса и слушатели были въ восхищеніи. За споломъ, Импровизаторъ, на имя каждого собесѣдника говорилъ привѣтствіе, что называютъ они *Бриндизи*. Услышавъ мое имя, онъ наморщился и сказалъ, это пахнетъ Сѣверомъ, однакожь сочинилъ при спѣска, которыми самъ былъ не доволенъ. Наконецъ вызвался сказать на имя Императора АЛЕКСАНДРА. Сравнивая Государя съ Типомъ и Александромъ Македонскимъ, онъ произнесъ такую оду, что общество было въ себя. Просили, чѣмъ онъ повторилъ, и

чудной эпопѣй поэтъ, сказалъ совсѣмъ другое, другою мѣрою и гораздо лучше. Хотѣли, чтобъ сіе послѣднее опдашь въ печать, и къ великому удивленію моему, онъ не могъ припомнить связи первыхъ стиховъ, и извиняясь въ дурной памяти, продолжалъ говорить стихами.

Опѣй Импровизаторовъ не лѣзя требовать высокихъ чувствованій, особенно по тому, что многіе изъ нихъ не имѣютъ воспитанія; но обыкновенные изъ нихъ, равно какъ и славные, какова была увѣнчанная въ Римѣ Коринна, не могли бы ни на какомъ другомъ языкѣ достигнуть сего искусства. Сею способностію конечно обязаны они своему языку столь сладкозвучному, что самыя испорченныя нарѣчія онаго, какъ то Венеціанское, Медіоланское и Неаполитанское, остаются еще довольно гибки и мягки. Сицилійское же, смѣшенное съ Арабскимъ и Греческимъ, получило особенную способностъ къ скорому сложенію стиховъ, и потому Сицилія имѣетъ болѣе импровизаторовъ, нежели вся Италія.

Тассъ, Аріостъ, Петраркъ и Метастазій, умѣли языкъ Италіанскій, самъ по себѣ гибкій, пріятный и звучный, возвысить до всякаго рода стихотвореній. Упрекаютъ Италіанскихъ писателей въ излишней изнѣженности; но Петраркъ, сей Сладкопѣвецъ, нѣжно умѣлъ сочетать съ силою и краткостію. Метастазіевы оперы почитаются изъ всѣхъ лучшими: Семиспоклъ, Регуль, Дидона, Тишово милосердіе, сдѣлали славу его без-

смертною. Онъ соединилъ въ нихъ красоту
 высокаго трагическаго слога съ красотою
 героическихъ чувствъ. Многія мѣлкія спи-
 хотворенія его, а особливо аріи въ операхъ,
 дышащія Анакреонтическою нѣжностію. Въ по-
 емѣ *освобожденный Іерусалимъ*, безсмертный
 Тассъ, на своемъ такъ называемомъ слишкомъ
 нѣжномъ языкѣ, умѣлъ сравняться и превзой-
 ти многихъ эпическихъ поэтовъ и самаго
 Мильтона. Описаніе ада есть нѣкій исполин-
 скій вымыселъ. Волтеръ по справедливости
 удивлялся, ошколѣ для изображенія онаго могъ
 онъ въ нѣжномъ языкѣ Италіянскомъ найти
 столько громкихъ и суровыхъ словъ. Арми-
 динъ садъ, очарованный лѣсъ, единоборство
 Танкреда съ Аргантомъ, смерть Клоринды,
 любовь Эрминіи, нападеніе Солимана, и мно-
 гія другія мѣста, суть образцы неподражае-
 маго вѣщійства. Наконецъ *Неистовый Роландъ*,
 столь кришикованный и столь превозноси-
 мый, также, хотя въ другомъ родѣ, навсегда
 останется неподражаемымъ. Аріостъ въ сво-
 ей поэмѣ изображаетъ попеременно, то звукъ
 оружія, то благовонные луга и рощи, то ро-
 скошныя чертоги Алциной и въ самыхъ ужа-
 сахъ своихъ, онъ представилъ природу пре-
 лестною. Все живетъ, все дышетъ подъ его
 перомъ, вездѣ видно дарованіе и прекрасный
 вымыселъ. Чипатель безъ малѣйшаго усилія
 слѣдуетъ за чародѣемъ, спрансвуетъ съ
 нимъ изъ края въ край, поднимается на воз-
 духъ, сражается на крылатыхъ чудовищахъ.

Не вѣроятно, чѣобы на другомъ языкѣ, пошѣ же пѣвецъ Роланда, могъ написашъ что нибудь подобное.

Народныя игры.

Сраженіе съ быками принадлежишъ къ числу любимыхъ забавъ народа. Для сего зрѣлища чернь собираешся на площадь. Одинъ разъ проходя мимо я останоуился посмоуришъ, но не могъ выдержашъ виду мучительной смерти бѣднаго живоушнаго, и никогда болѣе не ходилъ близъ сей площади, гдѣ всякой день вмѣсто бойни убивали быковъ для забавы. Вмѣсто сихъ отвращишельныхъ удовольствій есть здѣсь и благороднѣйшія, состоящія въ танцахъ. Въ Палермѣ отъ утра до вечера слышна музыка. Здѣсь множество наполненныхъ народомъ танцевальныхъ залъ, гдѣ готовъ завтракъ, вино, и охоушницы танцувашъ. Кромѣ національныхъ плясокъ, танцуюшъ кадрили, въ которыхъ Па совершенно театральные. Для черни это много.

Кукольная комедія и балетъ, Кишайскіе шѣни, Арлекинъ и Паяцо, весьма обыкновенны. Сверхъ оныхъ сказочники забавляюшъ народъ смѣшными рассказами, часто замысловатыми. Составляюшъ изъ скамеекъ квадраты, слушатели сядушся, а сказочникъ славъ по срединѣ, начинаешъ громкимъ голосомъ, и сопровождая каждое слово движеніемъ рукъ и ногъ, объясняешъ происшествіе насюающимъ

дѣйствіемъ. Напримѣръ, если говоришь, онъ упалъ въ грязь, самъ падаетъ. Если нужно представить драку, онъ дерется съ паяцомъ, своимъ всегдашнимъ помощникомъ. Въ праздники рассказъ его обыкновенно начинается житіемъ святаго, а кончится смѣхомъ. Въ послѣднюю недѣлю поста, спраши Христовы представляющъ на самомъ дѣлѣ, и въ сіе время раскатики, говорящіе съ большимъ жаромъ и обливаясь слезами, получаютъ много денегъ, ибо народъ, не понимая, что по Лапински читающъ въ церквѣ, шѣмъ охотнѣе ихъ слушаетъ.

Къ числу карнавалныхъ увеселеній принадлежитъ конское ристаніе особеннаго рода. Одинъ разъ подходя къ Толедо, вижу множество народа, окна увѣшаны были коврами и шелковыми матеріями; балконы, окна и террасы заняты дамами и другими зрительями. Слышу барабанъ, выстрѣлъ изъ пушки, и вижу 8 лошадей, съ высокими рѣзными сѣдлами покрытыхъ богатыми чепраками, гривы и хвосты переплечены лентами, во весь духъ несущихся по улицѣ—безъ сѣдоковъ.

Статистика Сициліи.

Сицилія, по плодоносію своему, въ древле почиалась житницею Италіи. Плодородіе ея и нынѣ удивительно. Зерно, брошенное на едва обработанную землю, даетъ спорицею. Горы ея, возвышаясь амфитеатромъ, опъ вершинъ до основанія покрыты плодовитымъ

лѣсомъ, внутренность ихъ содержишь серебро, золото, прекраснѣйшій мраморъ, агатъ, яшму и лазуревый камень. Везувій, пепломъ своимъ оплодотворяя землю, сверхъ того даетъ множество сѣры, пемзы и лаву. Долины на всемъ островѣ, никогда не оскудѣваютъ и даютъ въ годъ чешыре жашвы. Вѣчное лѣто способствуетъ произрастанію вкуснѣйшихъ плодовъ, самые рѣдкіе, приличные странамъ подъ экваторомъ лежащимъ, съ нѣкоторымъ при-смотромъ, растутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ. Изобиліе ключей, источниковъ, небольшихъ рѣкъ и вообще водъ на всемъ островѣ удивительно; рѣки и море изобилуютъ всякою рыбою. Море, кромѣ множества безопасныхъ гаваней, какъ бы находясь въ соперничествѣ съ землею, доставляетъ другаго рода богатства, кораллы и жемчугъ. Словомъ, воздухъ, вода, земля и употреба ея, наполняютъ лоно сего благословеннаго острова, всѣми потребностями для жизни, Прозерпина и теперь еще могла бы рвать прекрасные цвѣты, Пиндаръ и Теокрытъ и теперь еще могли бы воспѣвать спода, пасущіяся на пучныхъ лугахъ Сицилійскихъ. Пчелы на горѣ Везувіи и нынѣ еще сосутъ сокъ изъ чабера, который сообщаетъ меду пріятный запахъ.

При владычествѣ Римлянъ въ Сициліи процвѣтали науки и художества. Арабы украсили ее славными водопроводами; повсюду видно древнее ея благосостояніе и великолѣпіе во многихъ оставшихся памятникахъ.

Доселъ земля сія , при маломъ ея населеніи , и будучи до сего времени предоставленною полной власпи Вицеровевъ , кошорые допускали морскихъ разбойниковъ грабитьъ безпрепятственно прибрежныя ея селенія , во многихъ мѣсцахъ дурно была обработана; но пребываніе Короля и переселеніе богатыхъ Вельможъ возбудили спящую промышленность; силы ея начали развиваться , и прошедшаго года , собственныхъ произведеній продано вдвое болѣе , нежели когда Дворъ былъ въ Неаполѣ. На полуденныхъ берегахъ начали разводить сахарной тростникъ и кофе. Нѣтъ ни малаго сомнѣнія , что чрезъ 10 лѣтъ , не будучъ имѣтъ въ нихъ надобности. Скоро можетъ быть изобилуя во всѣхъ произведеніяхъ , при оживленіи земледѣлія и торговли , Сициліянцы содѣлаются соперниками въ торговлѣ Англичанамъ , ибо они перевозятъ товары на своихъ судахъ.

Во внутренности острова бывають чрезвычайные жары , на берегахъ же воздухъ , прохлаждаемый морскими вѣтрами , умеренъ и здоровъ. Исключая жары въ Іюнѣ , Іюлѣ и Августѣ , въ прочее время года царствуетъ вѣчная весна , и засохшія произрастѣнія вновь облакаются зеленью. Въ лѣтніе мѣсяцы небо всегда ясно , зимою дують сильныя вѣтры , и часто бывають дожди и грозы , но крапковременно , и въ полдень случается шакъ жарко , что должно искасть тѣни. Снѣгъ рѣдко , и то на нѣсколько часовъ , падаетъ на горахъ. Не смотря на богатство , народъ живетъ

весьма неопытно, въ бѣдныхъ каменныхъ домахъ, работаетъ мало и питается большею частью плодами и овощами. Рыбу и морскія раковины предпочитаетъ онъ мясу, которое въ жары совсѣмъ не употребляется въ пищу.

Исторія.

По причинѣ преугольнаго вида Сициліи, Оукидидъ именовалъ ее Тринакрія или Трикетра. Сикулы, народъ вышедшій изъ Италіи, дали ему названіе Сициліи. Въ разныя времена населяема она была Греками, пришедшими изъ Наксоса, Колхиды, Коринѳа и другихъ странъ. Большая часть острова принадлежала Карѳагенцамъ, а остальною владѣли независимые Цари. Римляне, призванные Мамерпинами противу Гіерона Царя Сиракузскаго и Карѳагенцовъ, его союзниковъ, побѣдивъ послѣднихъ, покорили весь островъ. При паденіи Римской Имперіи Генсерикъ, Король Вандальскій, опустошилъ его. Велизарій, Полководецъ Юстиніана, въ 555 году по Р. Х. возвратилъ его Восточной Имперіи. Въ девятомъ столѣтіи, Сицилія сдѣлалась добычею Сарациновъ, коихъ Емиры обитали въ Палермѣ до 1074 года. Норманцы выгнали Арабовъ, а Рожеръ въ 1139 году основалъ въ Сициліи новое Королевство, бывшее причиною продолжительныхъ войнъ. Рожеръ, побѣдивъ Музульмановъ въ Сициліи, съ помощію Грековъ, завоевалъ Неаполитанское Королевство.

Констанція, дочь Рожера, по браку съ Императоромъ Генрихомъ IV въ 1186 году, доставила корону обѣихъ Сицилій Швабскому Дому. Въ послѣдствіи Монфруа, побочный брашъ внука Конрада, былъ признанъ наслѣдникомъ, но Графъ д'Анжу, съ благословенія Папы Климента IV, опустошилъ Королевство, и въ 1266 году убилъ Монфруа. Пётръ III, Король Арагонскій, женившись на дочери Монфруа, сдѣлался Королемъ Сициліи и въ 1282 году, въ день Пасхи, по первому звону колокола, всѣ Французы были убиты. Сіе ужасное злодѣяніе, извѣстное подъ именемъ *Сицилійской везери*, было причиною ссоры, кончившейся истребленіемъ Французовъ.

Исторія сихъ временъ представляетъ двѣ трагическія кончины двухъ Королевъ Іоанны первой и второй. Первая въ день брака убила мужа своего Андрея II. Молодость, красота и похвалика Папы оправдали ее, но брашъ Андрея сорокъ лѣтъ гналъ ее, и Іоанна, состарѣвшись въ несчастіи и угрызеніяхъ совѣсти, подъ желѣзомъ мщенія, пала съ своею короною. Вторая имѣла судьбу Елизаветы Королевы Англинской.

Въ 1713 году по Утрехтскому миру, Сицилія подъ именемъ Королевства отдана Герцогу Савойскому. Въ 1718 году, Филиппъ V, Король Испанскій, послалъ флотъ и сухопутную силу взять ее, но Англинскій Адмиралъ Бингъ, разбивъ оный, принудилъ Испанцевъ

возвратиться безъ успѣха. Лондонскимъ миромъ Сицилія отдана Императору Карлу IV, а Герцогъ Савойскій получилъ въ замѣнъ Сардинію. Въ 1735 году Испанцы, въ соединеніи съ Французами, возвратили Сицилію, но въ слѣдующемъ году, по заключеніи мира, Сицилія вмѣстѣ съ Неаполемъ, отдана Донъ Карлосу, старшему сыну Филиппа V, Короля Испанскаго. Когда Донъ Карлосъ, по наслѣдству возшелъ на престолъ Испанскій, по прѣшнему сыну Филиппа, нынѣ царствующему Фердинанду IV, досталась корона обѣихъ Сицилій. Фердинандъ, увлеченный чрезвычайными происшествіями нашихъ временъ, два раза терялъ Неаполь, два раза великодушною помощію Россійскаго Императора возвращалъ его, и нынѣ снова изгнанный, со стоическою твердоспійю переноситъ свое несчастіе, не оставляя надежды на союзника своего. Фердинандъ, по мѣстному положенію острова, не боится грозныхъ силъ Наполеона. Что бы онъ ни предпринялъ, утвердительно сказать можно, что островъ, хотя и не имѣетъ флота, но защищаемый Королемъ и древнею ненавистью народа къ Французамъ, будетъ имъ камнемъ прѣшкновенія. Узы, связывающія Сицилійцевъ съ Неаполитанцами, не могли уменьшить ненависти, они всегда оставались чуждыми другъ друга, и вотъ другая причина, по которой Наполеонъ найдетъ сильное сопротивленіе. А какъ Неаполь и Мальта не могутъ обойтись безъ Сициліи, откуда получали они хлѣбъ, то по сему от-

ношенію Сицилія опаснѣе Неаполю, нежели Неаполь оспрову, котораго независимость необходима Англичанамъ; ибо безъ Сициліи они не могутъ властвовать въ Средиземномъ морѣ.

1807-й годъ.

П л а в а н і е о т ъ П а л е р м ы д о

М е с с и н ы.

6-го Генваря, ночью, оставили мы Палерму, и на всѣхъ парусахъ при умѣренномъ вѣтрѣ поплыли на встрѣчу солнца. Туманъ лежалъ надъ столицею, но когда солнце стало восходить, туманъ поднялся и Палерма видна была на горизонтѣ какъ будто бы въ половину погруженная въ морѣ. При восхожденіи, свѣтъ востока и сумракъ запада производили удивительныя въ тѣняхъ перемѣны. Ночь была темная, луна въ облакахъ, звѣзды не блистали; но когда лучи солнца, по приближеніи его къ краю горизонта отдѣлили волны отъ небесъ и освѣтили одну сторону амфитеатра Сицилійскихъ горъ, воспокъ позлащился пурпуровымъ блескомъ, а западъ между тѣмъ былъ еще во мракѣ, который постепенно уступая свѣту, съ появленіемъ солнца вдругъ исчезъ.

Сильный, сѣверный вѣтръ способство-
валъ нашему плаванію, которое доставляло
намъ еще и то удовольствіе, что шли близ-
ко берега. Липарскіе острова и Сицилія, ме-
жду которыми мы держали, на каждомъ ша-
гу представляли новые предметы и карти-
ны. Вѣтръ, дувшій отъ острововъ, приносилъ
намъ запахъ померанцовыхъ и ципронныхъ
деревъ; но къ вечеру вѣтръ нѣсколько усилил-
ся, сдѣлался крутъ и мы должны были лавиро-
вать. Въ полночь, когда подошли къ крѣпо-
сти Мелаццо, вѣтръ вдругъ упалъ, фрегатъ
отъ боя волнъ не поворошилъ, и спускаясь по
вѣтру, прошелъ въ нѣсколькихъ только са-
женяхъ отъ берега. Вышедшихъ на набереж-
ную съ фонарями людей, можно было разли-
чать по лицу. Передъ свѣтомъ показался по-
жаръ Спиромболи. Мы въ сіе время находились
отъ него въ 50 миляхъ и слышали подземный
глухой шумъ.

7-го Генваря, прошли благополучно пучи-
ны Скиллу и Харибду, и бросили якорь въ Мес-
синѣ. Часныя разбишія кораблей слабо по-
строенныхъ и еще хуже управляемыхъ, прида-
ло симъ пучинамъ сверхъестественную силу,
и воображеніе Грековъ, любящихъ говорить
баснословно, изобразили ихъ слѣдующею ал-
легоріею. Гомеръ и Виргилій подъ видомъ
двухъ жестокихъ Нимфъ, краснорѣчиво опи-
сали ихъ. Скилла Форкова (сына Нептунова)
дочь, говорящъ они, любила Главка. Кирка,
другая Нимфа, видя, что любовь ея плашился

презрѣніемъ, въ источникъ, гдѣ ея соперница имѣла привычку умываться, набросала ядовитыхъ травъ. Скилла, вышедъ изъ воды, сдѣлалась сполько безобразною, что успрашась самой себя, въ опчаяніи бросилась въ море. Боги преврапили ее въ камень, а море въ пучину, ея именемъ названною. Шумъ воды стихотворцы приписываютъ лаю собакъ и вою волковъ, копорые Скиллу въ морѣ окружають.

Мессина.

По мнѣнію Спрабона Мессина въ древности называлась Занкле (Zancle). Выгнанные изъ Пелопонеса Мессинцы, поселившись въ немъ, дали городу нынѣшнее названіе. Осада Карѣагенцевъ вмѣстѣ съ Гіерономъ, Царемъ Сиракузскимъ была безуспѣшна, но Пирръ взявъ, разорилъ, городъ до основанія. Римляне, призванные на помощь прошиву Карѣагенянъ, удержали Мессину за собою, что и было причиною Пуническихъ войнъ.

За два дни до нашего сюда прибытія, появилось въ портѣ множество *Акулъ*. Одна изъ нихъ схватила мальчика, мывшаго ноги на набережной, чрезъ нѣсколько секундъ возлѣ Англинскаго фрегата, мальчикъ безъ ноги всплылъ. Послали шлюбку спасти его, но лишь начали подымать, Акула съ яростію выпрыгнула изъ воды и въ одно мгновеніе

вырвала и проглотила. Въ городѣ показывали одну не давно пойманную. Длина сего чудовища была нѣсколько болѣе 6-пи сажень, подпершая багромъ пасть его, представляла шесць рядовъ зубовъ числомъ до 200, они весьма крѣпки, прегранные и очень острые, послѣдніе четыре ряда лежатъ загнутыми назадъ на подобіе листовъ Аршишковыхъ, зубы верхней челюсти проходятъ въ промежутокъ нижней. Горло такъ обширно, что нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Акула, а не Китъ, у котораго горло узко, проглотила Пророка Іону. Въ желудкѣ Акулы, пойманной въ Марсели, нашли цѣлаго человѣка въ полномъ вооруженіи, почему Французы и назвали ее ле Рекень (le Requin). Акула часто гоняется за кораблемъ, хватается все, что съ него бросаютъ, и мертвыя шѣла проглатываетъ вдругъ. Она безпрестанно гоняется за рыбою, прожорлива какъ Гіенна, дерзка, смѣла какъ шигръ. Акула опустошила бы моря, если бы зрѣніе ея не прищуплялось перепонкою, закрывающею глаза, а верхняя челюсть, будучи длиннѣе нижней, не препятствовала бы ей хватать добычу. Опшворя пасть Акула должна оборачиваться вверхъ брюхомъ, вспрыгивать или ложиться на бокъ, причемъ она не можетъ плыть, а рыба имѣетъ время спастись. Сіи недоспадки замѣняются острымъ слухомъ и проворствомъ въ плаваніи.

Для ловли Акулъ употребляется полстой желѣзный крючокъ съ цѣпью въ три аршина. Цѣпь прикрѣпляется къ надежной веревкѣ, завязанной на кормѣ судна. На крюкъ насаживается кусокъ солонины и съ поплавкомъ, не допускающимъ цѣпь упасъ на дно, бросающъ въ море. При паденіи Акула бѣжитъ къ мѣсту по слуху и съ жадностію проглатываетъ приманку, тогда выбрасываютъ веревку. Когда почувствуетъ она, что ее тянутъ за кораблемъ, съ остервененіемъ грызетъ зубами цѣпь, бросается впередъ, опускается въ воду, снова появляется, прыгаетъ, кружится и извергаетъ все, что находилось во внутренности ея. Не прежде поднимающъ ее на корабль, какъ когда она совершенно утомилась и изойдетъ кровью; ибо она весьма живуща и разрубленные ея члены шевелятся какъ змѣиные и умирающая ударомъ хвоста можетъ убиť человека. Мясо ея отвратительнаго вкуса, трудно для варенія желудка, однакожъ Ишаліянцы, почти согнившее ѣдятъ его; твердая кожа употребляется на чистку мебели, а изъ жиру вытапливается худое ворванное сало.

При появленіи Акулъ, обитатели водъ, бѣгутъ, разсѣваются въ разныя стороны. Прилипало, здѣсь называемая *Релора*, одна не боится ихъ, всегда предшесствуетъ и играетъ безопасно близь сихъ испребителей рыбнаго рода. Прилипало длиною не болѣе аршина,

имѣетъ на головѣ иглы, обращенныя острыми концами къ хвосту, сею-то часпію впивается она въ большія рыбы, даже нападаетъ на Акулъ и прицѣпляется къ камнямъ. Основываясь на сей способности Реморъ, древніе писатели думали, что галера, на коей находился Аншоній во время сраженія подъ Акціею, была ими ошановлена; равномѣрно и корабль Періандра Коринѣскаго, отправившаго въ Книдъ приста юношей для сдѣланія ихъ скопцами, не могъ также двигаться, не смотря на благопріятство вѣтра; почему въ Книдѣ въ храмъ Венеры, сихъ Реморъ, (названныхъ кораблеудержателями) чествовали полагая, что они сотворили сіе чудо. Свойство Прилипалы, преслѣдовать всякую рыбу, впиваясь въ нее, подало поводъ употреблять ее для ловли другихъ рыбъ, копорая извѣстна была древнимъ, и нынѣ, какъ меня увѣряли, употребляется въ Архипелагѣ. Ремора такъ крѣпко впивается въ рыбу, что даже большіе не могутъ отъ нее вырваться, и упомившись всплываютъ вмѣстѣ съ нею на верхъ.

П л а в а н і е о т ъ М е с с и н ы д о К а с т е л ь - Н о в о .

Принявъ отъ Консула свинецъ и бумагу для пашроновъ, оставили Мессину 11-го Января. У мыса Спаршивенто дожидаль насъ Англинской фрегатъ *Си-горсѣ*, построенный по

образцу Венуса; мы его обогнали при шихомъ вѣтрѣ, когда же оный посвѣжѣлъ, то ушли изъ виду. 13-го съ сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ приблизились къ южному проливу Корфы, и уже готовились часа черезъ два увидѣть своихъ знакомыхъ; но здѣсь мы испытали, что въ морѣ впередъ располагать не можно, и вмѣсто Корфы противу воли и желанія угнало насъ въ Кастель-Ново. Захожденіе солнца предвѣщало бурю, черныя облака неслись со всѣхъ сторонъ, луна скрылась за облаками, ни единая звѣзда не сверкала, вдругъ, сильный шкваль опъ юго-воспока принудилъ насъ взять рифы и лавировать, къ полуночи поднялась буря, ночь сдѣлалась мрачна и ужасна. При разсвѣтѣ выбило изъ парусовъ, и мы, не могли войти ни въ сѣверной, ни въ южной проливъ Корфы, принуждены были пуститься по вѣтру въ Адриатическое море.

По восхожденіи солнца, небо прояснилось, море было бѣло какъ снѣгъ, синій паръ носился надъ Албанскими горами, коихъ снѣжныя вершины превышали теченіе облаковъ, фрегатъ подъ однимъ фокомъ, шелъ по 22 версты въ часъ, и опъ столь большаго хода, казался утопавшимъ въ волнахъ. Купеческія суда, шедшія съ нами по одному направленію, отставали точно такъ какъ бы они стояли на мѣстѣ, всѣмъ мы желали *добраго пути!* и неслись мимо, какъ изъ лука стрѣла. Ничто не можешь сравниться съ удовольствіемъ скорого

плаванія, предметы показывающіеся, идутъ на встрѣчу, летятъ и скрываются, новыя заступаютъ ихъ мѣсто и также скоро ушопаютъ въ морѣ. Прошедъ Валону, сѣверо-восточный перемѣнился на прежній юго-восточный вѣтръ, и дулъ съ жестокими порывами; у Дурацо идучи въ полвѣтра, ночью быстро промчались мы мимо нашего флота, по числу фонарей (*) узнали мы Адмиральскій корабль, но какъ порохъ должно было доставить въ Капаро, то мы продолжали тотъ же курсъ и не смотря на *Бору*, шемногу и камни, лавируя подъ рифленными марселями; ночью 15-го Генваря бросили якорь у Кастель-Ново. Тутъ нашли мы корабли Пепръ, Москву и Параскевію съ 3 мѣлкими судами, подъ командою Капитана 1-го ранга Барашинскаго, которому поручено защищать Капаро. Эскадра, состоящая изъ 5 кораблей, подъ командою Капитанъ Командора Игнашьева, въ началѣ сего мѣсяца прибыла изъ Кронштапта на здѣшній рейдъ, и вмѣстѣ съ Адмираломъ отправилась въ Корфу. Симвъ усиліемъ флота, желаніе Государя Императора всемѣрно продолжая покровительство сего края, весьма обрадовало народъ и утвердило въ непоколебимой преданности и усердіи къ Россіи.

(*) Флагманскіе корабли ночью освѣщаются положеннымъ числомъ фонарей, по онымъ всегда можно узнать, какого чину на оныхъ корабляхъ находится Адмиралъ.

ВЗЯТІЕ ОСТРОВОВЪ КУРЦАЛО И БРАЦО.

Непріятель послѣ неудачнаго покушенія взять Каспель-Ново, споялъ у старой Рагузы и ничего не предпринималъ. Адмиралъ при наступленіи ненаспнаго времени оставилъ 2300 нерегулярныхъ войскъ, прочіе распустилъ, но въ случаѣ нужды, оныя помощію телеграфовъ могли узнать объ опасности и въ 24 часа собраться. Оставленные на службѣ Приморцы и Черногорцы, при каждомъ байракѣ (знамѣ), для руководства въ движеніяхъ имѣли по одному Офицеру и нѣсколько рядовыхъ. 4-го Октября, дабы увѣришься въ какихъ силахъ находишся непріятель, и, если слухи справедливы, что оный отступаетъ, занялъ Рагузу. Мипрополишъ, взявъ нерегулярныя войска и 13-й егерскій полкъ, выступилъ къ Старой Рагузѣ; Адмиралъ съ 4-ю кораблями шудаже прибылъ; но Францускія войска въ тѣхъ же силахъ стояли въ укрѣпленномъ лагерѣ; почему Мипрополишъ въ легкихъ переспрѣлкахъ взявъ нѣсколько плѣнныхъ, безъ потери возвратился въ Каспель-Ново. Впрочемъ по близкому пребыванію непріятели происходили частыя спычки и безпрестанныя упражненія войскъ, въ которомъ наши имѣли преимущество и всякой почти день приводили плѣнныхъ. Малое число войскъ нашихъ, отдаленность отъ отечества, откуда не было надежды скоро получить помощь, не позволяли предпринять что

либо важное; не лѣзя было помышлять о пріобрѣтеніяхъ; сбереженіе силъ для защиты провинціи было лучшимъ и необходимымъ средствомъ; но какъ въ Далмаціи искра возмущенія шлѣлась подъ пепломъ, то и Французы опасались напасть на насъ, и какъ война въ Пруссіи уже началась, то оба войска оставались въ бездѣйствіи, ожидая рѣшенія участи юга отъ событій на Сѣверѣ.

Французскій Посоль при портѣ, Генераль Сабаспіани, успѣлъ воспользоваться заключеннымъ Убриемъ миромъ, Диванъ вопреки договора съ Россіею смѣнилъ Господарей Молдавіи и Валлахіи; сіе могло сдѣлаться поводомъ новой войны, и положеніе войскъ нашихъ въ Капаро было бы гораздо затруднительнѣе; однакожь когда Государь не утвердилъ Убриева мира, а Сенявинъ разбилъ Мармонша, по Порша, удовлетворивъ справедливое требованіе нашего Двора, еще на нѣкоторое время удержалась съ Россіею и Англіею въ союзѣ. Адмираль, полагаясь на сей союзъ, усилилъ гарнизоны Капарской области 6-ю ротами 14-го егерьскаго полка, предложилъ сдѣлать Экспедицію, не возможно ли будетъ овладѣть островами Курцало, Лезино, Браццо и утвердись тамъ посѣ, дабы жилили Далмаціи, желающіе и давно ищущіе быти подданными Россійскаго Императора, не могли перейти въ чужіе руки, въ такомъ случаѣ когда Французы не получаютъ успѣха въ Пруссіи и должны будутъ оставить Далмацію.

Въ слѣдствіе сего 26 Ноября Главнокомандующій, посадивъ на корабли Селафаиль, Елену, Ярославъ, фрегатъ Кильдюинъ, на 2 транспорша и 5 Бокезскихъ Корсеровъ, два баталіона Егерей, съ 150 человекъ лучшихъ Черногорскихъ и Приморскихъ стрѣлковъ, отправился къ острову Курцало. Чѣмъ бы не вредишь домовъ и не убиваешь безвинныхъ жителей, Адмиралъ приказалъ, проходя крѣпость, не начинать прежде пальбы, пока не откроешь оной непріятель; но коль скоро 27-го Ноября первой корабль поровнялся съ крѣпостью, Французы открыли огонь. Каждое судно проходя выстрѣлило по крѣпости по два и по три заряда на пушку. Пройдя за выстрѣлъ, эскадра стала на якорь. 28 предложена была капитуляція; но Францускій Комендантъ не согласился и сказалъ, что жителей не онъ, а мы должны беречь.

29 числа на разсвѣтъ, войска числомъ 1019 человекъ, высажены въ 4 верстахъ отъ крѣпости. Составя три колонны подъ командою Полковника Боаселя, Бобоѣдова и Подполковника Велисарева, подъ личнымъ предводительствомъ Адмирала, войска напали на редутъ, стоявшій при монастырѣ *Сентъ Біаджіо*, прикрывающій крѣпость. Сей редутъ съ одной стороны, откуда было нѣсколько приступиѣ, защищался 2 пушками, съ другой крѣпостными башарями. Французы, отойдя отъ редута шаговъ на 300 впередъ, залегли за каменьями; Черногорцы подползли къ нимъ,

первые открыли огонь, и по обыкновенію своему тотчасъ опустушили; Французы успремились за ними; но примѣтя, что наши егеря спарались напасъ на нихъ во фланги, остановились, построились и отважно бросились на первую колонну. Храбрый Полковникъ Бобоѣдовъ, принялъ ихъ сильнымъ огнемъ, ударилъ въ штыки и въ тоже время подкрѣпленный колонною морскихъ солдатъ, обратилъ ихъ въ бѣгство. При семъ случаѣ Полковникъ Бобоѣдовъ, роты его Штабсъ-Капитанъ и Поручикъ были ранены, и какъ рота нѣсколько опъ сего разстроилась, то Французы, искавшіе уже убѣжища въ редутѣ, успремились опять на насъ, но братъ Митрополиша Савва Пепровичъ съ Черногорцами, Приморцами и нѣсколькими егерями, опмѣнно храбро и скоро ударилъ непріятелю въ лѣвой флангъ и заключилъ его въ редутъ. Французы защищались въ немъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и картечью. Матрозы встали на высоту два горныхъ орудія, коими по немногихъ удачныхъ выстрѣлахъ подбили у обоихъ непріятельскихъ пушекъ снайки; тогда рота Морскаго полка, Полковника Боаселя, у которой въ ту минуту убило Капитана, съ яростію бросилась на редутъ, попомъ и прочія съ усиліемъ вломились въ ворота, и тѣмъ довершили дѣло. Французы бѣжали въ крѣпость. Морской роты фельдфебель Харипоновъ первый вошелъ въ редутъ.

5о Ноября, корабль Ярославъ, съ воору-
Часть II.

женными гребными судами, открылъ огонь по крѣпости, въ тоже время и войска напали съ сухопутной стороны. Французы опшшсововали пушечными и ружейными выстрѣлами, но чрезъ нѣсколько минутъ замолчали, спустили флагъ и подняли бѣлой. По сигналу пальба прекратилась. Французскій гарнизонъ вышелъ, положилъ ружье, и сдался на власть. За плѣмъ наши войска, вошли церемоніально въ крѣпость и подняли Императорскій Россійскій флагъ (*). Въ плѣнъ взято: Полковникъ Орфенго, 13 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 589 рядовыхъ 81 полка, убитыхъ на мѣстѣ 6 Офицеровъ и 150 солдатъ, раненыхъ Офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 45, всего 607 человекъ. Потеря наша убитыми: Офицеровъ 3, солдатъ и Черногорцевъ 21, ранено Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 66. Въ крѣпости получено въ добычу пушекъ 14 съ довольномъ количесвомъ пороха и снарядовъ. Во избѣжаніе затрудненія въ содержаніи плѣнныхъ, опправлены они на честное слово не служить до размѣна находящихся во Франціи, чинъ за чинъ, здоровые въ Анкону, а раненые въ Спалапру.

2 Декабря, корабль Москва доставилъ еще 100 человекъ Черногорцевъ. Главнокоман-

*) Всѣмъ нижнимъ чинамъ за взятіе острова Курцало Государь ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ пожаловать по рублю на человека.

дующій, оставя въ крѣпости 2 роты и для прикрытія корабль Елену, прочія войска забралъ на корабли и 8 съ попутнымъ вѣтромъ, обошедъ островъ Лезино, между онымъ и островомъ Брацо 10 Декабря спалъ на якорь. Корабли проходя башарею, находившуюся на мысу прошивъ острова *Сольта*, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Тотчасъ высажено было 400 человекъ егерей, подъ командою 14 егерскаго полка Капитана Романовича. Черногорцами и Приморцами командовалъ Мичманъ Фад. Тизенгаузенъ. Французы заняли два высокіе холма близъ башарей. Капитанъ Романовичъ, раздѣливъ отрядъ на четыре части, напалъ на непріятеля столь быстро, что Французы, видя себя отрезанными, послѣ малой перестрѣлки положили ружье. Дѣло кончено безъ всякой съ нашей стороны потери. Въ плѣнъ взято: Офицеровъ 4, солдатъ 79, на башарей получено пушекъ 18 фунтовыхъ 4. Здѣсь должно замѣтить, что Черногорцы отличились не только храбростію, но повиновеніемъ и человеколюбіемъ. Они первые по извѣстной ихъ распорочности подобрались къ Французамъ, кошорые хотя были ихъ безсильнѣе; но дерзнули открытъ огонь; въ семъ случаѣ по правамъ ихъ войны, Черногорцы могли поступать съ ними жестоко; но оказали удивительную кротость, и такъ что взявъ нѣсколькихъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ командовавшаго Францускимъ отрядомъ Капитана Бюре, ни одного не убили и ни чѣмъ не оби-

дѣли. Сей походъ сдѣлался сказкою между Черногорцами, и они, до сихъ поръ не видавъ болѣе воды, кромѣ одного Скушарскаго озера, получили охоту на корабляхъ плавать въ море; сіи избранные возвратились домой, рассказали чудеса своимъ друзьямъ, и ласки Адмирала къ нимъ во время похода оказанныя, еще болѣе привязали къ нему весь народъ. Поэты ихъ сославили на сей случай пѣсню, въ которой имя Сенявина, и другихъ храбрѣйшихъ начальниковъ, передается потомству и соединяетъ, такъ сказать, имя Русскаго съ Славянскимъ.

Завладѣніе островомъ Лезино, сильно укрѣпленнымъ и имѣющимъ достапочной гарнизонъ, стоило бы болѣе жерпвы. Но когда Адмиралъ готовился приступить и къ нему, бригъ Бонасортъ доставилъ отъ Гр. Моцениго увѣдомленіе, что Али-Паша занялъ Превезу, призывалъ къ себѣ эскадру Шереметь-бей и движеніями войскъ своихъ угрожаетъ Корфу. По спеченію шаковыхъ обстоятельствъ, Адмиралъ принужденъ былъ оставить намѣреніе свое соединить силы для защищенія Ионической Республики, по чему 11 Декабря разоривъ бапарею на Браццо, и утвердивъ путь морской постъ, какъ ближайшій къ Спалагро, возвратился въ Курцало.

СРАЖЕНІЕ Брига Александра съ Французскою
ФЛОТИЛІЕЮ.

Бригъ Александръ оставленъ былъ у острова Брацо для наблюденія непріяшеля и для прекращенія сообщенія Спалапры съ островомъ Лезино. Генераль Мармоншъ, узнавъ, что одинъ бригъ, имѣющій двѣнадцать 4-хъ фунтовыхъ пушекъ и 75 человекъ экипажа, занимаетъ столь важный постъ, выслалъ изъ Спалапры 3 канонерскія лодки, одну шарпану, именуемую *Наполеонъ* и одну шребаку, посадивъ на оныя столько солдатъ, сколько помѣстится было можно. Лодки вооружены были двумя орудіями 18 фун. калибра и нѣсколькими фалконешами; шарпана *Наполеонъ* одна была сильнѣе нашего брига, она имѣла на носу двѣ 18 фун. пушки и шесть 12 фунтовыхъ по бортамъ.

16 Декабря, доброхотные къ намъ жилили, узнавъ о намѣреніи непріяшеля, предупредили Командира брига Лейтенанта Ив. Сем. Скаловскаго, и обѣщали ему на берегу острова Сольта зажечь столько огней, сколько лодокъ выйдетъ изъ Спалапро. Для сдѣланія сего сигнала они оставили въ Спалапро двухъ своихъ товарищей. Получа сіе извѣстіе, бригъ приуготовленъ былъ къ принятію непріяшеля, какъ должно, особенно на абордажъ. Около полуночи, Гардемаринъ, бывшій въ объѣздѣ, объявилъ, что отъ стороны Спалапро идутъ нѣсколько судовъ, и въ то же время

на берегу зажгли пять огней. Дабы предупредить непріятеля нечаяннымъ нападеніемъ, бригъ вступилъ подъ паруса. Ночь была прекраснѣйшая, небо ясно и свѣтлая луна была во всемъ блескѣ. Къ сожалѣнію вѣтръ былъ очень тихъ и бригъ вашъ, не успѣвъ обойти западной оконечности острова Брацо, встрѣтился съ непріятельскою флопиліею. Скаловскій приказалъ придержаться къ оной какъ можно ближе и обратившись къ людямъ своимъ сказалъ: „въ числѣ лодокъ естъ по названію Наполеонъ, ребята! помните, что вы имѣете честь защищать имя Александра. Если я буду убитъ, не сдавайтесь пока всѣ не положили свои головы!“ съ Богомъ начинай! Храбрый Скаловскій пуспивъ по лодкамъ полный залпъ, приказалъ остановить пальбу; непріятель симъ поощренный, на парусахъ и веслахъ, производя жестокой огонь изъ ружей и пушекъ, шелъ прямо къ борту, дабы взявъ бригъ абордажемъ. Скаловскій подпустивъ Французовъ на ближній свой картечный выстрѣлъ, открылъ непрерывной огонь, и лодки тотчасъ спали опходить, стараясь держась за кормою брига; но оный обращаясь къ нимъ по одной, по другою стороною, поражалъ ихъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что по причинѣ многолюдства, произвело на лодкахъ большое смятеніе. Чрезъ часъ по началіи сраженія, сдѣлалось совсѣмъ тихо; бригъ не могъ маневрировать, а лодки при помощи веселъ напали на него съ кормы,

гдѣ два фалконета и нѣсколько спрѣлковъ прошивупоспавляли самое слабое сопрошивленіе. Сіе невыгодное положеніе не могло поколебать мужественнаго Скаловскаго; онъ приказываетъ Мичману Л. А. Мельникову барказомъ буксировать бригъ и обратишь его боршомъ къ непріятелю. Подъ градомъ пуль и каршечъ, въ продолженіи двухъ часовъ Мельниковъ съ точностію исполняетъ опасное и смѣлое сіе порученіе. Лодки, будучи очень близки, нѣсколько разъ покушались приставъ къ борту, но всякой разъ были отражаемы, и продолжали сражаться въ самомъ близкомъ разстояніи. Наконецъ послѣ трехъ часовъ упорнѣйшей битвы, Наполеонъ потерялъ грошъ мачту (большую), другая лодка со всѣми людьми пошла ко дну, прочія также весьма поврежденныя начали отступавъ; бригъ помощію буксира преслѣдовалъ ихъ, пока они на веслахъ не вышли изъ его выстрѣловъ. Еслибъ несовершенной шпиль, флотилія непременно была бы истреблена или взята. Храбрый Скаловскій, всѣ его Офицеры и команда получили отличное Монаршее награжденіе. На бригъ убитыхъ было 5, раненыхъ 7 человекъ; корпусъ его, паруса и снасти были избиты какъ рѣшето. Непріятель, по вѣрнымъ свѣденіямъ потерялъ 217 человекъ убитыми, ранеными и попонувшими. Остальныя 4 лодки, особенно Наполеонъ, такъ были повреждены, что еслибъ изъ Спалашро,

не высланы были на встрѣчу гребныя суда, то они не дошли бы до порта.

Мармоншъ столько увѣренъ былъ въ побѣдѣ, что онъ предупредилъ дамъ, бывшихъ у него на балѣ, что бы они не пугались пальбы, что онъ завтра сдѣлаетъ имъ нечаянный подарокъ *Александромъ* Россійскимъ бригомъ, и всѣ его госжи пили за здоровье Французскихъ войскъ. Но по разсвѣтѣ несчастный его Наполеонъ, съ 3 лодками, пришелъ весь избитый и въ гавани потонулъ. Онъ столько огорченъ былъ сею неудачею, что Командора флотиліи Аршиллеріи Капитана и всѣхъ Офицеровъ арестовалъ, посадилъ въ крѣпость и опдалъ подъ судъ.

Изъ экипажа сего брига маэпрозы Усшинъ Федоровъ и Іевлей Аѳанасьевъ особенно отличились. Первый, будучи раненъ пулею въ ногу, не хотѣлъ итти къ Лѣкарю и перевязавъ рану плашкомъ, продолжалъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока другая пуля не пробила ему лѣвую руку. Нѣтъ ничего, сказалъ Федоровъ, у меня есть еще правая рука, и перевязавъ раны вышелъ на верхъ, взялъ саблю и оказывалъ великое желаніе, чтобы Французы опважились на абордажъ. Аѳанасьевъ былъ раненъ картечью въ ногу; когда ему рану перевязали, хотя онъ и ослабѣлъ отъ испеченія крови, но возвратившись къ своей пушкѣ, сказалъ удивленнымъ поварищамъ: „спыдно сидѣть внизу, помните, что сказалъ Иванъ Семеновичъ, не сдаваться пока не положимъ

своихъ головъ, а у меня она слава Богу еще цѣла; но съ словомъ симъ онъ пораженъ былъ щепою въ голову и упалъ безъ чувствъ. Юнга (къ сожалѣнію моему не сообщено мнѣ имя его) мальчикъ лѣтъ 12, во все сраженіе заряжалъ свою пушку, стоя за борномъ совершенно открытъ, съ такою веселостію, какъ бы это было въ простомъ ученіи. Капитанъ замѣтилъ сіе, и послѣ сраженія похваливъ его храбрость, спросилъ, не ужели онъ ничего не боялся? чего бояться Ваше Благородіе, отвѣчалъ юнга, вишь двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать; еслибы Французы не бѣжали, мнѣ бы своей не уберечь.

Анекдоты и военный пиръ.

1.) Великодушіе и примѣрная честность 13 егерскаго полку, роты Капитана Товбичева рядоваго *Ивана Ефимова* обратили на себя вниманіе непріятельскаго начальства. Въ сраженіи 5 Іюня 1806 года подъ Рагузою Францускій солдатъ, взяшый нашимъ егеремъ въ плѣнъ, былъ опнятъ Черногорцами, которые, по своему обыкновенію, хотѣли опрѣзать ему голову. Егерь бранился, просилъ, уступалъ даже имъ плѣннаго съ тѣмъ, что бы они оставили его живымъ и увѣрялъ, что за него, по обѣщанію Адмирала, дадутъ имъ въ главной квартирѣ червонецъ. Все напрасно, сняли съ Француза галстукъ, положили на землю и уже мечъ блеснулъ надъ головою несчастнаго. Ве-

ликодушный Ефимовъ, видя, что не можетъ одинъ защитить его, употребляетъ послѣднее убѣжденіе, снимаетъ съ кресла свои деньги, отдастъ ихъ и говоритъ: „вошъ вамъ все, что у меня есть; но если кто изъ васъ осмѣлился зарѣзать моего плѣнника, того перваго посажу на штыкъ; вы должны будете убить послѣ него и меня. Подумайте только, какой грѣхъ убить своего брата: Митрополитъ проклянетъ васъ!“ набожные Черногогорцы содрогнулись при сихъ послѣднихъ словахъ, взяли деньги и полумертвый отъ страха Французъ сданъ Егеремъ въ главную квартиру. Плѣнный сей содержался на кораблѣ *Св. Петра*. Спустя нѣкоторое время егеръ прѣзжаетъ на этотъ корабль къ землякамъ въ гости. Французъ встрѣчается съ нимъ, узнаетъ его, бросается къ нему на шею, обнимаетъ, называетъ своимъ избавителемъ, попомъ оставляетъ его, бѣжитъ внизъ и возвратившись въ минушу, убѣждаетъ принять въ знакъ благодарности выработанные имъ на кораблѣ два талера. Егеръ не принимаетъ ихъ; никто не можетъ понять, что это значить; наконецъ призывають Гардемарина, говорившаго по Француски, который объясняетъ все дѣло. Егеръ не утверждая и не отрицая, что заплатилъ за Француза свои деньги, сказалъ только: „можетъ быть онъ и ошибается.“ Французъ клянется, что онъ и въ сорока милліонахъ Рускихъ узналъ бы его; что лице его избавителя столь же ему памятно какъ

и лице его любовницы. Тогда егеръ сказалъ со всею скромностію: „если я спасъ его отъ смерти и заплашилъ за шо кровныя свои деньги; шо не съ шѣмъ, что бы думалъ ворошить ихъ назадъ; шеперь онъ плѣнной и имѣетъ въ нихъ гораздо болѣе нужды, чемъ я. Я доволенъ и шѣмъ, что онъ меня помнитъ; когда же ему случится взять плѣннаго, шо пусть поступитъ такъ, какъ Руской поступилъ съ нимъ.“ По размѣнѣ плѣнныхъ, избавленный Егеремъ Францускій солдатъ, увидѣвъ, что Рускіе содержатся у нихъ не лучше преслупниковъ, явился къ Мармонпу и сказалъ: „Генералъ! я былъ въ плѣну у Рускихъ и могу увѣрить васъ, что они насъ содержали точно какъ своихъ, или лучше, мы были у нихъ въ гостяхъ; сверхъ того одинъ егеръ избавилъ меня отъ смерти, заплашилъ за меня Черногорцамъ всѣ свои деньги, а отъ меня не хотѣлъ взять ничего.“ Мармонпъ, желая поощрить и впредь къ таковымъ поступкамъ, прислалъ для врученія егерю 100 наполеондоровъ. Въ Приказѣ по арміи объявлено было: если кто заплашилъ за плѣннаго нѣсколько своихъ денегъ, шо съ вѣрными доказательствомъ явился бы для полученія оныхъ. Прошло два мѣсяца и никто не являлся; наконецъ приходитъ корабль *Св. Петръ*; обыскиваютъ егеря и представляютъ Адмиралу. Дмитрій Николаевичъ спросилъ: почему онъ не пришелъ прежде? Егеръ отвѣчалъ: „я не имѣлъ доказательствъ,

когда опдалъ, деньги, кромѣ Бога, никого не было свидѣтелей; впрочемъ я былъ увѣренъ, что Ваше Превосходительство сыщете меня.“ Адмиралъ похваливъ его поступокъ, опдалъ ему въ сверхъ сто наполеондоровъ и сказалъ: „Французскій Генералъ прислалъ это тебѣ въ награжденіе.“ Егеръ принялъ, развернулъ и спросилъ у Адъютанта, что это за деньги и сколько въ одномъ золотомъ червонцевъ? Адъютантъ отвѣчалъ ему: два. Егеръ попросилъ размѣнять ему одинъ, потомъ взявъ изъ своей суммы 13 червонцевъ и обратившись къ Адмиралу, сказалъ: „я беру только свои деньги, а чужихъ мнѣ не надобно.“ Адмиралъ, пронутый таковою честностію и благородствомъ, замѣнилъ наполеондоры червонцами, прибавилъ, къ 200 нѣсколько своихъ и сказалъ: „возьми, не Французской Генералъ, а я тебѣ дарю; ты дѣлаешь честь Рускому имени; ты достоинъ сей награды и сверхъ того жалую тебя въ Унтеръ-офицеры.“

2.) 19-го Сентября, при отступленіи къ *Кастель-Нову*, Подпоручикъ Витебскаго полку Арбенева былъ взятъ въ плѣнъ Французскимъ Штабъ-Офицеромъ, который велъ его въ сторону отъ сражающихся. На дорогѣ, въ кустахъ, лежалъ раненой Гренадеръ Колыванскаго полка. Французскій Офицеръ просилъ Арбенева, что бы онъ приказалъ ему бросить ружье, но солдатъ вмѣсто отвѣта прицѣливается и убиваетъ непріятеля. Въ сіе время герскій полкъ, прикрывавшій отступленіе,

остановился; Арбенева имѣлъ время и хотѣлъ опнести Гранодера въ безопасное мѣсто. „Не безпокойтесь, Ваше Благородіе! сказалъ Гренадеръ, я тяжело раненъ и чувствую, что скоро умру; не мѣшайте напрасно: непріятель близко, спасайте себя; а за мою душу отслужите панихиду.“ Арбенева побѣжалъ назадъ, собралъ нѣсколько людей своего полка, встрѣтился по счастью съ лѣкаремъ, воротился съ нимъ и нашелъ на томъ же мѣстѣ своего избавителя, онъ истеченіемъ крови лишившагося уже памяти. Лѣкаръ перевязалъ рану; Арбенева положивъ раненаго на шинель, приказалъ опнести въ свою квартиру и послѣ самъ за нимъ присматривалъ. Адмиралъ, узнавъ о семъ, удостоилъ Арбенева своимъ посѣщеніемъ, поручилъ солдата искуснѣйшему врачу, и хотя онъ имѣлъ двѣ тяжелыя раны, однако выздоровѣлъ.

3.) Лейтенантъ Н. В. Коробка, отправленный отъ Капо-Често (что между Себенико и Спалагро) на одной призовой шребаѣ въ Кашаро, 16 Ноября 1806 года встрѣтился съ двумя Французскими корсерскими лодками близъ гряды острововъ, составляющихъ каналъ Каламошо. Ни бѣжать, ни защищаться не было возможности. Грузъ судна стоилъ 80.000 рублей, а пошому и должно было ожидать, что хозяинъ онаго не упуститъ столь удобнаго случая къ своему освобожденію. Лейтенантъ полагалъ себя на вѣрное плѣннымъ

и хотѣлъ было уже приготовить шесть человекъ своихъ мапировъ покориться судьбѣ. Шкиперъ Пауло, замѣтивъ его смященіе и послушавъ совѣта товарища своего Напаль-Калагариса, подошелъ въ Коробкѣ и сказалъ: „возвращите мнѣ мои бумаги, а сами, съ людьми вашими, спрячьтесь въ трюмъ и ложитесь во всемъ на меня.“ Между тѣмъ корсеръ приблизился, сдѣлалъ выстрѣлъ и Пауло отправился къ нему на лодку. Начальникъ оной, посмотрѣвъ паспортъ, совѣтовалъ Пауло бѣжать Русскихъ, потомъ спустилъ его и самъ возвратился къ берегу. Пауло съ радостнымъ лицомъ входитъ въ каюту, гдѣ сидѣлъ Лейтенантъ, бросается къ нему на шею, цѣлуетъ у него руку и говоритъ: „я беспокоился больше объ васъ, нежели сколько думалъ о своихъ выгодахъ. Славу Богу! вы теперь свободны, а я опять вашъ плѣнникъ.“ При сихъ словахъ подалъ онъ Лейтенанту полученные отъ него бумаги. „Лучше, продолжалъ шкиперъ, хочу зависѣть отъ великодушія вашего начальника, нежели быть освобождену Французскимъ корсеромъ.“ Сенявинъ, умѣющій цѣнить благородные и великодушные поступки, получа о семъ происшествіи рапортъ, тотчасъ на оборотъ онаго написалъ: „пребаку съ грузомъ возвратишь шкиперу; отдашь на волю его выбрать портъ, въ коемъ могъ бы онъ выгоднѣе продать оный; за освобожденіе Офицера и людей выдашь въ награжденіе 200 червонцевъ и дашь открытый

„листъ для свободнаго пропуска во всѣ бло-
кированные гавани, куда бы шкиперъ ни по-
желалъ.“

4.) Сей поступокъ Адмирала скоро сдѣ-
лался извѣстнымъ во всей Италіи. Одно Рагу-
зинское судно, возвращаясь изъ Смирны встрѣ-
нилось съ Австрійскимъ. Шкиперъ послѣдня-
го, увѣдомивъ Рагузинца, что Рагуза осажде-
на нашими войсками, совѣтовалъ ему оп-
даться добровольно непріятелямъ Рускимъ,
нежели идти къ друзьямъ Французамъ. Ра-
гузинецъ пришелъ прямо въ Каспель-Ново,
спустилъ флагъ, опдался въ плѣнъ и не ошиб-
ся въ своемъ расчетѣ. Адмиралъ и его судно,
стоившее около 500,000 руб. освободилъ, при-
казалъ отыскать и доставить къ нему его
семейство, удалившееся на острова.

5.) При взятіи острова Курцало корветъ
Днѣпръ подъ командою Лейшенанта Бальзама
былъ посланъ въ Спалагро для отвоза ране-
ныхъ Французовъ съ такимъ отъ Адмирала
повелѣніемъ, что бы подъ разными предлога-
ми не сниматься съ якоря и, ежели будетъ
возможность, взять приверженнаго къ Россіи
Славянина. По прибытіи въ Спалагро, коман-
диръ корвета, сдавъ плѣнныхъ, просилъ поз-
воленія напиться водою и купить для эки-
пажа свѣжихъ запасовъ, копорыми тотъ же
вечеръ и былъ снабженъ, а воду обѣщались
доставить на другой день. На утро, у острова
Брацо, показался нашъ флотъ. Мармоншъ,
чрезъ начальника своего штаба призвавъ къ

себѣ Г. Бальзама, спросилъ: какія эшу суда и какое ихъ намѣреніе. На отвѣтъ, что то былъ Россійскій флотъ, Мармоншъ съ сердцемъ объявилъ ему, что сдѣлаешъ его военнопленнымъ, потому что Сенявинъ нападеши въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находишся переговорное команды его судно. Однако великодушный Францускій Маршалъ обѣщаль опуститъ Лейтенанта, если Сенявинъ возвратитъ ему взятыя имъ въ Брацо пушки и Франдузовъ, и приказываль Бальзаму написать о томъ къ Адмиралу. Бальзамъ отвѣчалъ, что не можеши дѣлать предложеній сего рода своему Главнокомандующему; Мармоншъ, недовольный такимъ отвѣтомъ Лейтенанта, сказалъ ему, что бы онъ послалъ повелѣніе старшему по немъ Офицеру ввести корветъ въ гавань. Бальзамъ вмѣсто сего увѣдомилъ Мичмана Кованьку, что онъ задержанъ и приказываль ему во что бы ни спало удалиться скорѣе отъ порта. Кованько подъ разными предлогами увѣрять Капитана надъ Спалапрійскимъ портомъ, что не можеши войти въ гавань; когда же подулъ легкій вѣтерокъ, при кошоромъ если не могъ выйти, то могъ съ выгодною напасъ на Францускую гребную флотиллію, послалъ къ Мармоншу письмо слѣдующаго содержанія: „Если вы, Г. „Генераль, не уваженіемъ къ переговорному флагу нарушаете народныя права, и если „начальникъ мой не будетъ освобожденъ; то „я задержу суда ваши и могу сжечь стоя-

„щія въ портѣ. Только полчасъ будутъ ожи-
 „дашь вашего отвѣта“ и проч. Мармонтъ
 увѣрясь, что Мичманъ получилъ прошивное
 приказанію его наспавленіе, сердился, угрожалъ,
 но Бальзамъ спокойно отвѣчалъ ему, что Фран-
 цускій Генераль не можетъ давать Рускому
 Офицеру никакихъ приказаній; что онъ сдѣ-
 лалъ то, что каждый приверженный къ свое-
 му Государю Офицеръ и самъ онъ (Мармонтъ)
 обязанъ былъ въ такомъ случаѣ сдѣлать. Симъ
 отвѣпомъ, казалось, Мармонтъ смягчился и
 пригласилъ Лейтенанта къ своему столу, гдѣ
 спрашивали его о числѣ и рангѣ нашихъ су-
 довъ и удивлялись, что въ шакое позднее вре-
 мя Сенявинъ не спрашилъ буръ Адриатиче-
 ского моря. Наконецъ Мармонтъ, взявъ съ
 него честное слово пріѣхать на другой день
 къ нему на завтракъ, отпустилъ. Бальзамъ,
 видя съ какимъ Генераломъ имѣешь дѣло, по-
 чель и себя въ правѣ нарушить данное обѣ-
 щаніе, и по прибытіи на корветъ, сдѣлалъ
 всѣ пріуготовленія къ снятію съ якоря, дол-
 женствоваващаго послѣдовать по захожденіи
 луны около полуночи; но сильный прошивной
 вѣтръ въ томъ ему воспрепятствовалъ и онъ
 былъ принужденъ, по второму позыву Мар-
 монта, ѣхать опять на берегъ, сдавъ однако
 до того на законномъ основаніи корветъ Мич-
 ману Кованькѣ съ предписаніемъ при первомъ
 благополучномъ вѣтрѣ сняться съ якоря и
 стараться соединиться со флотомъ. По окон-
 чаніи завтрака, Бальзамъ представляя Мар-

моншу, что онъ удерживаетъ его противъ всѣхъ воинскихъ правилъ, просилъ позволенія удалиться съ корветомъ. Наконецъ, послѣ многихъ препятствій и угрозъ и, какъ думашъ должно, по совѣту другихъ Генераловъ, Мармонъ спустилъ Бальзама и корветъ соединился со флотомъ на высотѣ Курцало.

6.) Сколько перемѣнился характеръ Французовъ, славящихся просвѣщеніемъ и извѣстныхъ до революціи особенною вѣжливостію, доказываютъ нѣкоторымъ образомъ поступки ихъ съ плѣнными. Солдаты наши, возвратившіеся изъ Далмаціи, рассказывали слѣдующее: ихъ содержали какъ преступниковъ въ шюрмѣ, морили голодомъ, опшнимали то, что жители изъ челоѣколюбія имъ приносили, и такими средствами принуждали вступать въ службу. Съ Офицерами не лучше поступали. Мичманъ Галичъ и Гардемаринъ Козырской, не смотря на нѣжный возрастъ послѣдняго, лишенные обуви, а частію и одежды, шли чрезъ всю Далмацію босикомъ и терпѣли неслыханныя отъ солдатъ наглости. Дабы увѣрить жителей, что войска наши разбины и Капаро взята, ихъ же самыхъ бо челоѣкъ плѣнныхъ выводили ночью тайно изъ шюрмы, а днемъ, при барабанномъ боѣ, водили для показу чрезъ городъ. Я умолчу о другихъ поступкахъ, ибо и сіи ничемъ неизвинительны, шѣмъ болѣе, что нисколько онѣ не сходили со снисхожденіемъ къ ихъ плѣннымъ, и можно со всею достоверностію ска-

зашь, что у нынѣшнихъ Французовъ право военноплѣнныхъ не существуетъ.“

Нѣчто изъ переписки.

Изъ переписки Адмирала съ Францускими Генералами намѣренъ я сообщить читателямъ два только письма, ясно обнаруживающія поступки и духъ приверженцевъ Наполеона. Лориспюнь, разбишый и осажденный въ Рагузѣ, жаловался Сенявину на жестокость нашихъ солдатъ и предлагалъ ему, что бы онъ приказалъ Черногорцамъ и Приморцамъ удалиться въ свои границы. Вотъ отвѣтъ на сіе нелѣпое предложеніе.

Г. Генераль Лориспюнь!

Въ письмѣ вашемъ отъ 27 Маія жалуетесь вы на жестокость моихъ солдатъ, слѣдственно Рускихъ. Вы такъ ошибаетесь Г. Генераль, что я почишаю совершенно излишнимъ опровергать сказанное вами, а сдѣлаю одно только замѣчаніе, какъ содержащееся у насъ и у васъ плѣнные. Ваши Офицеры и солдаты могушъ засвидѣтельствовать съ какимъ человеколюбіемъ обходимся мы съ ними; напрошивъ того у нашихъ, которые иногда по несчастію дѣлаются вашими плѣнными, отнимаюшъ плащъ, даже сапоги: нѣсколько изъ моихъ солдатъ, освобожденныхъ при вѣнскомъ взятіи Курцало, могушъ убѣдить васъ въ сей истинѣ; я самъ былъ тому очевидцемъ.

„О Черногорцахъ и Приморцахъ считаю нужнымъ дать вамъ нѣкоторое понятіе. Сіи воинственные народы очень мало еще просвѣщенны; однако же никогда не нападаютъ на дружественныя и неутральныя земли, особенно безсильныя. Но когда увидѣли они, что непріятель приближился къ ихъ границамъ съ намѣреніемъ внести огонь и мечъ въ ихъ доселѣ мирныя хижины, то ихъ справедливое негодованіе, ихъ ожесточеніе простерлось до такой степени, что ни моя власть, ни внушенія самаго Митрополима не въ состояніи были удержатъ ихъ отъ Азіатскаго обычая: не просить и не давать пощады, рѣзать головы взятымъ ими плѣнникамъ. По ихъ воинскимъ правиламъ оставляютъ они жизнь только тѣмъ, кои не вступая въ бой, отдаются добровольно въ плѣнъ, что многіе изъ вашихъ солдатъ, взятыхъ ими, могутъ засвидѣтельствовать. Впрочемъ и Рагузцы, служащіе подъ вашими знаменами, поступаютъ точно также какъ и Черногорцы.

„Признаюсь, Г. Генералъ, я не вижу конца несчастіямъ, которыя нанесли вы области Рагузской, и тѣмъ еще болѣе, что вы принуждая жишелей сражаться противу насъ, подвергаете ихъ двойному бѣдствію... одно средство прекратить сіи несчастія — оставьте крѣпость, освободите народъ, который до вашего прибытія пользовался неутралишетомъ и наслаждался спокойствіемъ, и тогда только

можете вы предложить, что бы Черногорцы возвратились въ дома, и проч.

Д. Сенявинъ.

Когда, при малыхъ пособіяхъ, содержаніе немалаго числа Францускихъ плѣнныхъ спановилось затруднительнымъ; то Адмиралъ предложилъ Генералу Мармоншу сдѣлать размѣнъ; и какъ нашихъ солдатъ находилось у него въ плѣну гораздо менѣе, нежели у насъ Францускихъ, то Адмиралъ соглашался опустить оспальныхъ на росписку съ тѣмъ, что бы таковоеже число, чинъ за чинъ, было опущено изъ имѣющихся во Франціи нашихъ плѣнныхъ. Предложеніе принято, но не исполнено: многіе изъ нашихъ плѣнныхъ, по принужденію, записаны были во Францускіе полки, находившіеся въ Далмаціи. Мармоншъ, уклоняясь возвратить ихъ по требованію Сенявина, назвалъ сихъ Рускихъ плѣнныхъ Поляками, добровольно вступившими во Францускую службу, и въ заключеніи своего письма распространился о просвѣщеніи Француской націи. Въспъ отвѣтъ на это письмо:

Г. Генералъ Мармоншъ.

„Объясненія въ отвѣтъ вашемъ ко мнѣ отъ 7 Декабря, относительно просвѣщенія Француской націи, совершенно для меня не нужны. Дѣло идетъ у насъ не о просвѣщеніи

соотечественниковъ вашихъ, а о томъ, какъ вы, Г. Генералъ, обходитесь съ Русскими плѣнными. Послѣдній поступокъ вашъ съ начальникомъ корвета, который посланъ былъ отъ меня въ Спалапро подъ переговорнымъ флагомъ, можетъ служить доказательствомъ, что слѣдствія просвѣщенія и образованности бывають иногда совершенно прошивны тѣмъ, какихъ по настоящему ожидать отъ нихъ должно. Скажу только вамъ, Г. Генералъ, что изъ тридцати солдатъ, названныхъ вами Поляками, четверо явились ко мнѣ и были природные Рускіе. Пусть Бонапарте наполняетъ свои легіоны; я ничего другаго отъ васъ не пребую, какъ возвращенія моихъ солдатъ, и если вы сего не исполните, то я найду себя принужденнымъ прервать съ вами всѣ сношенія, существующія между просвѣщенными воюющими націями.

Д. Сенявинъ.

Вице-Адмиралъ Краснаго флага,
Главнокомандующій морскими и
сухопутными силами въ Средиземномъ морѣ.

10 Декабря 1806 года.

Военный пиръ.

По прогнаніи Мармонша отъ Каспель-Ново, Адмиралъ, въ ободреніе солдатъ, далъ

великолѣпный и заслуживающій особенное вниманіе военный пиръ. Послѣ молебна за дарованную Богомъ побѣду надъ превосходными непріятельскими силами, войско стройными рядами прошло церемоніальнымъ маршемъ на площадь въ крѣпость. Тамъ ожидалъ храбрыхъ солдатъ приготовленный попечительностію начальника сыпный обѣдъ; каждый изъ нихъ получилъ порцію водки и по бушылкѣ винограднаго вина. По среди палатокъ, поставленныхъ между столами, Адмиральская опличалась поднятымъ на оной флагомъ; передъ нею поставлены были полковыя пушки, а по сторонамъ оркестры музыки. Къ столу Главнокомандующаго приглашены были не по старшинству чиновъ: сей чести удостоились одни только Офицеры, опличившіеся особенными подвигами или примѣрною храбростію. Здоровье егеря *Ефимова* объявлено изъ первыхъ, при чемъ сдѣлано было пять выстрѣловъ, а товарищи его, при восклицаніяхъ: *ура!* качали его на рукахъ. Такимъ образомъ всѣ приглашенные удостоены были особенной почести пиршья за ихъ здоровье. Участники сего празднества не могли безъ умиленія объ ономъ рассказывать; всѣ солдаты столь живо чувствовали сію необыкновенную честь, что усердныя, искреннія привѣтствія: *дай Боже, здравствовать отцу нашему нахлынику!* произносились съ восторгомъ непрерывно. По окончаніи уже стола, Игуменъ монастыря *Савино*, восьмидесятилѣтній старецъ, вошедъ въ

палашку, привѣтствовалъ Адмирала истиннымъ, вѣрнымъ изображеніемъ всеобщихъ къ нему чувствованій любви и признательности. Послѣднія слова его рѣчи были: *да здравствуетъ Сенявинъ!* и слова сіи повторились войскомъ и собравшимся во множествѣ народомъ сильнѣе грома пушекъ. Адмиралъ ошклонилъ опъ себя всѣ особенныя ему предложенныя почести. Знать совершенно цѣну добрымъ начальникамъ и умѣлъ быть къ нимъ благодарнымъ за всѣ ихъ попеченія и вниманіе, всегда было и будетъ коренною добродѣтелью Рускаго солдата.

Вотъ средства и причина, которыми Сенявинъ пріобрѣлъ неограниченную довѣренность опъ всѣхъ вообще своихъ подчиненныхъ, какъ Офицеровъ, такъ и солдатъ. Каждый увѣренъ былъ въ его вниманіи и съ радостію искалъ опасностей въ сраженіи. Сенявинъ скромный и кроткій нравомъ, спростой и взыскательный по службѣ, былъ любимъ какъ отецъ, уважаемъ какъ справедливый и праводушный начальникъ. Онъ зналъ совершенно важное искусство пріобрѣтати къ себѣ любовь и употреблялъ оную единственно для общей пользы. Послѣ сего удивительно ли, что въ продолженіе его начальства солдаты и матросы не бѣгали и не случалось такихъ преступленій, которые заслуживали бы особенное наказаніе. Коммиссія военнаго суда не имѣла почти дѣла: въ госпиталяхъ скоро выздоравливали.

Н а в о д н е н і е в ъ К а т а р о .

23 Генваря скоро послѣ полудня, черныя тучи сомкнулись, закрыли небо и спустились до вершинъ горъ. Солнце подобно раскаленному ядру, окруженное огненнымъ кольцомъ, изрѣдка показывалось и едва могло проникать густой туманъ. Облака сошли еще ниже, солнце исчезло и день обратился въ ночь. Сильный вѣпръ съ дождемъ и громомъ скоро приближался. Молніи, падая одна за другою на вершины горъ, пестрили небо извивистымъ огнемъ, отголоски грома столь были сильны, что въ воздухѣ слышенъ былъ вой. Въ непроницаемомъ мракѣ, молніи, открывая себѣ путь, освѣщали крапковременно голыя вершины скалъ, окружающихъ Каспель - Ново, и въ сіе время быстрые пошoki видны были несущимися внизъ. Картина ужасная и вмѣстѣ величественная. Черезъ нѣсколько минутъ гроза дошла и до насъ, казалось облака разверзлись, другое море висѣло на небѣ, ливень шелъ болѣе получаса, молніи падая безпрестанно разсѣкали море, громъ поипрясалъ воздухъ. Огонь, воздухъ, вода, земля смѣшались и не видно было ни одного предмета. Когда гроза прошла, и небо начало прочищаться, открылись грозные пошoki, кои цѣлыми рѣками, широкими пѣнящимися водопадами, неслия по скашамъ горъ съ ужаснымъ ревомъ. Наводненіе сіе причинило великій убытокъ, виноградники большею частію смыло,

занесло пескомъ и каменьями, множество ско-
та погибло отъ спремленія воды, мѣльницы
сорвало, и деревья въ садахъ вырвало съ кор-
нями.

ЗАМѢЧАНІЯ О ТЕЧЕНІИ ВѢТРОВЪ И ПЕРЕМѢНАХЪ
ВОЗДУШНЫХЪ ВЪ АДРІАТИЧЕСКОМЪ МОРѢ.

Направленіе вѣтровъ въ Адріатикѣ и Сре-
диземномъ морѣ, въ продолженіи лѣта, слѣ-
дуетъ теченію солнца; утромъ при восхож-
деніи начинается дуть NO, потомъ, O, мало
по малу къ S переходитъ, откуда къ вечеру
дѣлается W, ночью дуетъ отъ NW и N, а
въ слѣдующее утро къ NO возвращается.
Причина сему очевидна; солнце въ теченіи
своемъ послѣдовательно согрѣвая всѣ точки
горизонта, рѣдитъ воздухъ, и гонитъ оный
передъ собою по направленіямъ, въ сказанномъ
порядкѣ перемѣняющимся. Полдневный жаръ
вообще прохладается N и NW вѣтромъ, и
днемъ вѣтры обыкновенно дуютъ съ моря;
ночью же съ берега, приносятъ теплые
пары, кои солнце днемъ извлекаетъ изъ зем-
ли. Сии испаренія, разжиженные морскимъ
влажнымъ воздухомъ, производятъ росу, па-
дающую крупными каплями, осѣжающими
воздухъ и способствующими произрастеніямъ.
Часъ по восхожденіи воздухъ бываетъ чистъ
и прохладенъ. Во время лѣтнихъ жаровъ, не-
бо постоянно бываетъ ясно, прекрасная ла-

зурь его не нарушается ни громомъ, ни дождями; Сироко, порожденіе плѣшворнаго Самуна, и Тифоны замѣняютъ ихъ.

Около осенняго равноденствія, свѣшлая лазурь неба начинаетъ помрачаться, сильные вѣтры послѣдуемы бывають Борою, главнѣйшимъ непріятелемъ мореходцевъ въ Адріатическомъ и почти во всемъ Средиземномъ морѣ, особенно у береговъ Франціи и на западной сторонѣ Италіи. Вскорѣ за вѣтрами, въ исходѣ Ноября, иногда прежде, иногда послѣ, являющіяся громы, молніи, бури и грозы, сопровождаемыя проливными дождями, и почти всякой день идетъ мѣлкій дождь. Удары грома въ горахъ такъ сильны, что къ нимъ не можно привыкнутьъ, и самый смѣлый человѣкъ подвергается невольному страху. Съ Сентября по Мартъ, въ Адріатикѣ по нѣскольку дней сряду дуютъ NW и SW, что вмѣстѣ съ продолжительными Борами много затрудняетъ плаваніе въ семъ морѣ. Напротивъ того лѣтомъ морскіе и береговые вѣтры благопріятствуютъ оному.

П л а в а н і е Д о К о р ф ы.

По полученіи извѣстія еще недостовернаго о разрывѣ съ Турками, 29 Генваря, съ двумя призовыми судами и военными транспоршами Діомидомъ и Херсономъ, оставили мы Каспель-Ново. Вѣтры были тихіе и прошивные, но 31 сдѣлался сильной попуш-

ный и мы погоже дня прибыли въ Корфу, гдѣ нашли Адмирала, и эскадру, пришедшую изъ Кроншпада; оную составляли слѣдующіе корабли: 1 Сильной 47 пушечной, Капитанъ-Командоръ Игнапьевъ, 2. Рафаиль 84, Капитанъ Лукинъ, 3. Мощный 74, Капитанъ Крове, 4 Твердыъ 84, Капитанъ Малѣевъ, 5. Скорый 66 пушечный, Капитанъ Шельпингъ; Фрегатъ Легкій 44, Капитанъ Повалишинъ, шлюпъ Шпицбергенъ о 32 пушкахъ, Капитанъ Малыгинъ, корвета Флора о 24 пушкахъ, Капитанъ Кологривовъ, кашеръ Спрѣла о 18 пушкахъ, Лейтенантъ Гамалѣя; фрегатъ, корветъ и кашеръ оставлены въ Адриатическомъ морѣ.

Прекрасный корветъ Флора разбился у береговъ Албаніи. Слѣдуя изъ Курцало въ Корфу въ ночи 26 Генваря, жестокой шкваль съ громомъ и молніею лишили его бушприпа и фокъ мачты, паденіемъ послѣдней сломало гротъ спеньгу; въ семъ положеніи несло оный къ берегу, гдѣ между Антивари и Дульциньо бросили якоря. На другой день при большомъ волненіи, съ благополучнымъ вѣтромъ, Капитанъ Кологривовъ, снявшись съ якоря, пошелъ къ югу; но вѣтръ къ несчастію снова обратился къ берегу, подъ фальшивымъ вооруженіемъ не лзя было такъ править какъ бы нужно, и въ ночь на 27 число ударило корветъ объ мѣль у мѣстечка *Каво Деляци*, и выбило руль. Хопя въ сіе время для облегченія корвета срубили мачты, ко-

ронады и всѣ тяжести бросили въ море: но на другой день видя, что нѣтъ средства избавить отъ гибели корветъ, Капитанъ, не бывъ еще извѣстенъ о войнѣ съ Турками свезъ людей на Албанскій берегъ. Албанцы обообрали у нихъ оружіе и все что имъ понравилось, отвели въ Берашъ, гдѣ Браимъ Паша объявилъ ихъ плѣнными, а 8 Февраля отправилъ въ Констанцинополь и тамъ какъ экипажъ, такъ и Офицеры обременены были цѣпами, и около двухъ годовъ содержались въ мрачной пюрѣмѣ.

Предъ отправленіемъ Главнокомандующаго изъ Катаро, разнесся слухъ весьма вѣроятный, что Французы, для усиленія арміи своей въ Пруссіи, намѣреваясь оставить Далмацію, почему и сдѣланы были всѣ распоряженія, дабы неупустительно занять сію провинцію. Уже были сношенія съ жишелями, копорые давно жаждали покровительсва Государя Императора, а дабы Австрійскія войска (для усиленія копорыхъ назначено было еще 3000,) до сего времени ожидающія сдачи имъ провинціи Катарской, не могли бы предупредить насъ, то Капитану 1 ранга Баратынскому, оставленному начальникомъ эскадры, состоящей изъ 3 кораблей, 8 мѣлкихъ судовъ и всѣхъ корсеровъ, поручено не допустить ихъ до сего, и строго наблюдать, что бы Генераль Белегардъ (*) съ острова

(*) Потерявъ надежду возвратить Катаро, Австрійскія войска въ Маѣ 807 года возвратились въ Триестъ.

Жупано, (что близъ Рагузы) не перешелъ въ сосѣдственные острова Далмаціи. Однакожъ въ послѣдствіи Французы вывели только излишнія войска, и снявъ малые свои опряды съ острововъ, усилили оными гарнизоны въ крѣпостяхъ. Кромѣ частыхъ шибокъ нерегулярныхъ войскъ у старой Рагузы и тѣсной блокады военныя дѣйствія продолжались по прежнему. Полковникъ Книперъ, командующій сухопутными войсками, получилъ предписаніе совокупно съ Капитаномъ Баратынскимъ, защищать Кашаро до послѣднихъ силъ. На случай же вѣроятной войны съ Турками, Адмиралъ предложилъ Г-ну Санковскому, пользоваться приверженностію Герцоговиновъ, и для сего предъ отправленіемъ своимъ въ Корфу, оставилъ прокламацію, копорая принята была съ живѣйшимъ воспоргомъ, чѣмъ самымъ безопасность Кашарской провинціи была обезпечена, и Французскіе Генералы, не смотря на помощь Турецкихъ Пашей, не могли лишиться Кашаро подвозу съѣстныхъ припасовъ, и не осмѣлились предпринять покорить Кашаро.

Сенатъ Іонической Республики подноситъ

Адмиралу брилліантовую шпагу и жезлъ.

Извѣстіе о войнѣ съ Турками.

31 Генваря Венусъ прибылъ въ Корфу. Мы нашли шупъ Адмирала съ 8 кораблями, 6 фрегатами и другими мѣлкими судами.

Средиземное море конечно еще не видало столь большого и прекраснаго Россійскаго флота. Прибавленіе здѣсь морскихъ нашихъ силъ много благопріятствовало торговлѣ. Большая часть купеческихъ судовъ, Грековъ, Славянъ, Италіанцовъ были подъ нашимъ флагомъ. На оныхъ 5 корабляхъ и 3 другихъ судахъ прибыло 4360 человекъ служителей, что вмѣстѣ съ прочими соспавляло на всемъ флотѣ 12,268 человекъ.

Корфа справедливо почиалась столицей нашихъ пріобрѣтеній въ Средиземномъ морѣ. Она походила болѣе на Рускую колонію, нежели на Греческій городъ; вездѣ видишь и вспрѣчаешь Рускихъ. Жители привыкли къ нашимъ обычаямъ; многіе научились говорить поруски, а мальчики даже пѣли Рускія пѣсни. Въ Корфѣ мы отдышали и веселились. Спрогая нравственность Славянъ, не знающихъ ни какихъ общественныхъ увеселеній, дѣлала пребываніе у нихъ скучнымъ, и пошому приходя въ Корфу, всякой спѣшилъ на Спьянадо, въ Театръ, и маскарадъ. Опъ долгого владычества здѣсь Венеціанъ Греки приняли нѣкоторыя Италіанскіе обычаи, именно тошъ, что когда садятся обѣдать, закрываютъ спавни и запираютъ двери, только богатые, и то очень рѣдко, принимаютъ гостей. Не смотря, что нѣкоторые наши Офицеры шупъ женились, Гречанки, сколько о томъ не старались, рѣдко показывались въ обществѣ нашихъ дамъ; но карнавальныя праздники, продолжающіеся опъ

Рождества до поста, разрѣшаютъ узы прекрасныхъ затворницъ, шутъ въ лучшихъ нарядахъ и маскахъ выходятъ они на Спянадо и гуляютъ по Кале д' Аква. Сіи святочные праздники есть время любовныхъ запѣй, и сколько ни ревнивы мужья, Гречанки умѣютъ обманывать ихъ бдительность.

По прибытіи флота изъ Капаро въ Корфу 17 Генваря получено извѣстіе, что войска наши взяли въ Молдавіи многія крѣпости; но какъ Министръ иностранныхъ дѣлъ извѣстилъ при томъ „чтобы всупленіе войскъ нашихъ въ сію область не почишатъ неприязненною мѣрою и не прежде начатъ военныя дѣйствія, какъ по полученіи досповѣрныхъ свѣдѣній или повелѣній Двора“, почему Адмиралъ былъ въ великомъ затрудненіи, и оставался въ продолжительной неизвѣстности. Между тѣмъ Али Паша собиралъ войска, дѣлалъ укрѣпленія, занялъ Превезу, задержалъ Консуловъ нашихъ и Іоническія лодки, шедшія съ провизіею въ Корфу. Главнокомандующій принужденъ былъ принять сообразныя тому мѣры; и сей Паша, сколько коротко знающій рѣшительность его, послѣ многихъ переговоровъ, боясь можеть неудовольствія или бунта своихъ подданныхъ Грековъ, а болѣе предполагая, что мы пожелаемъ воспользо-ваться преданностію Морейцевъ, удовлетвори- рилъ всѣмъ требованіямъ, а напоследокъ объявилъ желаніе остаться неупральной, бытъ по прежнему другомъ Республики и мирнымъ

сосѣдомъ. Почему отъ Адмирала объявлено было: „какъ Паши Албанскій и Скутарскій не намѣрены участвовати въ войнѣ нашей съ Турціею, то суда ихъ, пока будутъ доставлять нужное въ Корфу и Капаро, почитать свободными,“ на что въ слѣдствіи и Англійскіе Адмиралы согласились. Сіе постановление обезпечило содержаніе войскъ и принесло Республикѣ сугубыя пользы. Народные представители, чувствуя въ полной мѣрѣ таковыя попеченія Главнокомандующаго, всегда и постоянно спремившагося къ ихъ благоденствію, по опредѣленію собранія верховнаго законодательнаго сословія, въ знакъ торжественнаго свидѣтельства признательности и благодарности, поднесли Адмиралу отъ лица Республики, золотую шпагу съ брилліантами и подобный же жезлъ. Въ слѣдствіе сего Президентъ Савіо Анино 4 Февраля далъ повелѣніе Республиканскому Министру при Россійскомъ Августѣйшемъ Дворѣ объ исходатайствованіи у Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго соизволенія на совершеніе его положенія.

24 Генваря Англическое Правительство, чрезъ нашего Повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ, и посланника, Тапищева изъявило желаніе, чтобы четыре корабля подъ начальствомъ Конпръ-Адмирала Грейга, въ видѣ вспомога-
 тельныхъ, соединились съ Англическою эскадрою, въ Архипелагъ назначенною, а два бы-
 ли бы посланы для защищенія Сициліи; но

Адмиралъ не желая раздроблять силъ своихъ, оповѣстивовалъ, что онъ самъ, по полученіи точнаго извѣстія о разрывѣ съ Турками, отправишся къ Дарданелламъ съ 10 кораблями, гдѣ на мѣстѣ согласится съ начальникомъ Англійской эскадры, какое попребно будетъ ему подкрѣпленіе, или по соглашенію Дворовъ самъ будетъ просить его вспоможенія.

Наконецъ недоумѣніе, какую спорону приметъ Турецкое Правительствво, разрѣшилось. Корветъ Павелъ, посланный въ Черное море, дойдя до острова Хіо, узналъ отъ нашего тамъ Консула, что Порша приступила уже къ непріятельскимъ дѣйствіямъ. На возвращеніи пуши корветъ, зашедъ къ острову Мило, встрѣтился съ Англическимъ фрегатомъ, на которомъ находился Посланникъ Г-нъ Ишалинскій. Война съ Турціею подтвердилась еще тѣмъ, что бригъ Сфинскъ, шедшій изъ Чернаго моря, взявъ въ плѣнъ въ Константинополѣ, а экипажъ, по ходатайству нашихъ Агентовъ, еще не выѣхавшихъ изъ Константинополя, опущенъ для отправленія въ Корфу. Послѣ сихъ несомнѣнныхъ доказательствъ, Главнокомандующій сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: главное начальство въ Капаро, какъ сказано выше, поручено Капитану 1 ранга Баратынскому; для защиты Республики оставленъ Генералъ-Маіоръ Назимовъ и 2 корабля и 9 мѣлкихъ судовъ подъ командою Капитана 1 ранга Лелли. Крѣпость Санто-Мавра, болѣе угрожаемая

Али-Пашею, поручена Генераль-Маіору Шпешеру. Графу Моцениго, какъ гражданскому Начальнику, Адмиралъ предложилъ воспользоваться усердіемъ Албанцевъ и Морейцевъ, и принявъ ихъ въ службу, съ положеннымъ жалованьемъ воинамъ легіона легкихъ стрѣлковъ, и начальство надъ ними поручить нашимъ Офицерамъ. Какъ на защиту Республики оставалось самое ограниченное число войскъ, копорыя нынѣ будучи раздѣлены на два пункта, несли болѣе службы; но, дабы ободрить ихъ и подкрѣпить здоровье лучшею пищею, Адмиралъ приказалъ выдавать солдатамъ по полуфунту мяса на день, а въ праздники бутылку вина. Въспъ какими средствами, при весьма незначущихъ силахъ, могли мы удерживать Капаро и Республику. Бодрость войскъ, усердіе Офицеровъ, уваженіе Генераловъ и довѣренность народовъ, а болѣе всего рѣдкое единодушіе Морскихъ и Сухопутныхъ Начальниковъ, помогли Сенявину оправдать выборъ и довѣренность Государя.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Заключающей происшествія отъ 1 Іюня 1806 года по 10 Февраля 1807 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стан.
Посылка Брига Лепуна въ Превезу -	1.
Взятіе крѣпости Курцало - - -	5.
Генералъ Лористонъ занимаетъ Рагузу и уничтожаетъ Республику - - -	11.
Взятіе Старой Рагузы — сраженія въ го- рахъ—разбитіе Лористона и осада Но- вой Рагузы - - - - -	14.
Плаваніе фрегата Венусъ къ берегамъ Далмаціи - - - - -	27.
Островъ Курцало - - - - -	29.
Крейсерованіе у Далмацкихъ береговъ; взя- тіе двухъ шебекъ и возвращеніе въ Капаро - - - - -	33.
Снятіе осады Новой Рагузы - - -	38.
Великодушное налѣзненіе Бокезцовъ - -	44.
Крейсерованіе въ Малоиъ морѣ — въпрѣ Сироко - - - - -	50.
Переговоры о сдачѣ Боко ди Капаро -	56.
Журналъ военныхъ дѣйствій отъ 2 по 35 Сентября - - - - -	65.
Плаваніе вдоль береговъ Епира до Корфы	80.
Нѣчто о Али Пашѣ - - - - -	83.
Корфа—могилы Св. Спиридонія—укрѣпленія— развалины Корциры — Белиге и прог.—	85.
Плаваніе отъ Корфы до Сиракузъ — буря	104.
Сиракузы—ея развалины—Діонисіево ухѣ— Алифитеатръ—Катакомбы и прог. -	110.

Плаваніє отб Сиракузб до Палермы—о изверженіяхб Этны - - -	152.
Палерма—положеніє города—фонтаны— Церкви—Монахи—Нищіє—Плуты—Са- ды—Бегарія - - -	154.
Плаваніє отб Палермы до Мальты -	165.
Мальта—ея укрѣпленія—Церковь Іоанна Іерусалимскаго—Чипта-Веккіа—Испо- рія Мальты—Россійскіє плѣнные -	167.
Плаваніє до Каліари - - -	183.
Приключенія плѣннаго Рускаго Офицера	186.
Каліари - - -	196.
Плаваніє до Палермы - - -	197.
Палерма—Спасеніє Американскаго кораб- ля—кораблекрушеніє Англинскаго ко- рабля Виліамб-Теля—Театрб—Им- провизаторб—Народныя и҃гры—Ста- тистика и Історія Сициліи - -	198.
Плаваніє отб Палермы до Мессины -	214.
Мессина—Акула и Ремора - -	216.
Плаваніє отб Мессины до Кастель-Ново -	219.
Взятіє острововб Курцало и Брацо -	222.
Сраженіє брига Александра сб Французскою флотилією - . - -	229.
Анекдоты и военный пирб - - .	253.
Переписка Вице-Адмирала Сенявина сб Французскими Генералами - -	245.
Наводненіє вб Катаро - . -	249.
Замѣтанія о теченіи вѣтровб и переливб воздушныхб вб Адріатическомб морб	250.

Сенатъ Ионической Республики подноситъ
Адмиралу бриліантовую шпагу и
жезлъ — извѣстіе о войнѣ съ Тур-
ками -254.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is faint and mostly illegible due to fading and the texture of the paper.

Handwritten text in a rectangular box, possibly a library or archival stamp. The text is mirrored, suggesting it is bleed-through from the reverse side. It appears to contain the words "BIBLIOTHECA" and "MUSEUM" in reverse order.

High 015 3678 Rest

Bronevskij, Vladimir Bogdanovič,

Zapiski morskago oficera v prodolženii kampanii na Sredizemnom morě pod nač
al'stvom Vice-Admirala Dmitrija Nikolaeviča Senjavina ot 1805 po 1810

Bd.: 2 (1836)

Sanktpeterburg 1836

Mil.g. 372 x-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10595506-9